



И.М. ГОЛУШКО

*СОЛДАТЫ
ТЫЛА*



Иван Макарович
ГОЛУШКО



ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
И. М. ГОЛУШКО

СОЛДАТЫ ТЫЛА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 68.7
Г62

Голушко И. М.

Г62 Солдаты тыла. — М.: Воениздат, 1988. — 272 с.:
9 л. ил. — (Военные мемуары).

ISBN 5-203-00173-1

Автор раскрывает в книге роль всестороннего тылового обеспечения жизни и боевой деятельности войск. Начальник штаба — первый заместитель начальника Тыла Вооруженных Сил СССР, доктор военных наук, профессор генерал-полковник И. М. Голушко рассматривает пути совершенствования различных служб тыла в военные и послевоенные годы, в современный период, рассказывает о сослуживцах — солдатах тыла. Новая книга является как бы естественным продолжением его фронтовых воспоминаний «Танки оживали вновь», также выпущенных Воениздатом. Рассчитана на массового читателя.

Г 1304010000-008 53-88
068(02)-88

ББК 68.7

ISBN 5-203-00173-1

© Воениздат, 1982
© Воениздат, 1988,
с дополнениями

В 1974 году издана первая моя книга «Танки оживали вновь». В ней рассказывается о том, как в годы Великой Отечественной войны ремонтники Ленинградского фронта прямо на передовой или в ближайшем тылу восстанавливали подбитые танки и самоходки и ожившие стальные машины опять шли в бой... Признаться, прежде чем написать ту книгу, я долго колебался: а вызовут ли интерес у читателя события и факты, о которых хочу поведать? Быть может, они важны и памяты лишь для участников войны, выполнявших в те огненные годы такие же скромные и внешне столь обыденные задачи, как эвакуация и ремонт военной техники? И не затеряется ли безыскусное мое повествование среди других мемуаров с более яркой и занимательной фабулой?

Но вот воспоминания вышли в свет, вызвав первые читательские отклики. И сразу исчезли все сомнения. Книга была принята хорошо, видимо, еще и потому, что она, как говорилось в одном из полученных мною писем, «освещала малоизвестную сторону в практике боевых действий танкистов, рассказывала о фронтовых буднях воинов скромных профессий».

Естественно, к событиям, изложенным в книге, читатели отнеслись по-разному. Каждый оценивал их, как говорится, с высоты своего возраста, жизненного опыта и интересов. Фронтовики, особенно специалисты танкотехнической службы, благодарили за теплые слова, сказанные о тружениках войны — ремонтниках. Некоторые сообщали новые интересные факты, просили расширить воспоминания. На молодых читателей особое впечатление, чувствовалось, произвели страницы, повествующие о беспримерном мужестве жителей блокадного Ленинграда, сполна изведавших горя и лишений, но отстоявших от врага свой прекрасный город.

Многих интересовала дальнейшая судьба автора книги, встретившего войну почти таким же безусым юнцом, какими являются и многие сегодняшние читатели военных мемуаров. И, наконец, представители старшего поколения,

трудившиеся в годы военного лихолетья на оборонных объектах, писали о том, как беззаветно работали в те дни все советские люди в тылу страны для нужд фронта и победы над ненавистным врагом. Таких особенно интересовали факты и цифры, свидетельствующие о вкладе в Победу нашей социалистической экономики, военной промышленности.

Всю ту массу читательских писем объединяло одно общее чувство — признание большого и важного вклада, который внесли в общее дело разгрома гитлеровских захватчиков воины различных тыловых специальностей. Порадовало и желание читателей побольше узнать о том, как осуществляется тыловое обеспечение войск в дни войны и в мирное время. Так возник замысел новой книги, созрело намерение рассказать, по возможности в живой форме, не только о функциях и деятельности такого сложного механизма, каким является Тыл Советской Армии, но и поближе познакомить читателей с конкретными делами и заботами солдат тыла. К большому сожалению, размеры данной книги ограничили ее содержание, лишив возможности детально рассказать о развитии тыла во всех видах Вооруженных Сил.

Отдавая и этот свой труд на суд читателей, буду признателен за все их отзывы и пожелания.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В книге «Танки оживали вновь» рассказ о своей фронтовой судьбе я завершил событиями конца 1944 года. К тому времени боевые действия на территории Прибалтики в основном уже закончились. В результате ряда наступательных операций от немецко-фашистских захватчиков были очищены земли советских республик Литвы, Латвии и Эстонии. Только на Курляндском полуострове еще оставалась крупная вражеская группировка, прижатая к морю и блокированная советскими войсками.

В итоге линия фронта на прибалтийском участке резко сократилась. Это позволило советскому командованию высвободить значительные силы для использования на других, более активных направлениях. Туда перемещались и некоторые части нашего Ленинградского фронта: полоса непрерывных ожесточенных сражений сменялась для него периодом относительного затишья...

Некоторые офицеры из управления бронетанковых войск также предпринимали попытки перебраться на действующие фронты. С аналогичной просьбой обратился в кадры и я.

— А на вас уже есть приказ, — бесстрастно объявил кадровик. — Назначаетесь заместителем командира учебного танкового полка. Кстати, полк расположен в местах, вам знакомых.

В первую минуту я подумал, что ослышался. Потом решил — произошла ошибка. И лишь затем кинулся в различные инстанции, чтобы обжаловать этот, на мой взгляд, совершенно немотивированный приказ. Однако все мои попытки оказались безуспешными. На доводы о том, что молодые офицеры-фронтовики должны воевать, а не отсиживаться в тылу, генерал Н. Н. Шестаков, заместитель командующего бронетанковыми войсками фронта, вежливо, но твердо возразил:

— Подготовка пополнения для фронта — это тоже боевое задание!

И тут же, исключая дальнейший «обмен мнениями», корректно намекнул, что недавнее мое тяжелое ранение

вообще пока исключает возможность прохождения службы в действующих частях. Пришлось смириться (по крайней мере до поры, пока не окрепнет здоровье) и в начале декабря 1944 года отбыть к новому месту назначения.

Учебный полк, образованный на базе полка запасного, находился действительно в местах памятных — в городе Пушкин, под Ленинградом. Когда я представился его командиру полковнику В. И. Михееву, тот, не скрывая довольной улыбки, пояснил:

— А ведь я вас помню! И сам попросил о вашем назначении сюда.

Вспомнил и я этого требовательного и очень энергичного офицера. В апреле 1943 года после первого ранения я находился около недели в запасном танковом полку, которым он же и командовал. Размещались мы тогда в здании Ленинградского политехнического института, проходили ускоренную доподготовку и с нетерпением ожидали новых назначений. Большинство офицеров-танкистов, также попавших сюда после излечения в госпиталях, рвались на фронт. Нам повезло, и наше пребывание «в запасе» закончилось очень скоро. Правда, Михеев успел-таки дать мне несколько поручений (провести два-три занятия с офицерами и исполнить какие-то документы) и даже отметил «усердие и инициативу», которые якобы я проявил. Впрочем, пребывание в запасном полку так тяготило всех неопределенностью положения, что мы были рады любому делу, а молодых сил хватало с избытком на все... Оставалось теперь лишь благодарить полковника за хорошее мнение обо мне и не мешкая приниматься за работу.

Кое-как приткнувшись в переполненном офицерском общежитии полка, я с головой ушел в новые заботы. Их оказалось предостаточно. С первоочередными познакомил начальник штаба подполковник П. И. Белкин, вдумчивый и очень благожелательный по характеру человек. Разложив на столе учебные программы и другие документы, он вкратце перечислил задачи, входившие в круг моих обязанностей. Схематично их можно было разделить на три части: создание учебной базы, восстановление военного городка и личное участие в учебном процессе.

— Наш полк трехбатальонного состава готовит командиров танков, механиков-водителей, заряжающих и радистов, — информировал Белкин. — Главные предметы — вождение, стрельба, связь, правила эксплуатации и обслуживания техники. Много внимания уделяется тактической подготовке, обучению экипажей совместным действиям в

бою в различной обстановке. На тактических учениях завершается сколачивание взводов и рот в боевом отношении.

Какая же учебная база нужна по каждой боевой специальности? Вот наши наметки. А это — предложения инструкторов, — подал он через стол несколько листков. — Изучите все, найдите оптимальное решение, обсудим и — за дело. Теперь о жилье. Городок — весь в развалинах, сами увидите. Надо строиться. Учебные дисциплины выбирайте любые. Вождение танков? Техническое устройство? Ремонт и обслуживание? Ну и прекрасно. По этим трем предметам и будем планировать вам занятия...

Выйдя из штаба, ютившегося со всеми своими отделами и службами в двух комнатках единственной уцелевшей казармы, я решил осмотреть военный городок.

Он был совершенно разбит в ходе ожесточенных боев, сначала при обороне, а затем — освобождении Пушкина. Картина была удручающей. Невольно я сравнил ее с другой: ведь здесь я служил недолго после окончания военного училища в 49-м отдельном тяжелом танковом полку. Отсюда и на фронт убыл 22 июня 1941 года...

В том довоенном городке были прочные кирпичные казармы, добротные парки для хранения и обслуживания военной техники, хорошо оборудованные учебные классы, налаженное войсковое хозяйство. Теперь же, куда ни глянь, всюду видны полуобвалившиеся закопченные стены, воронки и ямы, горы мусора и пепла. Фасад и крыша единственной казармы пестрели заплатами из кусков фанеры и жести. Даже кроны деревьев, окружавших строевой плац, были посечены осколками снарядов и помертвели в пламени пожарищ. Общую картину запустения усиливало малолюдье — на территории военного городка редко мелькали фигуры людей, в одиночку или группами направлявшихся куда-то...

Еще более тягостное впечатление производили разрушения, учиненные фашистскими захватчиками в самом городе. Бывшее Царское Село, с его роскошными дворцами, парками и многочисленными мемориальными сооружениями, славилось до войны своей красотой и было любимым местом отдыха ленинградцев. Здесь бережно сохранялись все исторические памятники и священные для сердца русского человека пушкинские места. Гитлеровские вандалы превратили большинство зданий в руины. Они уничтожили многие бесценные историко-художественные памятники, разрушили дворцы и статуи, вырубили сады и парки. Освобожден-

ный в конце января 1944 года, город все еще нес на себе мрачную печать войны, был пустынен и тих, особенно с наступлением сумерек. И лишь внимательнее глянув, ты начинал замечать, что и здесь с каждым днем набирает силу жизнь: прибывают люди и стройматериалы, расчищаются завалы, начались восстановительные работы. Отремонтированные здания отводились в первую очередь под школы, больницы, магазины и детские сады.

«Вот и ты из узкого спеца по ремонту танков должен теперь переквалифицироваться в строителя широкого профиля, — подумал я. — Научиться восстанавливать жилье, возводить бытовые и учебные объекты». И тут опять вспомнился июнь 1941 года. За день до начала войны, получив задание от командира танкового батальона капитана Бочкарева, я вот так же прикидывал мысленно, с чего начать оборудование парка гусеничных машин. История как бы повторялась. Впрочем, прямой аналогии не было. Просто я возвратился в тот же военный городок, в котором служил до войны. И вновь должен был исполнять не совсем обычные для строевого офицера обязанности. Правда, обстановка была уже иной. Тогда война еще только ожидалась. А теперь она была на исходе. И каждому из нас, людей военных, в том числе и здесь, в тылу, требовалось приложить максимум усилий к тому, чтобы приблизить ее конец.

Собственно говоря, учебный процесс в полку начался с первого дня его формирования, а строительство городка и оборудование учебной базы велись параллельно с подготовкой танкистов. Личный состав жил поначалу в кое-как приспособленных помещениях, смотревших по сторонам слепыми окнами: за неимением стекол в рамы вставляли фанеру. Дыры в потолках и стенах забивали досками, которые извлекали из полузасыпанных земель и снегом немецких блиндажей и убежищ. Кстати, попадался весьма добротный материал: строя укрытия, гитлеровцы не щадили самых красивых построек в Пушкине, безжалостно пуская их на слом.

Василий Иванович Михеев оказался превосходным организатором. Еще до войны он был полковым комиссаром и, может, потому умел подойти к людям, воодушевить их. Он четко распределил все строительство по объектам и участкам и закрепил за ними в качестве распорядителей работ своих заместителей, а в роли исполнителей — командиров учебных подразделений. И вот на глазах начали расти стены и возводиться крыши зданий, потом всех бросили на отделку учебных классов и спальных помещений. Часть

макетов, наглядных и других пособий сохранилась еще со времен, когда полк был запасным, кое-что удалось достать, остальное изготовили сами. Одновременно за городом оборудовали огневые директрисы и маршруты на танкодроме для стрельбы и вождения танков. Сроки строительства всех жилых и учебных объектов были жесткими, тем не менее никаких условностей и поблажек в организации занятий с курсантами не допускалось.

Полковник Михеев был вездесущ. В течение дня он успевал проверить все участки работ, кому надо — помочь, с кого надо — спросить. Ежедневно встречался со множеством людей, решая массу важных и неотложных вопросов. Где он брал на это время и силы, когда отдыхал, когда сам готовился к занятиям и различным мероприятиям — трудно себе и представить. Но одно безусловно: командир учебного полка постоянно был собран, деловит, аккуратен, являл пример высокой требовательности к себе и окружающим, а также детального знания множества военных профессий. У нас, напоминая, готовились танкисты всех специальностей, и Михеев, в случае нужды, мог заменить любого преподавателя.

Такое разностороннее умение являлось результатом многолетней добросовестной службы В. И. Михеева, в том числе и в запасном полку. И там ведь готовили кадры для фронта, и потому начальствующему составу приходилось многому учить офицеров-танкистов и самим учиться у них. Не случайно, видимо, и держали так крепко на той должности Михеева в годы войны. Не случайно и теперь именно ему поручили командовать учебным полком, хотя Василий Иванович, чувствовалось, втайне завидовал своим питомцам при выпуске из полка. Он, как слышали мы, и сам писал прежде рапорты по команде, просился на фронт. Но по тому, с каким уважением относились к нему представители штаба округа, приезжавшие в полк, мы понимали, что Василию Ивановичу теперь никуда от нас не уйти. Да и был он уже немолод. Невольно думалось: так вот и нас продержат в учебных заведениях, пока не состаримся. «И сказок о нас не расскажут, и песен о нас не споют...»

Конечно, мы были не правы тогда в своих суждениях. Забывали главную заповедь службы: человек красит место, а не наоборот. И убедил нас в этом опять же Михеев.

Как-то один из выпускников попросил командира полка выступить перед убывающими на фронт с беседой-напутствием: как воевать, чтобы успех в бою всегда сопутствовал тебе, а не врагу. Михеев всегда держался с подчиненными

просто. Охотно откликнулся он и на эту просьбу. Мы, группа офицеров, также присутствовали на той беседе. И некоторые лишь тогда узнали, что почти все ордена, украшавшие грудь Василия Ивановича, заслужены им в боях — в советско-финляндской войне и в первом периоде Великой Отечественной. Оказывается, он тоже сражался под Ленинградом, командовал танковыми подразделениями. Воевал храбро, умело, о чем свидетельствовали боевые награды. И мог, безусловно, рассчитывать на то, что командование примет это во внимание, когда будет решать его дальнейшую судьбу. Но наверху решили иначе: храбрых, искусных в бою танкистов на фронте хватает, а вот командовать запасным, а затем учебным танковым полком можно доверить не всякому. Тут нужен офицер с подготовкой, характером и, если хотите, даже совестью именно Михеева. И Василий Иванович всецело оправдал высокое доверие. И к боевым его наградам прибавились новые, не менее почетные и столь же заслуженные.

Михеев со своими помощниками подготовил за годы войны многие сотни танкистов. Это было тоже своего рода противоборство с врагом, причем не менее осязаемое по результатам, чем если бы он сам во главе танковой части сражался на фронте. Пример Михеева, его судьба во многом помогли и нам правильно уяснить такие понятия, как призвание и долг офицера, осознать простую истину, что место военного человека всегда там, где он может принести наибольшую пользу...

Об этом, кстати, я сказал Михееву лично ровно через... тридцать пять лет после окончания войны. И встретились мы опять в Пушкине. Василий Иванович давно уже находился в отставке, но был еще полон энергии, сохранив ясный ум и отличную память. В тот раз нашим воспоминаниям о прошлом, казалось, не будет конца. Ветеран очень сердечно отзывался о боевых друзьях-товарищах, одинаково тепло вспоминал и тех, с кем рука об руку трудился в годы войны. Меньше всего, как обычно, говорил о себе.

— Жив-здоров и бодр, как видите, — скороговоркой отвечал он на все мои вопросы. — Пенсией, квартирой обеспечен, всем доволен. Особенно радует то, что не забывают меня здесь, не дают «ржаветь» и расслабляться. Часто встречаюсь с рабочими, военными, студентами. Золотые советские люди! Поверьте, после каждой такой встречи сам молодею душой, понимая, что еще нужен, что могу еще приносить пользу!

И я прекрасно понимал его. Для военного человека, вос-

питанного за многие годы армейской службы в духе коллективизма, высокой дисциплинированности, сознательности и трудолюбия, пожалуй, самым иссушающим недугом оборачивается вынужденное безделье, отрыв от людей, уход от полнокровной жизни страны. И мне было очень радостно видеть, что старый мой командир, как и тысячи других ветеранов армии и флота, находящихся ныне в запасе и отставке, по-прежнему в строю...

...Командира учебного полка очень удачно дополнял в работе его заместитель по политической части. Подполковник В. И. Турочкин еще не совсем оправился от тяжелого ранения в ноги и, естественно, не мог угнаться за Михеевым в его «рейдах» по территории части. Однако он и не пытался непременно побывать везде в течение дня, хотя тоже работал весьма продуктивно. Замполит выбирал обычно какой-то отстающий участок и шел, прихрамывая, туда: изучал обстановку, присматривался к людям, разговаривал, советовал, незаметно воздействуя на них таким образом, что положение начинало выправляться буквально на глазах. После этого перебирался на другой объект, помогая и там ликвидировать недостатки.

Турочкин обладал редким даром — умением сколотить из разнородных, подчас незнакомых друг другу людей крепкий коллектив и быстро нацелить его на дружную работу. Он всегда опирался на актив, горячо поддерживая любой ценный начин. Его всегда окружали люди инициативные, и через них он искусно и планомерно влиял на все стороны жизни и учебы полка.

С появлением Турочкина в числе главных учебных дисциплин, названных вскользь Белкиным, ведущее место заняли по праву политические занятия. В классах появились карты, ротные библиотечки пополнились политической литературой, танкисты завели специальные тетради для конспектов. Подполковник сам вел одну из групп. А по утрам лично проводил политинформации попеременно в каждом из батальонов. И нужно было слышать, с каким знанием обстановки на фронтах излагал он сводки Совинформбюро, как комментировал известия о победоносном продвижении советских армий к «логову фашистского зверя» — Берлину, с каким сердечным чувством говорил о героическом труде советских людей в тылу страны. На такие занятия курсанты шли с большим желанием и старались сесть поближе к рассказчику.

И мне, заместителю командира по технической подготовке, также приходилось теперь регулярно проводить за-

нения. Я изучал с будущими танкистами устройство, правила эксплуатации и вождения танков, а с офицерами полка проводил инструкторско-методические занятия по этим же темам. Надо сказать, что раньше выступать в роли преподавателя мне почти не приходилось. Конечно, и на фронте нередко требовалось пояснить людям, как и что лучше сделать. Применительно к нашей специальности напоминал им соответствующие руководства по ремонту машин, объяснял по схемам или прямо на матчасти устройство механизмов, агрегатов, приборов. Но при этом обычно ограничивался лишь несколькими фразами или просто показом чертежа. Ведь фронтовики в большинстве своем неплохо знали материальную часть и свои обязанности при ее эвакуации и ремонте. И обходились без лишних слов. Сядешь, бывало, в танк рядом с молодым механиком и показываешь, как надо вести машину через сложные препятствия. Потом идешь к ремонтникам, смотришь, у кого что не получается, берешь в руки отвертку, молоток или гаечный ключ и опять учишь по принципу: делай, как я. Поэтому все постигали свое дело как бы на ходу и главным образом — практически: на теорию в боевых условиях времени не оставалось.

В учебном полку задачи были сложнее: из молодых, только что призванных в армию солдат в недолгий срок подготовить опытных танкистов. Причем всю техническую премудрость им следовало давать с азов, но достаточно подробно и предметно, ибо от этих знаний и последующих навыков в боевой работе зависела жизнь этих молодых ребят там, на фронте, боеспособность их экипажей.

И вот на первых же занятиях по технической подготовке я почувствовал, что мне не хватает умения излагать материал четко и последовательно. Терялись лишние минуты на второстепенных вопросах, и в то же время опускалось что-то важное, без чего не понять дальнейших объяснений. Короче, мне не доставало методических навыков, умения в течение одного-двух часов дать максимум запланированных знаний каждому из обучаемых. Не в полной мере я использовал и такие формы обучения, как показ, контрольный опрос, индивидуальное задание. Пришлось учиться всему этому.

По совету Михеева я начал составлять более подробный план-конспект к занятиям. Делал расчет времени по минутам, тут же помечая, как именно намерен излагать или закреплять каждый учебный вопрос. Наряду с учебниками, уставами и наставлениями пришлось изучать методиче-

ские разработки. Внимательно присматривался и к тому, как проводят занятия более опытные офицеры. Наконец, больше стал заботиться о материальном их обеспечении.

И дело пошло на лад. Меньше стало вопросов после разъяснения нового материала. Увереннее зазвучали ответы курсантов. Да и их интерес к технике заметно возрос.

Лучше стали проходить и инструкторско-методические занятия. Теперь уже я мог давать подчиненным офицерам рекомендации, проверенные на личном опыте: на что обратить больше внимания при показе, какие действия отрабатывать по элементам, как чередовать тренировки и т. п.

Много полезного в методике такого рода я почерпнул, между прочим, на занятиях, которые проводили наши инструкторы, практически обучавшие будущих танкистов. Старшины Коньков, Васильев, Гаврилов, Дудко, Клешня, Мазур и многие другие отдавались этому делу, как говорится, сполна. Все они уже побывали в боях, имели награды, ранения, и их уроки и советы воспринимались молодыми танкистами как непреложные заповеди. Нечего и говорить, как уважала молодежь своих инструкторов, с каким старанием постигала трудную военную науку.

Особое отношение к инструкторам было и у нас, офицеров. Все мы хорошо понимали, как важно подобрать, подготовить, воспитать умелых и старательных наставников для будущих танкистов. Ведь те перенимали от них не только знания и навыки, любовь к армии и своей военной специальности, но и хорошие черты характера, фронтовой опыт, гвардейскую выправку. И Михеев и Турочкин всегда обращались к старшинам уважительно, по имени и отчеству. Часто бывали у них на занятиях — в парках, на полигонах и танкодромах. Оба высоко ставили их авторитет на собраниях и в беседах с солдатами, по делам поощряли инструкторов, внимательно прислушивались к их просьбам и советам. Впрочем, в одном им всегда отказывали самым решительным образом — если речь заходила об их отправке на фронт с очередным выпуском танкистов.

А такие выпуски следовали один за другим регулярно до конца войны. Ритуал обставлялся торжественно. На плацу в центре ожившего городка выстраивался весь полк. Отдельной «коробкой» на правом фланге стояли выпускники — повзрослевшие даже за такой относительно короткий срок. В выражении их лиц, в повадках сквозила уже некая бывалость, уверенность в себе, а в движениях, походке подмечалась особая курсантская подтянутость и даже лихость. Глядя на них, невольно думалось, что такие молодцы не

должны подвести и на фронте. И в самом деле, наши выпускники воевали хорошо, смело и грамотно. Об этом сообщалось в письмах, приходивших в полк из действующих частей почти со всех фронтов. Их командиры, начальники политорганов не забывали всякий раз поблагодарить и нас за хорошее пополнение. Нечего и говорить, как радовали нас, солдат тыла, такие отзывы.

Да, мы числили себя солдатами тыла. И потому, что находились далеко от фронта. И потому, что непосредственно осуществляли одну из важнейших функций тыла — готовили пополнение для действующих войск. Ощущение того, что ты находишься в армейском строю, но, увы, не на линии огня, то усиливалось, то ослабевало, но, пока длилась война, жило в душе постоянно. Когда же передавались сводки с фронта или твой взгляд скользил по огромному плакату, установленному в центре города Пушкин, оно особенно обострялось. На том плакате была изображена женщина, олицетворявшая образ матери-Родины. Она сурово и требовательно вопрошала каждого, кто проходил мимо: «А что ты сделал для фронта?» И этот ее взгляд и вопрос всякий раз словно переворачивали душу. И ты невольно ускорял шаги, чтобы быстрее миновать КПП полка и вновь окунуться с головой в работу.

Солдаты тыла... Тогда я и подумать не мог, что это выражение со временем приобретет для меня совершенно иной смысл, наполнится другим содержанием. Что долгие годы дальнейшей службы я посвящу работе именно в органах тыла. Что всю тяжесть и сложность этой работы будут делить со мной люди, которых с полным правом можно также назвать солдатами тыла. И что именно так я назову и эту книгу о них.

Однако вернемся на плац танкового городка, откуда отправляется на фронт очередной выпуск наших питомцев.

...Полковник В. И. Михеев обходит замерший по команде «Смирно» строй, здоровается с личным составом. Затем поднимается со своими помощниками на импровизированную трибуну. Белкин зачитывает приказ командующего бронетанковыми войсками округа об окончании курса подготовки очередным контингентом танкистов. Выпускников горячо поздравляет в краткой речи командир полка. Затем сердечные напутственные слова произносит «комиссар», как любовно называли между собой В. И. Турочкина солдаты. В заключение клятвенно звучат ответные слова двух-трех лучших выпускников. И вот уже под грустную, волнующую душу мелодию марша, столь проникновенно названного

«Прощанием славянки», шеренги выпускников, особенно четко печата шаг, в последний раз проходят по родному плацу.

Завтра — на фронт...

Выпуск последних контингентов танкистов из нашего полка сопровождался громом победных салютов. Повержена фашистская Германия. Безоговорочно капитулировала милитаристская Япония. Пожар войны, бушевавший несколько лет на Западе и Востоке, погашен, как думалось в те дни — навсегда. Поэтому в октябре того памятного года никого из нас особо не удивил приказ, полученный из штаба бронетанковых войск Советской Армии, — о расформировании учебного полка. Одновременно — а это уже было неожиданностью для меня — я назначался начальником танкоремонтной базы, развертываемой опять же на базе нашего полка.

— Все логично, разумно, своевременно, — прокомментировал обе эти новости подполковник Турочкин. Он еще ходил, слегка прихрамывая, но работал много и увлеченно. Вот и сейчас решил приободрить меня, а заодно, как выразился, «осветить некоторые особенности момента».

— Танкистов для фронтов больше не требуется, — начал развивать он первый свой «тезис». — А вот боевую технику, покалеченную на войне, восстанавливать надо — она еще послужит армии. Вам и карты в руки, вы ж — ремонтник! Только учтите, — перешел он ко второму пункту, — руководить таким «хозяйством» будет посложнее, чем когда-то на фронте. Наряду с солдатами, которым только покажи да прикажи, у вас в подчинении будут теперь и рабочие, и служащие по вольному найму. А у них и порядок довольствия иной, и быт пока не налажен, и рабочий день нормирован. Да и обращаться к ним положено больше языком убеждения, нежели приказным тоном. Я уж не говорю о технической базе — многое придется создавать заново. Но это дело второе. Главное же — люди. Сумеете к ним подойти, создать рабочий коллектив — и все остальное пойдет ладом. Запомните это, Иван Макарович, — напутствовал меня «комиссар» на новую должность.

И я запомнил его советы.

Командование торопило с началом работ. Еще не было ни цехов, ни многого из оборудования, не хватало даже специалистов основных профилей, а мне уже вручили первый производственный план. Правда, танков пока не поступало, во бронемашины, автомобили, мотоциклы начали уже прибывать. Пришлось в спешном порядке разрабатывать тех-

нологию их ремонта. На первых порах все делали, как в полевых условиях: разворачивали ремонтные летучки на автошасси, устанавливали станки и верстаки в помещениях-временках. Никаких поточных линий пока, естественно, не было, и любой ремонтник выполнял столько разных операций, сколько умел и успевал, — каждый человек был на счету. Одновременно искали и учили недостающих специалистов, различными путями доставали токарное, сварочное и иное оборудование, создавали свое силовое хозяйство: город пока не мог обеспечить нас электроэнергией.

При создании производственной базы и отладке технических операций очень пригодился прошлый опыт. В 1943 году мне уже приходилось руководить полевыми базами по ремонту бронетанковой техники, и я неплохо знал всю технологию дела. Во многом помогли на первых порах и бывшие сослуживцы — офицеры и младшие специалисты из учебного полка, уволившиеся в запас и оставшиеся на постоянное жительство в Пушкине. Часть из них — И. Д. Паршин, В. И. Дунаев и Н. Д. Хлопенко продолжали трудиться уже как вольнонаемные токари и электрики, некоторые другие возглавили бригады и участки.

Через три-четыре месяца работа кипела вовсю. Действовали на полную мощность механический, слесарный, токарный, сборочный, сварочный цехи, имелись необходимые подсобки, энергию давала своя электростанция. Оборудование в основном было хорошее, люди трудились с большим старанием, и на качество ремонта нареканий не было. Вот разве что сами помещения так и не удалось привести в надлежащий вид. В потолках и стенах зияли многочисленные щели, и, как мы ни раскаливали железные печки — буржуйки, в цехах все равно было холодно.

Однако трудности такого рода были привычными. Ставило в тупик другое. Уже при разработке годового техпромфинплана мы, руководство базы, столкнулись с такими понятиями, как хозяйственный расчет, зарплата, нормы выработки, взаиморасчеты с предприятиями-поставщиками и многими другими показателями, с которыми ранее никогда не встречались. В войну, казалось, все было проще: оборудование выделялось по штату, запасные части и материалы получали на складах бесплатно, нормы выработки устанавливались в приказах, зарплата шла по должности. Оставалось одно — работать. Теперь же пришлось основательно вникать в суть новых экономических категорий, регламентирующих производственную нашу деятельность.

Постоянно и вплотную пришлось заниматься и вопроса-

ми улучшения быта рабочих. Часто бывая в дни войны на ленинградских заводах, где ремонтировались танки, я видел, какие отчаянные усилия предпринимали тогда их руководители, чтобы хоть как-то улучшить условия жизни и труда рабочих и инженерно-технического персонала. А теперь самому пришлось постоянно нести груз таких забот. Конечно, в блокадном Ленинграде их было неизмеримо больше. Но и в Пушкине сразу после войны жизнь была очень трудной.

Ежечасно думая о том, как полнее загрузить безотказные руки каждого рабочего человека, мы старались по-настоящему позаботиться о том, чтобы он и жил по-человечески, с семьей, в сносных квартирных условиях. И не в режимном военном городке, а в городе, в нормальных для гражданских людей условиях, где можно сходить и в баню, и в кино, где рядом школа для детей и скудный рынок тех лет с натуральным обменом вещей на продукты питания.

В то голодное и холодное время мы помогали рабочим и служащим прежде всего продовольствием и топливом. Время от времени направляли по деревням, расположенным подальше от Ленинграда, своих заготовителей для закупок сельхозпродуктов. Своими силами вели и заготовку дров. В городке организовали неплохую столовую, оборудовали медпункт. И рабочие ценили такую заботу: месячные планы выполнялись регулярно, все трудились самоотверженно. В числе лучших производителей неизменно были товарищи И. Згибнев, В. Данилин, Н. Наталкина, Н. Павлов, Д. Кушперов.

Основные трудности были уже позади, когда в ноябре 1946 года поступил вдруг приказ о расформировании нашей рембазы. Не берусь судить, чем мотивировалось такое решение: потребности в ремонте бронетанковой техники в округе были в то время еще велики. Скажу лишь, что через год предприятие было воссоздано, увы, после больших потерь в специалистах и оборудовании. Я же к тому времени уже работал заместителем начальника технического отдела Высшей бронетанковой школы офицерского состава в Ленинграде.

Созданная по решению В. И. Ленина в годы гражданской войны, школа готовила кадры еще для первых танковых формирований Красной Армии. До войны ее окончил почти весь начальствующий состав наших танковых войск. Неизмеримо больший вклад в подготовку танкистов внесла она в годы Великой Отечественной войны. Приступив к новой работе, я сразу почувствовал, что школа осталась под-

линной, как говорят, кузницей подготовки танковых командиров полкового звена и в послевоенный период.

Занятия по вождению и стрельбе, перемежаемые тактическими учениями, шли непрерывно, днем и ночью. Мне, отвечавшему за исправность всей бронетанковой техники, приходилось крутиться как белке в колесе, чтобы своевременно устранить все неисправности и поломки в изрядно изношенных танках и строго по расписанию вывести несколько десятков машин на учебные точки.

Напряжение учебного процесса иной раз чем-то напоминало обстановку, царившую перед боем на передовой. И там вот в такой же лихорадочной спешке приходилось готовить технику к предстоящим действиям. И здесь работа поглощала целиком, требуя максимума сил и постоянного сосредоточения воли. К счастью, дела шли неплохо (к этому времени я уже был заместителем командира учебного полка школы), начальство было довольно, чувствовал удовлетворение и я.

Однако шло время. Осеннюю слякоть сменяли морозы и выюги, чтобы опять уступить место в гряде времен весенним ростепелям. Менялись только условия вождения танков на маршрутах, мои же обязанности оставались неизменными. И постепенно я все явственнее стал ощущать однообразие такого ритма службы, лишённого новизны.

Побывав однажды на занятиях по тактике, которые проводил молодой, только что прибывший из академии майор, я понял причину недовольства собою. Хотя, повторяю, общая нагрузка на службе была весьма чувствительной, ум, уже приученный к систематической работе, зачастую бездействовал, не находя пищи. В то же время я так еще мало знал в военном деле, которое мечтал сделать пожизненной профессией. Взять хотя бы общевойсковую тактику, которую так увлеченно и с таким знанием излагал тот майор. Да воюй ты хоть пять лет и еще два раза по столькоковырайся в технике — все равно таких премудростей не узнаешь, а без них ты просто «спец». Нет, надо учиться военному делу, учиться серьезно.

Так созрело решение поступить в Военную академию бронетанковых и механизированных войск. В течение года я подал несколько рапортов с просьбой об этом. Но ответа на них не поступило. Когда же начал терять всякую надежду, меня вдруг вызвали к начальнику школы генерал-лейтенанту В. Г. Буркову.

Внимательно просмотрев все аттестации в моем личном деле, он пожал плечами и спросил:

— А зачем вам, собственно, нужна академия? Вот здесь везде записано, что вы отлично знаете бронетанковую технику, имеете хороший опыт работы с людьми. Вам и так продвижение по службе обеспечено. Вот я — генерал, а в академии тоже не учился. Окончил нашу школу. Воевал. Постоянно повышал свои знания самостоятельно. Поныне штудирую военную и политическую литературу дома, по вечерам. И считаю, что этого для дальнейшей служебной деятельности достаточно.

Генерал Бурков, участник боев на Халхин-Голе и советско-финляндской войны, был человеком весьма уважаемым в военной среде. Поэтому оспаривать его мнение о необходимости высшего военного образования для офицера я не стал. Да и сам генерал в душе был, конечно, совсем иного мнения на этот счет. Чего бы он так долго листал мое личное дело, прикидывая что-то в уме?

— Лишние знания, разумеется, никому еще не были в тягость, — словно угадав мои мысли, снова заговорил Бурков. — У меня скопилось куча ваших рапортов. Если уж так настаиваете на своем, то мы постараемся удовлетворить вашу просьбу, но... не ранее будущего года. При чем имейте в виду, — ворчливо добавил он, — после учебы опять затребуем вас к себе.

Я поблагодарил начальника школы за высокую оценку моих деловых качеств. И быстрее покинул его кабинет, пока он не передумал.

Вновь замелькали жаркие июльские дни, заполненные хлопотливой работой. В один из вечеров меня неожиданно позвали к телефону.

— Сейчас на совещании у генерала Буркова был разговор о вас, — доверительно сообщил начальник технического отдела школы. — Генерал похвалил вашу работу и стремление лучше познать военное дело. И неожиданно порешил: «Ладно, — говорит, — пусть поступает в академию в этом году!» Так что с утра приходите прямо в штаб, будем вас оформлять на учебу.

На другой день первым делом я отправился на медкомиссию: все абитуриенты уже сдавали предварительные экзамены при Ленинградском Доме офицеров. Настроение было невеселое: пока оформляли направление, выяснилось, что нужное число кандидатов в академию бронетанковых и механизированных войск уже отобрано. Теперь вопрос о дополнительном включении моей фамилии в эти списки могло решить (да и то по личной просьбе генерала Буркова) только командование округа. А еще через пару часов я

окончательно пал духом. Врачебная комиссия решительно отказала в выдаче необходимого документа для поступления в эту военную академию: медицинские ограничения все еще сохраняли силу.

Итак, в одно утро мои мечты разлетелись в прах. Казалось, все пути к высшему военному образованию теперь отрезаны. Но тут снова вызвал генерал Бурков. В кабинете у него были оба заместителя — по политической и технической части.

— Что, не пускают эскулапы в танковую академию? — встретил вопросом начальник школы. И сам же ответил: — Ничего не поделаешь! Придется обождать год-другой, пока медики не пойдут. Да и подготовьтесь к экзаменам по-лучше.

Я не сказал в ответ ни слова. Побарабанив по столу пальцами, помолчал и Бурков. Потом, кивнув на заместителей, переменял тон:

— Я вот тут попросил специально выяснить, куда еще есть разнарядки на учебу. С учетом состояния вашего здоровья. И, знаете, есть такой факультет, причем — командный! Только что открылся в академии тыла и снабжения. — Быстро, испытующе глянув на меня, он продолжал: — Я понимаю, это не совсем то, а вернее — совсем не то, на что вы рассчитывали. Но если разобраться... Получите диплом о высшем образовании. Освежите старые знания и узнаете массу нового в других областях военного дела. Да и сам профиль этой академии не так уж далек от того, чем занимались вы последние годы. Техническое обеспечение — если всесторонне рассматривать — тоже задача тыла.

Генерал продолжал еще что-то говорить, но я уже не слышал дальнейших слов. Все приведенные им аргументы быстро, словно в вариофметре, «прокрутились» в моем мозгу. И тот уже «выдал» решение. Подавив возбуждение, я набрал воздуха в легкие и, словно бросаясь в холодную воду, произнес:

— Я согласен, товарищ генерал! Очень вам благодарен за содействие и заботу!

Бурков несколько секунд сидел без движения, словно приходя в себя. Казалось, он уже сожалел о том, что «переагитировал» меня. Потом засмеялся, лукаво поглядывая то на меня, то на своих улыбающихся заместителей.

— Только, чур, условились: после выпуска — опять к нам, на инженерно-техническую должность! — напомнил он, завершая разговор.

Я искренне пообещал в ту минуту сделать именно так. Мог ли я знать тогда, что по окончании академии передо мной откроется совершенно новое поле служебной деятельности, неизведанные дороги которого уведут меня далеко-далеко от Ленинграда. И что сам генерал В. Г. Бурков скоро закончит свою службу в кадрах Вооруженных Сил, как бы освобождая и меня от данного ему лично обещания. Так или иначе, но мне не довелось более встречаться с этим замечательным, внешне суровым, но таким по натуре добрым человеком.

Успешно сдав предварительные, а затем и вступительные экзамены, я был зачислен слушателем Военной академии тыла и снабжения (как она тогда называлась). Так зыбкая мечта воплотилась наконец в реальность, преподав урок на будущее — никогда не отчаиваться и не впадать в уныние: жизнь иной раз сама снимает преграды на пути, казавшиеся непреодолимыми. С помощью хороших людей, разумеется, на которых мне, кстати, всегда очень везло...

В Калинин, где находилась Военная академия тыла и снабжения, поезд прибыл рано утром. Вставало солнце, и в его лучах разрушения, которые я увидел по пути с вокзала, бросались в глаза особенно контрастно. Позже узнал, что гитлеровцы находились здесь в конце 1941 года всего два месяца. Однако и за это время нанесли городу огромный ущерб, разрушив до основания свыше 70 процентов промышленных предприятий и приведя в негодность до 60 процентов всего жилого фонда. Разумеется, многие здания к тому времени были уже восстановлены, другие стояли в строительных лесах. Но следы войны еще проглядывались тут и там, особенно в районах, где шли когда-то уличные бои.

На центральных, чисто убранных улицах весело звенели трамваи (единственный вид общественного транспорта в Калинин в те годы). С Волги доносились басовитые гудки пароходов. Дымили фабричные трубы на дальних окраинах. И я как-то сразу душой полюбил этот звонкоголосый трудовой город.

Учеба в академии с первых дней захлестнула с головой. И все же изредка, в воскресные дни, мы с женой выкраивали час-другой на прогулки по городу. Осматривали его достопримечательности, знакомились в областном музее с экспонатами по истории этого исконно русского края.

Калинин (до 1931 г. — Тверь) возник еще в XII веке, на месте, где в Волгу впадает Тверца (отсюда и старое название города). Он исстари был славен развитыми ремеслами, вел обширную торговлю с дальними северными и южными землями. В середине XV века тверской купец Афанасий Никитин первым из европейцев совершил путешествие в Индию. Город видел многое: набеги монголо-татар и междоусобные распри русских князей, пожары, подчистую уничтожавшие его постройки, и эпидемии, косившие без разбора его жителей. Здесь быстро набрал силу и влияние местный текстильный капитал. Здесь же возникли одни из первых в России социал-демократические

кружки. Несмотря на все невзгоды, выпадавшие на его долю в годы лихолетий, в Калинин сохранилось много редких исторических памятников — ведь Тверь некогда соперничала с Москвой! И мы не уставали знакомиться с новыми и новыми страницами в этой славной летописи. Любовались и явью наших дней: за годы Советской власти облик древнего города существенно преобразился, а сам он словно помолодел. Был открыт ряд учебных заведений. Возникло множество культурных учреждений. Выросли крупные промышленные предприятия. На некоторых из них, к слову, мне удалось побывать потом: в академии было принято делегировать слушателей на местные заводы и фабрики для выступлений с докладами и лекциями.

Но, повторяю, на первом плане в любом случае всегда оставалась учеба. А учились, особенно слушатели-фронтовики, с жадностью. Все были так еще молоды. И война лишь усилила тягу к знаниям, свойственную всякому любознательному человеку этого возраста. В течение нескольких лет она, война, каждодневно требовала от нас величайшего физического и морального напряжения, держа при этом на «голодном пайке» многие интеллектуальные наши запросы. Конечно, и на фронте все — от солдата до маршала — постоянно учились. Учились одному сверхважному предмету — науке побеждать врага. И учились усердно. Ведь экзаменатором, скорым на самые жестокие оценки, выступала опять же война. Но и в тех условиях молодой и жадный ум постоянно искал новой духовной пищи. Потому-то в редкие минуты затишья на передовой так жадно и читали любые книги, чудом попадавшие в траншеи и землянки, будь то сборник стихов В. Жуковского или «Популярная астрономия» К. Фламмарiona.

Но, увы, такие минуты выпадали на войне не часто. Не довелось сесть за учебники и сразу после нее — все время без остатка поглотили служба, работа. Потому-то и радовала возможность опять сесть за парту и, отрешившись от иных забот, изо дня в день познавать что-то новое, интересное, нужное. Даже сама атмосфера, царившая на занятиях в академии, с такими каноническими атрибутами школы, как залиvistый звонок на перемену, черная доска в аудитории и палочка-указка в руках лектора, волновала в первые дни до слез, составляя внешний, трепетный фон самого процесса «учения».

Вместе с тем мы были далеко уже не теми юнцами, которыми оставили когда-то учебные классы, чтобы снова прийти в них сегодня. За плечами у каждого лежала не-

бывалая в истории война с ее трагическими просчетами первых дней и кровавыми жертвами последующих четырех лет, которые зачастую еще более усугублялись на фронте из-за чьего-то незнания или неумения. Вот почему мы приступали теперь к учебе с вполне осознанной целью — максимально вооружить себя знаниями, потребными для дальнейшей военной службы в мирное время и успешных боевых действий в случае возникновения новой войны...

Правда, вначале некоторым слушателям показалось, что их начали учить тому, что им давно уже известно. Ну зачем, скажите, объяснять фронтовикам, что такое бой и виды его обеспечения, или заставлять их заучивать наизусть тактико-технические данные различного вооружения и существующие нормы снабжения боеприпасами? Потом-то мы, конечно, поняли, что и тут был свой резон. Требовалось прежде всего напомнить нам азы военного дела, привести в систему отрывочные наши знания из разных его областей и лишь потом целеустремленно повести нас вперед, как говорится, к вершинам военной науки. Но это было потом. А пока что можно было услышать и реплики вроде: «А не теряем ли мы время напрасно, постигая «премудрости», хорошо известные любому военному человеку?» Причем иногда они подкреплялись устаревшей тематикой дисциплин на некоторых занятиях. Так, в академии в ту пору слушателей еще знакомили с устройством повозок, саней, конной упряжки и другого нехитрого инвентаря из арсенала обозного имущества. Это давало обильную пищу для шуток типа: «Что, сегодня опять будем изучать теорию оглобли?» или «А ну, кто скажет, сколько спиц в колесе очажной кухни?»...

Хворь зазнайства прошла, однако, быстро. Бурное развитие военного дела давало о себе знать и в стенах академии тыла. Подразделения и части обеспечения оснащались новыми топливозаправщиками, механизированными хлебозаводами, автокухнями, походными лабораториями, большегрузными автомобилями и другой специальной техникой. Начали изучать и мы ее: устройство, возможности и способы использования в самой различной обстановке.

Когда же начались занятия на картах по тактико-тыловой подготовке, мы по-настоящему ощутили вкус к науке о тыле. Нас буквально захватили сложные тактические решения, на фоне которых в напряженной динамике боя осуществлялось обеспечение сторон всеми видами материальных средств. В учебных заданиях для ведения боевых действий указывались части и соединения различного состава

и назначения. Поэтому возникла потребность в изучении многих других военных дисциплин, расширяющих тактический и оперативный кругозор слушателей и позволяющих более грамотно и всесторонне решать задачи тылового обеспечения. Пришлось детально изучать наряду с тактикой и оперативным искусством организацию и вооружение родов войск и специальных войск, а также историю военного искусства и вопросы военной экономики (главным образом по опыту Великой Отечественной войны), решать все более сложные транспортные и другие задачи.

Их решение в свою очередь потребовало глубокого знания всей системы построения Тыла Вооруженных Сил, включая предназначение и способы функционирования основных его элементов и звеньев, каждой из служб. Одним словом, прошло определенное время, прежде чем мы стали хорошо разбираться в основных принципах и способах тылового обеспечения войск и сил флота, в схеме его организации, свободно владеть всей терминологией.

В целом тыл, как известно, — это силы и средства, предназначенные для материального, технического, медицинского и другого обеспечения Советской Армии и Военно-Морского Флота. По сути — это часть Вооруженных Сил и вместе с тем связующее звено между ними и экономикой нашего государства. Без учета этих его функций весьма сложно познать те процессы, которые определяют изменения в структуре тыла, формах и способах его работы, характере задач всех его звеньев и органов.

В состав тыла входят различные части, учреждения и подразделения, предназначенные для выполнения возложенных на них задач. Вкратце задачи эти таковы: постоянно содержать запасы материальных средств и бесперебойно снабжать ими войска и силы флота в пределах установленных норм; строить, восстанавливать и обслуживать пути сообщения, осуществлять подвоз материальных средств, оперативные и другие виды перевозок; восстанавливать различную технику и имущество; создавать условия устойчивого базирования авиации и сил флота; оказывать медицинскую помощь раненым и больным, эвакуировать и лечить их; осуществлять торгово-бытовое, квартирно-эксплуатационное, финансовое обеспечение и многое другое.

По характеру выполняемых задач Тыл Вооруженных Сил принято подразделять на стратегический, оперативный и войсковой. Каждый из них имеет свое предназначение и четкое определение. Стратегический тыл — это высшее звено Тыла Вооруженных Сил. Он включает тыл центра, часть

государственных резервов, специальные формирования и предприятия народного хозяйства, которые выделяет правительство в распоряжение военного ведомства.

В состав тыла центра входят прежде всего базы и склады с запасами материальных средств, а также части специальных войск, ремонтные, эвакуационные, медицинские и другие тыловые части и учреждения, находящиеся в непосредственном подчинении центральных органов военного управления. Тыл центра принимает от народного хозяйства и хранит запасы материальных средств, обеспечивает ими войска, подвозит их фронтам, флотам, объединениям и даже соединениям. Он выполняет и множество других работ (включая изготовление отдельных образцов военной продукции). Часть сил и средств тыла центра может использоваться для усиления оперативного тыла.

Оперативный тыл — это тоже базы и склады с запасами материальных средств, а также автомобильные, железнодорожные, дорожные и трубопроводные части, ремонтные, медицинские и другие тыловые подразделения, учреждения, находящиеся в непосредственном подчинении заместителей командующих по тылу и соответствующих начальников родов войск, специальных войск и служб объединений. Состав оперативного тыла не постоянен. Он зависит от предназначения, роли и места объединений в операции, их боевого состава и решаемых задач, условий ТВД, оперативно-тыловой обстановки и принятой системы тылового обеспечения.

Войсковой тыл составляют склады с запасами материальных средств, автотранспортные, ремонтные, медицинские и другие тыловые части и подразделения, входящие в состав соединений и частей всех видов Вооруженных Сил и предназначенные для их обеспечения. По принадлежности и объему решаемых задач войсковой тыл подразделяется на дивизионное, бригадное, полковое и батальонное звено.

Дивизионный тыл (тыл соединения) имеет в своем составе склады и запасы материальных средств и подразделения: автотранспортное, осуществляющее подвоз в войска необходимых грузов; медицинское — для оказания помощи раненым и лечения больных; ремонтно-восстановительное — для ремонта боевой техники и вооружения, а также хлебозавод. Полковой тыл включает те же подразделения (иной лишь структуры) и не имеет хлебозавода.

О тыле батальона — самом низовом звене следует рассказать чуть подробнее. Он состоит из взвода обеспечения

(автотранспортное и хозяйственное отделения), батальонного медицинского пункта и других элементов.

В бою взвод обеспечения разворачивает батальонный пункт боепитания, возглавляемый командиром взвода обеспечения, а также заправочный и продовольственный пункты во главе соответственно с командирами автотранспортного и хозяйственного отделений. Персонал батальонного пункта боепитания получает, перегружает на свой транспорт и подает в подразделения вооружение, боеприпасы, артиллерийское и техническое имущество. Помимо имущества и вооружения, которые сразу же передаются в роты и взводы, часть боеприпасов в установленных размерах хранится на машинах батальона как возимый запас. Рассортированные по группам и калибрам, они находятся в готовности к подаче в подразделения. Личный состав батальонного заправочного пункта получает от вышестоящего органа горючее, перекачивает его в батальонные автотопливозаправщики или же прямым путем отправляет в роты, при наличии в батальоне достаточных запасов. В боевой обстановке машины заправляются горючим в перерывах между боями, главным образом ночью, с соблюдением всех мер маскировки и пожарной безопасности. При необходимости создаются дополнительные запасы горючего на машинах, для чего используются бочки, канистры и т. д. Батальонный продовольственный пункт обеспечивает личный состав горячей пищей. На нем имеются походные кухни-автоприцепы и машины для их буксировки. Продпункт разворачивается на местности, где имеются источники воды, топливо, естественные укрытия. После приготовления пищи кухни выдвигаются на ротные пункты питания, где горячая пища раздается в котелки или термосы.

На батальонном медицинском пункте оказывается первая доврачебная или фельдшерская помощь раненым. Он разворачивается обычно в простейшем убежище или укрытии, в стороне от направления главного удара противника, на труднодоступной для танков местности. Для эвакуации раненых с поля боя в наши дни используются специальные транспортеры переднего края, весьма удобные и маневренные. Раненых собирают на ротных постах санитарного транспорта, откуда эвакуируют на полковой медицинский пункт.

В ходе учебы мы хорошо уяснили также суть и содержание термина «тыловое обеспечение». Это комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение материальных, транспортных, бытовых и других потребностей войск и сил флота в целях поддержания их в постоянной боевой го-

товности. Тыловое обеспечение включает несколько его видов: материальное, транспортное, техническое, аэродромно-техническое (в авиации), поисково-спасательное (на флоте), медицинское, ветеринарное, торгово-бытовое, квартирно-эксплуатационное, финансовое и другие. Часть этих видов обеспечения осуществляет ряд служб. К примеру, материальное — службы ракетно-артиллерийского вооружения, горючего, продовольственная, вещевая и другие; транспортное — службы, в распоряжении которых имеется автомобильный, железнодорожный, воздушный, речной, трубопроводный транспорт, вспомогательные суда и т. д.

Такова, вкратце, структурная схема Тыла Вооруженных Сил, суть его функций и задач. Знание основ тыла, его построения в различных условиях боевых действий войск, всех сил, средств и материальных ценностей, находящихся в его распоряжении, как и функциональных обязанностей руководителей всех степеней, позволяло нам, слушателям академии, решать задачи по тактико-тыловой и другим видам подготовки все более качественно и масштабно.

Помнится одно из первых групповых упражнений на карте. Требовалось детально спланировать тыловое обеспечение стрелковой дивизии в наступлении. Для начала пришлось сделать множество расчетов, и прежде всего определить потребность частей в боеприпасах, горючем, продовольствии, другом имуществе по задачам и дням боя. Затем изучить организацию тыловых частей и подразделений, обеспечивающих боевые действия дивизии, и их возможности по подвозу грузов к передовой и эвакуации раненых. По всем данным составляли подробные таблицы.

Потом потребовалось изучить сведения о состоянии экономики района боевых действий, составить справку о возможностях использовать для обеспечения частей местные ресурсы, установить контакты с начальниками родов войск и служб, не подчиненных заместителю командира дивизии по тылу, и т. д. Словом, чем больше разматывался «клубок» задания, тем дальше было до конца нити. Вот тогда-то мы вновь ощутили, что знаем пока мало, да и эти знания не всегда можем с толком использовать для дела.

Интерес к учебе еще больше возрос, когда половина слушателей нашего отделения, имевших опыт штабной работы и склонность к ней, были переведены в специальную оперативно-штабную группу. Делалось это с целью более предметной подготовки выпускников к штабной работе в оперативном звене. Соответственно менялась и учебная программа: время на оперативное искусство и оперативный тыл

для нашей группы увеличили почти в два с половиной раза за счет тематики войскового тыла, которая была уже нам достаточно знакома. По всем другим дисциплинам, включая социально-экономические, общевойсковые и военнотехнические, учебные часы сохранялись на уровне других групп факультета.

Кстати сказать, спустя несколько лет, когда я работал уже в штабе Тыла Советской Армии, на одном из совещаний у начальника тыла генерал-полковника В. И. Виноградова очень принципиально поднимался вопрос об уровне подготовки, необходимом всем слушателям нашей академии. К тому времени в нее начали поступать молодые офицеры с весьма незначительным боевым и профессиональным опытом или совсем без такового. А задачи тыла все более усложнялись. Встал вопрос: в каком же объеме готовить специалистов? В масштабе войскового тыла или выше, для работы в оперативном звене?

В том и другом случае за каждым решением стояли свои «за». Лично я, например, к тому времени был убежден в том, что войсковое направление в подготовке будущих кадров тыла — в целом правильное. При всех его недостатках выпускники академии хорошо знали главное — основы планирования и организации войскового хозяйства. Однако беспокоило и другое: а как расти этим офицерам дальше, откуда черпать знания по вопросам тыла в оперативном масштабе?

Для того чтобы составить свое мнение по данной проблеме, небезынтересно обратиться к истории, посмотреть, с каким уровнем знаний выходили выпускники академии в прошлом.

Так, в Военно-интендантской академии в 1920—1921 годах и затем после ее восстановления с 1935 года изучалось около сорока предметов самого широкого и общего плана. В их числе был обширный перечень экономических дисциплин (политэкономия и отдельно основы экономики — войны, промышленности и торговли, сельского хозяйства, транспорта), цикл предметов по финансам и статистике, много занятий по вопросам права и судопроизводства и т. п. К непосредственно военным предметам можно было отнести лишь такие, как военная организация и история военного искусства, тактика и стратегия, военная статистика и география, тактика снабжения и военное хозяйство.

Как видим, слушателям приходилось изучать множество самых разных предметов общеобразовательного профиля,

в то время как вопросам тылового обеспечения войск в мирное время и в боевой обстановке внимания уделялось недостаточно. Это не могло не сказаться и на результатах деятельности специалистов тыла в предвоенные годы. Ведь, что греха таить, многие актуальные проблемы войскового тыла тогда так и не были решены. Поэтому с началом Великой Отечественной войны обстоятельства заставили серьезно перестраивать тыл.

В военные и послевоенные годы в академии тыла брали крен на усиление войсковой подготовки выпускников. Они готовились в основном на должности заместителей командиров частей по тылу, начальников служб снабжения горючим, продовольствием, вещевым и другим имуществом. При этом главное внимание уделялось практическим занятиям и профессиональным навыкам, необходимым для повседневной работы в войсках. Но такой практицизм также имел теневую сторону: он ограничивал кругозор и деловые качества специалистов тесными рамками их функциональных обязанностей.

И вот настал момент, когда потребовалось найти наилучшее решение и этих вопросов. На совещаниях у начальника Тыла Советской Армии и в соответствующих инстанциях в верхах возобладала точка зрения о необходимости расширения профиля и повышения квалификации обучаемых в связи с масштабными изменениями в военном деле. Последовало решение на сей счет, и в академии приступили к серьезному пересмотру учебных программ и всех пособий, с тем чтобы приблизить подготовку специалистов тыла к перспективам их будущей работы. Соответственно увеличивалось и время, уже на всех факультетах, для изучения оперативного искусства, средств защиты от оружия массового поражения, других боевых и технических средств войск и тыла, а также военно-экономической географии, политической экономии и остальных дисциплин в более широком масштабе...

Однако не будем забегать вперед. Вернемся опять ко временам нашей академической учебы. Масштабность и сложность учебных задач, решаемых по новой программе, увлекла нас настолько, что я, например, перестал даже думать, где и на какой должности буду служить потом (до этого еще теплилась надежда вернуться в бронетанковые войска). Учился самозабвенно, как и многие мои товарищи. И каждый день дарил радость новых открытий.

Учебная нагрузка уже не вмещалась в шесть часов плановых занятий и четыре часа ежедневной самоподго-

товки. Над книгами и конспектами допоздна приходилось сидеть и дома, особенно перед семинарами по марксистско-ленинской подготовке и накануне занятий по иностранному языку. Кстати сказать, немецкий язык я еще на школьной скамье учил прилежно. Теперь же пытался читать и переводить без словаря сначала легкие, а затем все более трудные тексты, ежедневно заучивая десяток-другой новых слов.

Продуктивной нашей учебе всячески способствовали опытные педагоги. Многие из них также были участниками войны: в тот период академия пополнялась преимущественно преподавателями-фронтовиками. Это позволяло глубже учитывать боевой опыт и при изучении проблем тылового обеспечения войск, и в вопросах научно-исследовательской работы. На основе его обобщения и анализа профессорско-преподавательский состав академии приступил к разработке ряда систематизированных учебных пособий. Мы, слушатели, первыми усваивали коренные положения и выводы новых трудов.

Говоря о положительном влиянии лучших преподавателей на нашу аудиторию, не могу прежде всего не вспомнить о человеке в наших глазах полуполегендарном. Речь идет о полковнике Баурджане Момыш-Улы, который читал курс общей тактики. Многие из нас узнали о нем еще по книге Александра Бека «Волоколамское шоссе», в которой Баурджан выведен в роли центрального героя. Наш интерес к этому человеку еще более возрос, когда стало известно, что полковник и сам талантливо пишет на темы войны и уже опубликовал в местном издательстве несколько рассказов и небольших повестей. Мы их, разумеется, тотчас достали, прочли и признали эту «пробу пера» весьма многообещающей.

Мы всегда с интересом ожидали лекций Момыш-Улы. Любой материал он излагал доходчиво, чаще прибегая к схемам, нежели к конспектам, и подкрепляя каждый тезис поучительными примерами из боевого опыта. Он умел как-то попросту, без различия в чинах, и в то же время требовательно относиться ко всем слушателям. Разбирая сложные вопросы тактики, исподволь приучал нас к самостоятельности мышления. С этой целью мог прервать свой рассказ в самом неожиданном месте, чтобы спросить: «А что думает на этот счет капитан Иванов?» или «А как бы поступил в этой ситуации товарищ Петров?». И слушатели постоянно были готовы доложить свое решение, обосновать свой вариант действий. Постоянный контакт преподавателя

с аудиторией заставлял творчески осмысливать весь изучаемый материал.

В нашей академии полковника Момыш-Улы любили и слушатели и преподаватели за простоту и прямоту суждений, за честность и веселый нрав. Он умел увлекательно рассказывать о тяжелых боях, которые вела их Панфиловская дивизия, о подвигах однополчан. Самыми интересными были его воспоминания о битве под Москвой, в которой Баурджан принимал активное участие, будучи комбатом, и о боях на исходе войны, когда он был уже командиром дивизии.

Интересна и дальнейшая судьба этого незаурядного человека. После увольнения из рядов Советской Армии Б. Момыш-Улы целиком отдался литературной деятельности. Он автор книг «За нами Москва», «Кубинские впечатления», «Тулеген Тохтаров». Некоторые из них переведены на другие языки, изданы за рубежом.

Интересными, одаренными людьми были и другие преподаватели академии. В частности, очень многое делал, чтобы привить нам живой интерес к оперативному искусству, генерал-лейтенант С. М. Рогачевский, бывший в годы войны начальником штаба общевойсковой армии. Выше среднего роста, моложавый и стройный, он производил впечатление уже одной своей выправкой, подчеркнутой собранностью и аккуратностью. Во взаимоотношениях со слушателями был официален, но доброжелателен. Его лекции и групповые упражнения также изобиловали примерами из истории Великой Отечественной войны. Повышая поучительность, это вносило в занятия определенную живость. Рогачевский умел доходчиво преподнести и новые вопросы оперативного искусства, возникающие в связи с военно-техническим прогрессом в армии и на флоте.

Наряду со специальными предметами много времени — и вполне оправданно — занимало углубленное изучение марксистско-ленинской теории. «Марксизм-ленинизм — наука наук», — часто говорили на лекциях преподаватели кафедры, и мы понимали, что так оно и есть. Офицер, слабо знающий эту науку, не может стать ни полноценным военным специалистом, ни авторитетным руководителем воинского коллектива, ни искусным воспитателем подчиненных. И еще: лишь человек, который постоянно руководствуется в своей деятельности марксистско-ленинской методологией, революционной теорией и практикой, способен к активной, творческой и целеустремленной работе.

С первых дней нас увлекли лекции по истории КПСС,

которые читал полковник Я. Х. Абрамов, и занятия по политэкономии, которые проводил полковник Е. В. Боярский. Оба умели привлечь внимание обучаемых к главным, стержневым вопросам очередной темы, пробудить стремление основательнее разобраться в сути тех или иных исторических событий, теоретических положений или экономических законов.

Полковник Абрамов, последовательно излагая основные этапы истории КПСС, очень предметно знакомил нас и с ее неустанной деятельностью в области военного строительства и вооруженной защиты завоеваний Великого Октября. Для нас, людей военных, исключительная роль Коммунистической партии в создании и укреплении Вооруженных Сил и руководстве ими всегда была очевидной и бесспорной. Однако изучение конкретных партийных документов по военным вопросам, решений всех съездов партии, неизменно нацеленных на повышение экономического и оборонного могущества нашего государства, позволило уяснить эту роль еще более рельефно и многопланово. Тезис, провозглашающий, что в руководстве КПСС — истоки всех наших прошлых побед и залог грядущих свершений, становился как бы стержнем нашей идейной убежденности.

При изучении истории КПСС мы постоянно обращались к трудам классиков марксизма-ленинизма, и особенно работам В. И. Ленина. Не скрою, на первых порах трудились довольно бессистемно: кто конспектировал все подряд, кто выписывал отдельные, наиболее актуальные положения, а кто лишь читал и перечитывал, полагаясь на свою хорошую память.

Полковник Абрамов, можно сказать, научил нас работать с первоисточниками, находить в них главное, использовать эти знания применительно к задачам сегодняшнего дня. Он часто говорил примерно следующее: «Всех произведений Владимира Ильича Ленина за время учебы в академии вам не законспектировать. Это физически невозможно. Однако те работы, которые рекомендуются, вы должны знать очень хорошо. Они в полном смысле слова являются основополагающими в системе политических знаний офицера-коммуниста».

Особо важные мысли В. И. Ленина он рекомендовал записывать в форме тезисов или цитат, а крылатые ленинские выражения — запоминать дословно.

— Они зачастую служат как бы отправной точкой для многих теоретических построений и выводов, — пряснял он. — Вместе с тем это — та красная нить в канве рас-

суждений, которая всегда поможет быстрее подойти к правильным выводам и решениям.

И тут же цитировал для примера многие ленинские высказывания, ставшие уже афористичными, такие, как: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»; «Без науки современную армию построить нельзя»; «Мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий» и т. д.

Что касается лекций и семинаров по политэкономии, то они помогли мне глубже изучить материальную основу боевой мощи Советских Вооруженных Сил, увидеть и осознать прямую зависимость их боеспособности от экономического потенциала СССР. Преподаватель неоднократно подкреплял эти положения словами Ф. Энгельса о том, что победа в войне основывается на экономической силе, на материальных средствах¹, и ссылками на В. И. Ленина, который особо подчеркивал мысль о том, что в области военной «экономическая организация имеет решающее значение»². Знание этих положений помогло глубже разобраться и в конкретных вопросах военной экономики. Откровенно сказать, мне потом было даже удивительно: и как я мог рассуждать раньше о тех или иных сложных и взаимосвязанных экономических проблемах, не зная даже их теоретических основ и множества тех объективных законов, которым подчиняется общественное производство в странах социализма или капитализма? Было такое ощущение, словно с глаз спала пелена и многие явления, факты ты увидел и расценил теперь совсем иначе, чем сделал бы раньше.

Впрочем, аналогичное ощущение возникало и по мере изучения других, в том числе чисто военных, дисциплин. Взять, к примеру, такие предметы, как войсковой и оперативный тыл. Их читали опытные методисты полковник Д. И. Носань-Никольский и генерал-майор К. Е. Белоусов. В начале учебы, как я уже говорил, отдельные наши слушатели относились к таким дисциплинам с некоторой предвзятостью. По существу, ничего еще не зная о том, что представляет собою в наши дни такой сложный организм, как тыл, они отзывались о нем лишь как о сугубо интендантском деле, в котором главная, мол, проблема — обуть, одеть, накормить солдата и снабдить его махоркой. И коллективам преподавателей двух этих кафедр пришлось затратить немало сил и методического мастерства, чтобы

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 170.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 194.

пробудить и постоянно поддерживать у слушателей активный интерес к вопросам войскового и оперативного тыла, то есть обратить нас, как мы в шутку потом говорили, в свою «тыловую веру». Этому, видимо, в какой-то степени способствовало и то, что с первых дней учебы слушателей знакомили с историей развития тыла, оказавшейся достаточно богатой и интересной, а также с историей академии.

С беседами на последнюю тему чаще всего выступали ее начальники — сначала В. И. Вострухов, а затем сменивший его М. П. Миловский.

— Мы можем законно гордиться тем, товарищи, — всякий раз начинал свой рассказ генерал-полковник Вострухов, — что наша академия ведет свою историю с 1800 года. Именно тогда в Петербурге для подготовки военных специалистов был открыт Институт инженеров путей сообщения.

Далее речь шла о том, что начиная с 1864 года специалисты службы военных сообщений обучались в двух академиях: Инженерной и Генерального штаба. Что касается многих других представителей военно-хозяйственных кадров, то в 1900 году для их подготовки создается интендантский курс, преобразованный десять лет спустя в Интендантскую академию. Преподаватели этой академии сразу после победы Великого Октября направили делегацию к В. И. Ленину, через которую заверили его, что всецело отдадут себя на службу Советской власти. По указанию Владимира Ильича Интендантская академия 2 сентября 1918 года была реорганизована в Военно-хозяйственную (эту дату и принято считать днем создания нашей академии). После переезда в Москву в течение трех лет она произвела шесть ускоренных выпусков военно-хозяйственных специалистов для Красной Армии и Военно-Морского Флота.

В последующий период академия прошла через множество реорганизаций и была даже расформирована в 1924 году, в связи со значительным сокращением численности Красной Армии. В те годы офицеров тыловых служб готовили в других военных академиях или на военных факультетах гражданских институтов. Так, специалисты военных сообщений учились на одном из факультетов Ленинградского института инженеров путей сообщения. На базе этого института в 1932 году была создана Военно-транспортная академия. Через три года, в связи с усилением военной опасности и потребности в квалифицированных кадрах, в Харькове была воссоздана Военно-хозяйственная академия РККА, реорганизованная в 1942 г. в Военную академию

тыла и снабжения. Оба эти вуза подготовили в предвоенные и военные годы тысячи высококвалифицированных специалистов тыла. Их выпускники героически сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны, самоотверженно трудились на строительстве дорог, мостов, других важных военных объектов, обеспечивая успешные боевые действия Вооруженных Сил страны. В числе их питомцев — 8 Героев Советского Союза и 9 Героев Социалистического Труда. В июне 1956 года, когда назрела необходимость централизовать подготовку кадров, две академии объединились в единую Военную академию тыла и транспорта.

Располагая современной учебно-материальной и экспериментально-технической базой, опытными научно-педагогическими кадрами, эта академия в течение всех последующих лет обеспечивает качественную подготовку организаторов тыла, представителей самых различных его служб, а также выполнение научно-исследовательских работ самого широкого профиля. Ее ученые многое сделали для обобщения опыта тылового обеспечения советских войск в боях и операциях минувшей войны, успешно разрабатывают теоретические основы и практические рекомендации по организации тыла в современных условиях.

...Но вернемся опять к периоду нашей учебы в академии. По мере расширения кругозора слушателей во многом менялись и прежние наши представления относительно того, например, по каким законам развивается общевойсковой бой, какую роль в нем играет всестороннее тыловое обеспечение и какие требования предъявляет к тылу тот или иной вид боевых действий или же род войск.

Взять хотя бы бронетанковые войска, патриотом которых, если можно так выразиться, я по-прежнему себя считал. Раньше среди основных факторов, обеспечивающих успех в бою танкистам, я считал прежде всего три классических — огонь, броню, скорость (маневр). Есть они в наличии, полагал я, — и танкистам сам черт не страшен: куда их бросят в достаточном количестве — там и победа! Потому столь горделиво выделял, вместе с сослуживцами-ремонтниками, и важность своей инженерно-танковой службы на фронте: ведь и от нас в немалой степени зависела боеспособность стальных машин, сроки их возвращения в строй. Что же касается остальных видов обеспечения, в том числе материального, то они как бы подразумевались сами собою и в боевой деятельности танкистов были явлением

вроде бы естественным. Конечно, мол, танк без дозаправки горючим и без пополнения боеприпасами воевать не сможет, но зачем вообще так ставить вопрос? Речь же о другом...

Теперь постепенно менялся взгляд и на эти вещи, становясь шире, объективнее. Отдавая должное инженерно-танковой службе, я вместе с тем стал отчетливо понимать и то, насколько важно для достижения успеха в бою своевременно обеспечить танкистов всем необходимым для единоборства с врагом — теми же боеприпасами и горючим, продовольствием и обмундированием, медикаментами и запасными частями, и то, как это сложно: все заранее предусмотреть и спланировать, а затем организовать доставку и распределение вопреки всем трудностям боевой обстановки.

Как это делалось практически, мы, разумеется, видели. Более того, иногда и самим приходилось принимать участие в подобных работах, правда обычно в рамках лишь своей специальности и должности. Теперь же, в ходе групповых занятий и упражнений на картах, мы познавали все эти заботы во всей их масштабности. Один из нас ставился обычно в положение организатора тыла в целом (например, заместителя командира соединения по тылу), другие выступали в роли руководителей видов обеспечения — транспортного, технического, медицинского, третьи решали частные задачи за начальника одной из служб — снабжения горючим, вещевым имуществом или продовольствием. При отработке взаимодействия часть обучаемых выполняли обязанности начальников артвооружения, автомобильной службы или заместителя командира по технической части.

Конечно, выполнять обязанности заместителя командира дивизии по тылу значительно труднее, нежели начальника одной из служб. И не потому только, что в первом случае ты должен знать все вопросы тылового обеспечения соединения, а во втором — лишь по своей службе. Заместитель командира обязан еще проявить и организаторские способности, умение согласовать многогранную деятельность многих исполнителей по срокам и этапам боя. В следующий раз роли менялись. Впрочем, иногда и в ходе одного запятия преподаватель перераспределял их по несколько раз. Это поддерживало у обучаемых постоянное внимание ко всем деталям задачи. Каждый стремился подготовиться так, чтобы суметь доложить по всем вопросам, выступить в любой роли.

Нередко «на поле боя» мы так вращались в обстановку, что все начинало казаться явью: вот после артиллерийской подготовки наступает противник, вот выиграно оборонительное сражение, а вот наконец и мы, поднакопив сил, переходим в контратаку... С нашей стороны задействовано много техники. Часть ее требует обслуживания и дозаправки, часть вышла из строя и подлежит эвакуации и ремонту. И ты скрупулезно подсчитываешь все технические единицы за каждое подразделение, боевую часть. Все расчеты выполняются и решения по ним принимаются оперативно, без чего в современном бою рассчитывать на успех нельзя.

Со временем мы стали решать задачи по тыловому обеспечению за армию, потом за фронт. Преподаватели искусно помогали находить и грамотно обосновывать наилучшие варианты решений. Больше всего различных версий выдвигалось по вопросам подвоза материальных средств. Это и понятно, поскольку подвоз был и остается главным фактором в организации материального обеспечения войск. В зависимости от особенностей, присущих тому или иному театру военных действий, в одних случаях приходилось делать основную ставку на железнодорожный транспорт, в других предпочитать ему автомобильный, а в третьих не отказываться даже от гужевого — все определялось условиями обстановки, наличием средств подвоза и характером коммуникаций. Но правильное решал такую задачу обычно тот, кто, опираясь на точные выкладки, стремился использовать все виды транспорта в комплексе. Разбирая и анализируя наши действия, преподаватели всегда отмечали такое стремление оценкой на балл выше.

В основе каждого решения лежали тщательные расчеты. Слушателям требовалось, к примеру, определить материальные потребности группировки войск в армейской наступательной операции. Исходя из ее продолжительности, наличия сил и средств и характера предстоящих задач, мы подсчитывали, сколько в ней имеется оружия, военной техники и личного состава, после чего по суточным нормам расхода вычисляли общий объем материальных средств на всю операцию. Далее следовало разобраться в номенклатурах каждого вида материальных средств. Ведь одно лишь понятие «горючее» включает сотни номенклатур! И такое положение — почти в каждой службе. Естественно, на первых порах нетрудно было и ошибиться, направив в какую-то из частей совершенно ненужные ей виды горючего или боеприпасов.

Требовалось далее определить, где в войсках или на

армейских складах и сколько имеется каких запасов. Затем на основе уяснения общей задачи, оценки конкретной обстановки и принятого командующим решения на ведение операции установить порядок эшелонирования и подвоза материальных средств, с тем чтобы в ходе боевых действий бесперебойно восполнялись все расходы и потери.

Кстати, в вопросах эшелонирования тоже сталкивались разные мнения. Основную массу запасов, потребных на операцию, можно ведь сосредоточить непосредственно в боевых порядках, на огневых позициях, а можно разместить в районах полковых или дивизионных складов. Все определяется условиями обстановки, включая и такой фактор, как возможный характер действий с началом операции. В период Курской битвы, например, Центральный и Воронежский фронты выдвинули склады, медицинские, ремонтно-эвакуационные и другие учреждения как можно ближе к своим войскам, изготовившимся к отражению массированного удара сильнейшей группировки противника, и перешедшим после этого в решительное контрнаступление. И такое эшелонирование армейских и фронтовых складов и других средств полностью себя оправдало. Стратегический замысел советского командования был искусно и смело обеспечен необходимыми материальными ресурсами.

Наши расчеты в масштабах оперативного тыла существенно затруднялись тем, что в учебных заданиях все больший удельный вес стали занимать новые виды оружия и техники со своими нормативами боевых действий и нормами потребления материальных средств. Менялись соответственно организация войск, способы их боевого использования. Все это следовало учитывать. Причем старые мерки уже не годились, требовалось овладевать методикой новых расчетов.

Новые взгляды на характер ведения современной операции, с использованием атомного (как тогда называли его) оружия, требовали иного подхода даже к решению обычных задач по материальному обеспечению войск. Становилось очевидным, что творческий подход должен стать постоянным элементом в процессе мышления и в практике каждого советского офицера. Только при этом условии он сможет успешно решать сложные и нетипичные задачи по подготовке своих подчиненных к умелым и активным действиям в современном бою, по улучшению системы управления войсками, их материального обеспечения и т. п.

Много пищи для раздумий и обобщений давали встречи с командным составом академии, людьми, обладавшими

богатой фронтовой практикой и глубокими военными познаниями. Бывает, конечно, и так, что некоторые начальники только кичатся своими заслугами и не спешат (или не умеют) поделиться опытом с молодежью. К счастью, абсолютное большинство наших наставников не страдало таким недугом, и каждая встреча с ними во многом обогащала слушателей.

Вспоминается одна из бесед с заместителем начальника академии генерал-майором интендантской службы Ф. М. Малыхиним. Заглянув однажды вечером в аудиторию на самоподготовку, он увидел на столах рабочие карты и поинтересовался, какую задачу мы решаем. Офицеры охотно доложили о ее содержании (организация подвоза материальных средств в дивизии) и некоторых вариантах решений. Затем кто-то спросил генерала, как осуществлялся подвоз артиллерийских боеприпасов в боевых условиях.

— На фронте, — начал свой рассказ Малыхин, — особенно в первый период войны, применялись различные способы подвоза. В одних случаях представители артиллерийских частей сами ездили за боеприпасами на дивизионный объединенный склад. Другим частям их подвозила своим транспортом армия. Все зависело от особенностей обстановки, задач, решаемых войсками и артиллерией, степени их подчиненности армии или фронту, ну и наличия транспорта. Но потом установился твердый принцип подвоза: «сверху вниз», или, как еще говорили, «от себя».

Федор Мефодьевич подробно разъяснил суть этого принципа, подкрепив свой рассказ интересными примерами. В период советско-японской войны 1945 года он возглавлял штаб тыла Забайкальского фронта и теперь умело набросал масштабную картину построения оперативного тыла советских войск тех дней. Поскольку печатных публикаций, освещавших ход боевых действий по разгрому Квантунской армии японцев, тогда почти еще не было, то, естественно, каждое слово генерала мы ловили с большим вниманием.

Памятными остались и встречи с полковником Д. И. Носань-Никольским. Он обычно затрагивал вопросы управления войсковым тылом в годы войны.

— Радиосредств, выделяемых в распоряжение тыла, всегда было недостаточно, — вспоминал он. — Да и телефонная связь имела далеко не со всеми тыловыми хозяйствами. Приходилось чаще прибегать к личному общению или посылке нарочных с очередным распоряжением командиру автобата, медсанбата, к начальникам хлебозавода или объединенного склада. Нередко получалось так, что решение

по обстановке примешь быстро, а на практическую организацию дела при такой связи тратишь много лишнего времени. Сейчас, конечно, средства связи и в тылу уже не те. Они позволяют быстро довести любое распоряжение до исполнителей. А надежная связь — это не только основа управления тылом, но и важный элемент в обеспечении высокой его маневренности.

Следует сказать, что хотя мы, слушатели, были в те годы значительно моложе своих наставников, однако тоже имели определенный боевой опыт и потому несколько пристрасстно воспринимали отдельные ссылки на практику военных лет. Молодежи, на мой взгляд, вообще свойственно рассматривать советы старших через критическую призму, особенно если речь заходит о вещах ей более или менее знакомых. Поэтому в ходе таких встреч иногда возникали споры: а надо ли вообще делать тыл дивизии и армии полностью подвижным, какие службы следует подчинить начальнику тыла, а какие нет и т. п. Находились даже такие «реформаторы», которые восставали против «железного» принципа подвоза «сверху вниз». И обосновывали это примерно так: «Все бы хорошо, но... ненадежно! А если не смогут подвезти «сверху»? Что ж тогда — сиди и жди у моря погоды? Нет, и «низы» всегда должны быть в готовности послать за грузами свой транспорт».

Разумеется, все споры носили вполне корректный характер и творческий уклон. А наши наставники, будучи и в таких дискуссиях поопытнее нас, умели тактично гасить излишнюю горячность и направлять в нужные, «кафедральные» рамки здравые суждения оппонентов.

Обширная учебная программа, насыщенная военными предметами, знакомство с новыми книгами о событиях военных лет, рассказы умудренных большим жизненным опытом людей расширяли наш кругозор в оценке событий прошлого и помогали выйти за рамки «своей» войны. Ведь она зачастую измеряется многими ее рядовыми участниками своей меркой и видится им в плане, ограниченном узкими рамками их небольшого полкового участка на гигантском поле битвы. А любая война всегда и многопланова, и многомерна. И чтобы познать ее характер, выявить основные закономерности, требуется брать в расчет множество самых различных ее сторон, факторов, явлений. Что же касается такой войны, какой была Великая Отечественная, то полностью и всесторонне воссоздать ее историю едва ли возможно даже многие годы спустя...

Однако основные этапы и события минувшей войны уже

получили к тому времени достаточное освещение и толкование. И мы были признательны академии за то, что она помогла нам представить себе картину небывалой в истории битвы советского народа с германским фашизмом во всей ее масштабности и грозном величии. Более обстоятельно, разумеется, мы знакомились с теми материалами, которые освещали вклад в победу солдат тыла. Причем многие из нас помимо чисто эмоционального восприятия этой стороны войны впервые увидели тогда ее и в цифрах, которые по своей убедительности превосходят подчас любые слова.

Так, на лекциях по оперативному искусству и тылу мы узнали, что всего за годы войны Вооруженные Силы СССР осуществили на советско-германском фронте 58 стратегических, 248 фронтовых и около 1000 армейских операций. Боевые действия велись непрерывно, с различными целями и результатами, и потребовали выдающегося искусства в руководстве войсками от советского командования и высокого ратного мастерства, героизма и мужества от всего личного состава.

Для успешного ведения боевых действий потребовалось огромное количество различных материальных средств. На протяжении войны в расчете на каждого советского воина было поставлено в войска 10—12 единиц различного вооружения, тонна боеприпасов, полторы тонны горючего, четыре тонны продовольствия, четыре комплекта обмундирования и много другого военного имущества. Для его производства в тылу страны потребовалось добыть и произвести более 100 млн. т черных и цветных металлов, 600 млн. т угля, свыше 200 млрд. квт·ч электроэнергии, до 250 млн. т нефти, построить свыше 3 тыс. новых промышленных предприятий, возделать миллионы гектаров земли. Причем все, что производилось экономикой страны, необходимо было еще подать на фронт, распределить и подготовить к боевому использованию, подвезти непосредственно в дивизии, полки и батальоны, доставить к танкам и орудиям, выдать каждому солдату. И все это делали специалисты служб — дорожники и транспортники, ремонтники и медики, строители и вещевики и многие, многие другие солдаты тыла. Они являлись связующим звеном между фронтом и тылом страны, ставшей единым военным лагерем. Задачи, выполненные ими в те годы, — поистине колоссальны по объему и перечню работ.

Во время войны, особенно за три последних ее года, когда началось массовое изгнание врага с нашей территории,

солдатами тыла было, например, построено и восстановлено свыше 120 тыс. км железных и около 100 тыс. км автомобильных дорог. Войны-ремонтники восстановили на фронте свыше 20 млн. единиц оружия и боевой техники. Причем бывало и так, что, отремонтировав танк или САУ, они сами же вели их на врага, заменяя в боевом строю погибший экипаж...

А какой высочайшей оценки заслуживает беззаветный труд фронтовых медиков! В дождь и пургу, под пулями и осколками снарядов, на виду у противника, ясным днем и в непроглядную темень осенних ночей санитары выносили раненых с поля боя, оказывали им первую помощь и передавали в руки врачей. За годы войны советские военные медики возвратили в строй более 72 процентов всех раненых. А это ведь многие сотни тысяч бойцов и командиров! В среднем каждые сутки фронт получал более одной дивизии личного состава, поставленного на ноги самоотверженным трудом людей в белых халатах.

На войне, как известно, никому не было легко. Не являлись исключением и специалисты тыла. Ведь помимо обычных тягот, лежавших в то суровое время на всех солдатских плечах, они еще несли и бессменную вахту, связанную с обеспечением огромных масс людей и техники, сосредоточенных на фронтах, всем необходимым для победоносной борьбы с врагом. Этот гигантский труд отражен в точных цифрах. Но как можно измерить физическую и моральную отдачу военных шоферов, доставлявших под яростной бомбежкой по Дороге жизни продовольствие и медикаменты блокадному Ленинграду? А сколько душевных сил стоили те отчаянные рейсы, когда водители прорывались с грузом снарядов на огневые позиции наших артиллеристов, уже окружаемых танками с крестами на броне? А что может испытать за войну хирург медсанбата, делая при свете коптилки, под грохот близкой бомбежки десятую, двадцатую, тридцатую операцию за ночь, не отходя от стола? Или тот же танкист-ремонтник, меняющий в лютый мороз траки в разбитой гусенице танка всего в трехстах метрах от траншеи гитлеровцев? Перечень подобных примеров можно продолжить до бесконечности... И все они свидетельствуют об одном: и специалисты тыла выполняли свой долг на войне, как положено солдатам, — даже ценою собственной жизни...

— На войне без жертв не бывает. И многие, очень многие солдаты тыла сложили головы, до конца исполнив свой долг перед Родиной. Но память народная будет вечно хра-

нить их имена! — так, помнится, несколько необычно закончил свою лекцию весьма скупой на всякие эмоции преподаватель оперативного тыла.

Немало делали для пропаганды героических дел тружеников тыла и слушатели академии. Многие из нас активно участвовали в работе агитбригад, выступавших на предприятиях и стройках города и в окрестных селах области. Агитационно-массовая работа велась, как говорится, широким фронтом, способствуя постоянному укреплению связей армии с народом. Выезды приурочивались к различным юбилеям и памятным датам в истории Советского государства и его армии, а также к важным политическим событиям в стране. На встречах, посвященных Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота, мы рассказывали об истории строительства и истоках боевой мощи Вооруженных Сил СССР, об основных этапах и многочисленных героях Великой Отечественной войны. И конечно же всякий раз отмечали огромный вклад во всенародную победу советского тыла, снабжавшего фронт всем необходимым для разгрома ненавистного врага. Такая объективная и высокая его оценка всегда приходилась по сердцу трудовому люду, сидевшему в зале. Вообще, надо сказать, наши лекции и доклады хорошо принимались в любой аудитории: мы это чувствовали и по реакции присутствующих, по их аплодисментам и вниманию.

Для меня, как и для других участников войны, эти встречи остались незабываемыми еще и потому, что в зале обычно оказывались и наши боевые товарищи, воевавшие, как потом выяснялось, если не в одной с нами части, то уж непременно на одном фронте.

Вспоминается одна из таких встреч в небольшой деревушке близ Торжка. В колхозном клубе собрались и молодежь, и люди пожилые. Среди последних мне посчастливилось встретить бывших танкистов с нашего Ленинградского фронта. После официальной части завязалась беседа. Вспоминали тяжелые бои, павших товарищей, трудные версты войны. Нас внимательно слушали молодые парни и девушки. И в этот момент я остро почувствовал, что такая вот беседа способна окрылить в сердцах юношей и девушек горячую любовь к Родине, святое чувство патриотизма, укрепить уважение к людям старшего поколения, завоевавшим для них право на свободную и счастливую жизнь.

Естественно, к выездам агитбригад, к лекциям и беседам готовились тщательно. Связывались с руководителями предприятий, согласовывали темы выступлений, уточняли ха-

раактер встреч. Приходилось дополнительно просматривать пропагандистские издания, подбирать интересные факты и цифры, шире использовать местный материал. И в этом опять же мы помогали друг другу. Кто-то из товарищей, положим, предлагал использовать в моем докладе статистические данные из книги Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», другой советовал привести по ходу беседы характерный пример из нового кинофильма, третий давал просмотреть свои вырезки из газет и журналов по истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Разумеется, точно так же поступал и я по отношению к ним.

Выступления на предприятиях и в колхозах давали хорошую практику в организации пропагандистской работы, приучали к умению свободно держаться перед многочисленной аудиторией. Мы старались говорить без бумажек, своими словами, чтобы установить тесный и живой контакт со слушателями, и это обычно удавалось.

Агитационно-массовые мероприятия являлись лишь частью той большой партийно-политической работы, которую вели политотдел академии, партийные организации групп, курсов, факультетов и в которой опять же участвовало и большинство из нас. Словом, за годы учебы мы прошли хорошую школу партийной работы. Регулярные поручения приучали к твердой партийной дисциплине, добросовестному выполнению уставных обязанностей, воспитывали чувство коллективизма.

Были выезды и иного порядка — мы помогали колхозникам косить сено, убирать хлеб. Делали это с большой охотой. Труд на колхозных полях не только сближал нас с тружениками села, но и обогащал знаниями в области сельского хозяйства, также необходимыми специалистам тыла. Офицеры службы горючего участвовали в восстановлении или ремонте нефтебаз, заправочных пунктов, других объектов, а продовольственники бывали на пищевых комбинатах, продскладах и хлебозаводах, оказывая помощь их персоналу. Находили для себя работу на местных родственных предприятиях и наши вещевики.

Короче, забот хватало, и нагрузка постоянно была большой. Готовясь к зачетам, семинарам, а тем более к экзаменам, мы частенько засиживались до третьих петухов, и если бы не занятия спортом, то многие едва ли выдержали все это. К счастью, спортивная жизнь в академии была ключом, и разными видами спорта занимались очень многие. Все мы были молоды, полны энергии, задора. А где еще можно

показать задор, как не на спортивных площадках, в играх и соревнованиях. Вместе с тем всякого рода состязания сплачивали коллектив слушателей, воспитывали взаимовыручку, волю к победе.

Понимая, что спорт — учебе помощник, мы много делали сами для развития спортивной базы. Не было на курсе человека, который не вложил бы частичку своего труда в ремонт спортивного зала, в оборудование игровых площадок, беговых дорожек, других сооружений. Зато и чувствовали себя в спортгородке как дома.

Укрепляли здоровье и активным отдыхом, для чего устраивали коллективные выезды с семьями в лес, на живописные берега Волги и Тверцы, к озеру Селигер. По пути знакомились с историческими памятниками и различными достопримечательностями края. И каждая такая поездка являлась хорошим зарядом бодрости на очередной этап учебы.

На втором и третьем курсе лекции часто читали руководители академии: В. И. Вострухов, а затем М. П. Миловский, заместитель начальника академии Ф. М. Малыхин, начальник нашего факультета генерал-майор М. А. Зашибалов и другие. Вместе с преподавателями они последовательно и предметно вводили нас в область наук о тыле.

Все они были людьми заслуженными. Вострухов в конце войны был заместителем командующего войсками Забайкальского фронта по тылу, Малыхин — его начальником штаба в ту пору. Герой Советского Союза Зашибалов командовал стрелковым корпусом. Их умение работать с людьми, даже самыми сложными по характеру, постоянное стремление подготовить из нас высококвалифицированных организаторов тыла, способных грамотно решать любые задачи, делало их великолепными наставниками. Добиваясь качественной и полной отработки учебной программы, они не упускали из поля зрения и научную работу, умело выявляя склонности к ней у обучаемых. Причем иной раз подмечали такие черточки в характерах и способностях, о которых мы и сами не догадывались.

Это они, руководители академии, помогли раскрыться таким одаренным нашим соученикам, как офицер-артиллерист Ф. В. Сидоров, офицер-восовец М. В. Смирнов, общевойсковой офицер Н. А. Малюгин. Всех троих отличали незаурядный аналитический ум, большое трудолюбие, склонность к творческой работе. Окончив академию с золотой медалью и продолжая службу в военно-учебных заведениях, они вели одновременно большую научную работу

и успешно защитили диссертации на важные темы тылового обеспечения. Офицеры П. Г. Торопов, Н. И. Постников, Г. И. Карначев, А. П. Ситников, Н. И. Кобелев и другие также еще в стенах академии проявили большой интерес к научному творчеству и посвятили потом многие годы разработке сложной проблематики тыла.

В тот период судьбе было угодно заронить и в мою душу искорку от того огня, который, образно говоря, озаправляет тернистый путь людям, причастным к научному поиску. Именно тогда в силу обстоятельств, а точнее, благодаря чужой и умной воле я соприкоснулся с той областью деятельности, которая стала потом болью и радостью моей души на всю жизнь. А произошло все так.

Однажды лекцию «Тыловое обеспечение общевойсковой армии в наступлении (по опыту войны)» читал генерал Ф. М. Малыхин. И читал, как всегда, интересно, увлекательно. Правда, мне показалось, что о тыловом обеспечении бронетанковых войск армии сказано недостаточно (может, просто сыграла свою роль моя ревнивая приверженность к этим войскам). И я задал лектору вопрос:

— Как известно, в составе фронтов и общевойсковых армий во время войны были бронетанковые части. Причем, как вы подчеркнули, они часто действовали в качестве подвижных танковых групп в отрыве от своих баз снабжения. Какие особенности могли быть при этом в их тыловом обеспечении?

Генерал, глядя на часы (время, отведенное на лекцию, уже истекло), ответил по существу, но очень кратко, в общих чертах. Чувствуя это, он добавил, что данный вопрос более детально пока на кафедре не разработан, хотя и заслуживает отдельной лекции. Но меня и такой ответ не удовлетворил. При всем уважении к лектору, я подумал, что он затрудняется осветить этот вопрос конкретнее потому, что сам — не танкист. Чтобы столь важный вопрос военной теории, да еще в масштабе армейской операции, не нашел до сих пор своего «разработчика» — в такое верилось с трудом...

Прошло несколько дней. Я уже забыл про этот эпизод и так бы и остался при своем мнении, если б не вызов к начальнику курса. Направляясь к нему, я перебрал в уме все учебные, общественные и спортивные нагрузки, за которые отвечал в группе, чтобы найти упущения, о которых, видимо, и пойдет речь. Но дела вроде бы везде обстояли нормально. Может, сам допустил где-то оплошность? Ведь к начальнику курса нашего брата вызывают обычно за не-

успеваемость, нарушения в форме одежды или в несении внутренней службы...

Начальник курса полковник К. А. Карпов был человеком строгих правил. Во всем — от порядка в строю при построениях слушателей до взаимоотношений между ними и начальством — он неукоснительно руководствовался кодексом воинских уставов. В прошлом фронтовик, Карпов был переведен в академию с должности заместителя командира соединения по тылу, хорошо знал армейскую службу и был крайне чувствителен к малейшим нарушениям дисциплины и порядка.

Не успел я доложить о своем прибытии — Карпов напустился на меня:

— Это какой же вопрос вы задали генералу Малыхину, что он не сумел ответить на него? Вы соображаете, в какое положение его поставили? Да еще при слушателях!

У меня аж сердце екнуло. Действительно, некрасиво вроде получилось: ведь мою любознательность можно истолковать и как попытку поставить начальника в неловкое положение. Но ведь на самом-то деле это не так!

Рассказал я начальнику курса все, как было.

— Только и всего? — сразу успокоился он. — Ну, такие вопросы — в порядке вещей. Так вот, генерал Малыхин вас к себе вызывает. Видимо, хочет продолжить разговор...

Я недоверчиво пожал плечами. «Скорее, сделать замечание за неуместный вопрос», — мелькнуло в голове. Это предположение еще более окрепло, когда я увидел, что передо мной в кабинет Малыхина зашел начальник политотдела академии полковник Е. В. Тарасов. Через минуту пригласили туда и меня. Федор Мефодьевич встал из-за стола, пожал руку, указал на стул рядом. Генерал, очевидно, без особого труда определил мое душевное состояние и, чтобы снять напряжение, неожиданно попросил рассказать вкратце о моей прошлой службе. Разумеется, все это можно было узнать из личного дела, но, как я потом убедился, Малыхин всегда предпочитал составлять непосредственное мнение о людях. Может, потому он так хорошо и разбирался в психологии подчиненных.

Слушая меня в тот раз, Федор Мефодьевич задавал уточняющие вопросы: в каких должностях и где проходил службу, что считаю наиболее ценным из своего боевого опыта, какие функции выполнял в роли заместителя командующего фронтовой подвижной группой, вводимой в прорыв. В разговор включился и Тарасов.

— А не приходилось ли вам, — спросил он, — обобщать опыт действий этой танковой группы? Писать какой-либо отчет или доклад?

— Приходилось. Писал, — кратко отвечал я, не понимая, к чему эти вопросы.

— И как оценило начальство ваш труд?

— Замечаний особых не было.

Тут опять вступил Малыхин, неожиданно спросив:

— В работе научного кружка не участвуете?

— Нет. И без того времени не хватает. Да вряд ли могу быть и полезен в таких делах, — поспешно ответил я.

— Ну не скажите, — помолчав, возразил генерал. — Мы вот считаем иначе.

Он напомнил, что военно-научное общество слушателей было создано в академии два года назад. С прошлой весны стали проводиться ежегодные военно-научные конференции. На первой из них ряд слушателей выступили с очень интересными сообщениями. Сейчас готовятся ко второй. Дело это полезное, и важно приобщать к нему и других обучаемых.

— А что важнее всего в научной работе? Любознательность, пытливый ум, — продолжал Федор Мефодьевич. — У вас эти качества тоже имеются, не так ли? Ну-ну, позвольте и нам судить об этом — вы же не первокурсник! Так вот, мой вам совет — найдите время и для кружка. Для начала возьмитесь за разработку темы: «Материально-техническое обеспечение подвижной танковой группы общевойсковой армии, вводимой в прорыв». Той, что так вас заинтересовала на моей лекции. Попробуйте систематизировать материал по опыту Великой Отечественной войны.

Заметив мое замешательство, полковник Тарасов положил руку мне на плечо и сказал:

— Чего тут раздумывать. По существу, эта проблема вам знакома по войне. Вы поделитесь воспоминаниями и опытом, пусть скромным, но интересным. Теперь уже с научной точки зрения.

— Будут вам и консультации! я дам указание начальнику курса, — вновь вступил в разговор Малыхин. И, кончая мои колебания, объявил: — Словом, через три месяца жду с подготовленным докладом.

Выйдя из кабинета, я вновь выругал себя за злосчастный вопрос на лекции. Нет, пусть бы уж лучше меня отчитали за несдержанность, чем такой оборот дела! Теперь вот должен что-то писать и ходить на заседания научного кружка, не имея на то ни времени, ни охоты.

О беседе в кабинете Малыхина я доложил начальнику курса. Не удержавшись, рассказал и товарищам. Карпов сдержанно улыбнулся, а друзья начали подтрунивать:

— Это тебе, Макарыч, специальное наказание придумали за излишнее любопытство!

Я же решил: полностью выложусь, но докажу, что тоже не лыком шит. Сразу приступил к сбору материала и не заметил, как постепенно увлекся этой проблемой. А она оказалась нелегкой, поскольку учебной литературы по данной теме было действительно маловато. Поднял информационные бюллетени времен войны, подшивки военных журналов, некоторые академические труды, и дело стронулось с места.

В тот период в академии как раз завершалось обобщение опыта тылового обеспечения войск в годы Великой Отечественной войны. На основе этих материалов кафедры занялись разработкой систематизированных учебных пособий «Войсковой тыл», «Армейский тыл», «Фронтowej тыл» и других. Некоторые преподаватели приступили к написанию монографий по организации и работе тыла в Сталинградской, Орловской и Курских, Висло-Одерской, Берлинской и других крупных операциях. Отдельные материалы из этих исследований также явились хорошим подспорьем в моей работе.

К большому удивлению, последняя не только не мешала учебе, а, напротив, помогала ей. В ходе разработки темы приходилось дополнительно читать специальную литературу, делать выписки, чаще встречаться с преподавателями кафедр оперативного искусства и тыла, сопоставлять отдельные положения и весь цифровой материал. Естественно, и на занятия я стал приходить более подготовленным.

Пригодился и прошлый опыт. Правда, все это свелось к анализу весьма непродолжительной практики моей работы в роли заместителя командующего танковой группой Ленинградского фронта при вводе ее в прорыв в сентябре 1944 года в Прибалтике. После рокировки бронетанковых частей по сплошному бездорожью из районов Сланцы и Нарва под Псков, а затем в районы Тапа и Раквере мне пришлось принимать тогда срочные меры для пополнения запасов горючего, ремонта боевых машин и организации технического обеспечения группы при ее действиях в глубине обороны противника. (События тех дней подробно изложены в книге «Танки оживали вновь».)

Однако и на все пережитое в ту пору пришлось теперь взглянуть как бы со стороны, чтобы взвесить и оценить те факты и события под углом новых своих знаний, порассуждать на страницах доклада не столько о проделанной тогда рабо-

те, сколько об организации всестороннего тылового обеспечения в аналогичных условиях, но уже в свете требований современного оперативного искусства. Все это оказалось и сложнее, и объемнее, чем было в войну. Полезно было подробнее остановиться и на недостатках в обеспечении нашей подвижной танковой группы (нехватка запасных частей, несвоевременный подвоз материальных средств, недостатки в танкоремонтной службе), чтобы сделать соответствующие выводы.

Прежде всего я составил план-проспект доклада. Для расчетов по тыловому обеспечению группы ее состав взял типичным для условий Ленинградского фронта тех лет: одна танковая бригада, полки самоходно-артиллерийский, танковый и части боевого обеспечения. Особенно тщательно взвесил, какие именно вопросы тылового обеспечения следует разработать. Наметил основные: состав тыловых подразделений и учреждений, выделенных для обеспечения танковой группы, их размещение и перемещение; подготовка путей и организация подвоза материальных средств; порядок комплексного использования всех видов транспорта; эвакуация с поля боя поврежденной техники и раненых; организация охраны и обороны, управления и связи.

Поначалу все выкладки и обоснования старался записывать как можно подробнее. При этом не всегда мог определить, что лучше отразить с помощью схем и графиков, что изложить текстуально, а что показать в таблицах: с подобной премудростью мы только еще начинали знакомиться. Быстрее постичь ее помогли сокурсники А. П. Ситников и Г. И. Карначев, имевшие большой опыт в отработке такого рода документов. Оба служили в годы войны в штабе тыла фронта и в составлении всякого рода отчетности были великие доки. Они же подсказали, как составить план подвоза, отразить на карте вопросы дорожного обеспечения и многие другие данные.

К концу третьего месяца я исписал свыше ста тетрадных страниц с приложением различных по форме документов: планов тылового и технического обеспечения подвижной танковой группы, расчетов на подвоз и возможности автотранспорта, боевые потери и возможности эвакуации раненых и больных. Внешне все выглядело внушительно, и я не без гордости за проделанную работу отправился на доклад к Малыхину. Он принял меня столь же просто, как и в первый раз. Расспросил, какими материалами я пользовался при подготовке доклада, что взял из личного опыта, какие встретил трудности в работе.

— Ну, а теперь докладывайте...

Прикинув мысленно, что если читать все подряд, то на это уйдет слишком много времени, я решил своими словами пересказать самое основное. Генерал слушал не прерывая и делал какие-то пометки на листке бумаги. Когда я кончил, он глянул на часы и удивленно произнес:

— Как, уже все? Исписали несколько тетрадей, а докладывали ровно двенадцать минут.

Я сначала не понял, хорошо это или плохо, что я так быстро разделался с докладом. Мне лично казалось, что и так все ясно: перечислил основные разделы, сделал краткие комментарии к ним, показал приложения. Чего ж еще?

Малыхин мягко коснулся моей руки:

— То, что вам удалось высказаться сжато — уже хорошо. Только надо и в краткой форме более четко и стройно аргументировать главные мысли. Это важно при подготовке любого письменного материала. Чем короче и яснее изложены в нем стержневые вопросы и необходимые обоснования, тем выше ценность любого документа.

Однако краткость в научной работе не должна подменяться скороговоркой, — продолжал он. — Не развив до конца одного, скажем причинного, положения, нельзя перескакивать ко второму, особенно если оно является следствием первого. Точно так же и все факты нужно выстраивать и анализировать в такой очередности, чтобы уже в этом анализе содержались все элементы будущих выводов. И вообще — построение материала в докладе должно подчиняться целевой задаче: убедить слушателей в актуальности и важности данной проблемы, глубже ознакомить с ее сутью и сложностью, показать пути и способы ее решения с нескольких точек зрения и, наконец, отстоять свои предложения на этот счет. Вот ровно столько и должно быть у вас аргументов — ни меньше, ни больше — и в письменном, и в устном вариантах доклада. Вы же... —

Генерал взвесил на ладони пухлую мою рукопись, еще раз просмотрел приложения к ней, перечитал разделы плана.

— Вы же собрали здесь очень большой фактический материал, но не просеяли его, чтобы избавиться от всего лишнего, несущественного. Это — первое. Далее, в ряде мест текст у вас — сам по себе, а приложения — сами по себе. Они не «работают» на общие выводы. Это — второе. И наконец, вы докладывали материал, не вдаваясь во многие важные подробности дела. Видимо, считаете, что я, как специалист, и так вас пойму, сам все домыслю. А делать этого в научной работе тоже нельзя. Обстоятельность изложения —

основа убедительности. Учтите все это... при доработке своего доклада. Но пока что оставьте его мне, я еще проверю на досуге кое-какие цифры в таблицах. Ну а в целом — неплохо. Поздравляю, — протянул он руку на прощание.

Я вылетел из кабинета как ошпаренный. Всего мог ожидать, но такого! Форменный провал! Мало того, что не так написал, еще и доложить как следует не сумел. Ладно же, все! Даже и дорабатывать не стану. Видать, для научной работы я еще не созрел...

Однако... Даже в тот момент, переполненный горечью разочарования, я уже сознавал, что не брошу начатого на полпути. И не только потому, что жалко затраченного времени и труда. Главное в другом. В ходе разработки темы и при анализе многих данных приходилось принимать самостоятельные решения и делать нешаблонные заключения, все чаще отступая от установившихся в некоторых реферативных работах готовых схем. Сначала это давалось с трудом и быстро утомляло, поскольку требовало логических сопоставлений и известного умственного напряжения при формулировании новых выводов. Но постепенно такие моменты в работе, сопряженные с творчеством, начали увлекать. Ведь свежего взгляда, иного подхода к анализу многих фактов в докладе требовала сама жизнь: в войска в массовом масштабе поступала новая бронетанковая техника, и традиционная схема расчетов нуждалась в поправках и дополнениях.

Короче, познав вкус творчества, я не мог теперь не довести до конца работы, в которую вложил свои размышления и выкладки. Поэтому через несколько дней уже с нетерпением ожидал вызова к заместителю начальника академии — научному руководителю первой моей исследовательской разработки. За это время я хладнокровно взвесил все его замечания и понял, что Федор Мефодьевич был совершенно во всем прав. Он за несколько минут не только всесторонне оценил мой трехмесячный труд, но и высказал такие рекомендации, до которых я сам не скоро бы додумался. И нужно было благодарить случай, который свел меня с таким замечательным педагогом.

Встретились мы через неделю. Малыхин вернул рукопись, указав на некоторые ошибки в расчетах эшелонирования запасов и дорожного обеспечения. Он посоветовал также несколько перестроить план изложения материала, в соответствии с его первоначальными замечаниями. К моей тайной радости, отметил и все те места в тексте, где мне уда-

лось сказать что-то свое, похвалив за хорошую аргументацию этих положений.

— Первый блин — и не комом! — пошутил в заключение генерал.

Доклад я доработал и прочитал его вскоре на заседании кружка. От нашей учебной группы на том заседании присутствовали члены научного общества А. П. Ситников, Г. И. Карначев, Н. И. Постников и другие. Они приняли живое участие в обсуждении доклада, причем выступали отнюдь не для пустых похвал. В целом же работа была оценена достаточно высоко. Из десяти лучших докладов, обсужденных за тот год, решением научного совета две работы (мою и флотского офицера Н. И. Кобелева) было рекомендовано представить на первую конференцию слушателей военных академий, занимающихся научно-исследовательской работой, в Москву.

Конференция проходила в феврале 1951 года в Военной академии имени М. В. Фрунзе. В ней участвовали многие офицеры центральных управлений и преподаватели военных вузов столицы. С докладом удалось выступить и мне. Конференция обогатила нас новыми знаниями в области военной теории и вместе с тем приоткрыла те ее участки в вопросах тылового обеспечения войск, которые в первую очередь нуждались в научной разработке. Нам с Кобелевым было очень приятно привезти из Москвы почетные награды — грамоты «За активное участие в научной работе», подписанные Военным министром Маршалом Советского Союза А. М. Василевским.

А теперь несколько слов в оправдание. Дело в том, что я намеренно столь подробно описал все, что было связано с первой моей, еще ученической разработкой. Хотелось наглядно показать на этом примере методику подготовки таких трудов в условиях военной академии, чтобы потом уже с полным основанием дать совет офицерам — слушателям наших дней.

Смелее вступайте, товарищи, на путь научного поиска и творчески осваивайте избранную вами военную специальность! Военное дело непрерывно развивается. Оно ставит новые, все более трудные проблемы в различных областях жизни и деятельности войск. Успешно решать их ныне смогут лишь офицеры, сочетающие высокую профессиональную подготовку с аналитическим складом мышления, с развитым чувством нового, с постоянным стремлением в чем-то улучшить, усовершенствовать и учебно-воспитательный процесс в армии и на флоте, и практику содержания и эксплуа-

тации всей имеющейся военной техники, и систему материального обеспечения войск. И надо творчески искать пути к этому. Пусть сегодня лишь в малом и пока только на своем участке, но все же — улучшать, совершенствовать! А путь к такому поиску как раз и пролегает через военно-научные общества в академиях, которые дают первую практику в области научной работы.

...Время учебы приближалось к концу. Двухмесячная стажировка в войсках Ленинградского военного округа, которую мы прошли в конце третьего курса, явилась своеобразной проверкой наших знаний. Я впервые и в полном объеме должен был исполнять обязанности заместителя командира соединения по тылу: штатный заместитель, введя меня в курс дела, убыл в очередной отпуск. Моим ближайшим помощником тоже был стажер, капитан А. А. Носов, с первого дня активно включившийся в работу.

Соединением командовал боевой генерал Герой Советского Союза В. Я. Петренко. За время стажировки пришлось заниматься всем: строительством парка и ремонтом жилого фонда, заготовками овощей и стройматериалов, устройством быта личного состава в лагерях и конечно же учебой офицеров тыла. Трудностей было много, но работа доставляла удовлетворение — ты реально видел дела своих рук.

Довелось побывать и на большом тактическом учении, которым руководил генерал-полковник Г. И. Хетагуров, причем на местности, которая в общем плане была мне знакома еще со времен войны. В чем-то схожей временами была и тактическая обстановка, особенно в период отработки действий в обороне, в предвидении перехода в наступление. Только обязанности мои теперь были иного рода и масштаба. И окружающие с другой меркой подходили к оценке моих действий, не допуская никакого снисхождения по молодости или незнанию. Спрашивали сполна, строго, и я сам забывал подчас, что я всего лишь стажер.

Ставя очередные задачи, комдив всякий раз ожидал от меня инициативного подхода к делу, разумных предложений и обоснованных решений. Пришлось опять вспомнить дни войны и мобилизовать все свои знания, чтобы детальнее спланировать и организовать деятельность всех служб тыла. Действия развивались на сильно пересеченной местности, где стрелковым частям и танкистам пришлось наступать по обособленным направлениям. Это потребовало соответствующего эшелонирования и рассредоточения тыла в глубину и по фронту. Потом, при осуществлении маневра

запасами материальных средств и тыловыми подразделениями с одного участка на другой, все это полностью себя оправдало.

...Три года в стенах академии пролетели быстро. В учебных классах и лабораториях, на различных объектах тыла и в поле мы упорно постигали сложную и увлекательную военную науку, развивали командирские качества, оттачивали навыки организаторов тыла. И вот наступило время выпускных экзаменов. До мелочей помню те дни. Общие волнения и страсти, ликование или горечь в душе, в зависимости от полученной оценки. Впрочем, я почти не волновался тогда. Разве что более обостренно прочувствовал степень своей ответственности за окончательный итог учебы (экзамены-то — государственные!). Но, как говорится, выложился сполна, получил диплом с отличием и был назначен на должность заместителя начальника штаба тыла Группы советских войск в Германии.

Генерал-лейтенант М. П. Миловский, вручив дипломы, сердечно поздравил нас с окончанием академии и дал напутствие на будущее. Много теплых пожеланий высказали и другие начальники, преподаватели. Расставание с академией, ставшей для нас родной, было сердечным. Завершалась еще одна страница в наших военных биографиях...

К новому месту службы я уезжал из Ленинграда, где провел с семьей короткий отпуск. Дни пребывания в городе на Неве пролетели быстро, в радостном волнении встреч с близкими и друзьями и в круговерти хлопотливых сборов. Не выдавалось минуты, чтобы побыть одному, оглянуться назад, окинуть мысленно все пережитое здесь в годы войны. И только уже в поезде я как-то внезапно и целиком оказался вдруг во власти воспоминаний, связанных с этим городом-героем.

За вагонным окном тихо угасал неяркий теплый день. Было начало сентября, но природа словно не торопилась обозначить ту черту, за которой начинаешь зримо ощущать неотвратимость ее увядания.

Мимо медленно проплывал перрон, заполненный толпой провожающих. Я всматривался в лица незнакомых мне и таких разных внешне людей и чувствовал невольную симпатию к каждому из них, словно все мы были в кровном родстве.

«Да так оно, собственно, и есть, — мелькнула мысль. — Общая судьба — война, блокада — навсегда породнила жителей Ленинграда и его защитников. Пережитые вместе испытания сближают людей куда быстрее, чем беспечальная жизнь за долгие годы...»

Впрочем, было бы неправильным думать, что я полюбил ленинградцев исключительно по этой причине. На мой взгляд, жителям каждого города свойственна своя, особая отличительная черта (присущая им не исключительно, разумеется, а лишь в большей степени), как, скажем, одесситам — их живая общительность, а москвичам — широкое хлебосоольство. Так вот, в характере и в облике ленинградцев 40-х годов я бы выделил сразу несколько таких черт. Это, прежде всего, их гордая любовь к родному городу-красавцу, центру духовной жизни России на протяжении двух столетий ее особенно бурной истории, и конечно же городу, ставшему колыбелью Октябрьской революции, где так много повсюду связано с именем великого Ленина и с под-

вигом самих питерцев — передового отряда рабочего класса страны, первым поднявшегося на штурм самодержавия и капитализма в России. Вторая отличительная черта в характере коренного ленинградца тех лет — непоказная его доброта и благожелательность, постоянная готовность помочь не только ближнему своему, но и любому незнакомому человеку, что так ярко проявилась потом в блокадные дни Ленинграда. И наконец, особая утонченность в обращении, которую я бы назвал интеллигентностью поведения старых ленинградцев и которая, думаю, формировалась у них в атмосфере этого города-музея на протяжении многих лет.

Я видел ленинградцев в разное время и в разных жизненных обстоятельствах. Но наиболее памятли встречи в дни войны, когда прекрасный их город в силу необходимости стал городом-солдатом. В обстановке вражеской блокады, в тисках голода и холода, ленинградцы продолжали стойко бороться с ненавистным врагом, опрокидывая уже одним своим бытием все надежды гитлеровцев на возможное падение их города. Боролись даже тогда, когда, казалось, уже не оставалось ни сил, ни возможностей к этому. А когда падали от истощения или ран, то, как на передовой, их места занимали другие, и Ленинград продолжал сражаться и жить...

Блокада города при постоянных варварских обстрелах из дальнобойных орудий и авиабомбежках продолжалась 900 дней. За это время гитлеровские разбойники обрушили на него свыше 100 тыс. бомб и около 150 тыс. снарядов. Но и в этих условиях рабочие Ленинграда продолжали выпускать военную продукцию. Работая в холодных цехах, а то и под открытым небом, шатаясь от голода и истощения, они смогли изготовить и отремонтировать две тысячи танков, полторы тысячи самолетов, много боевых кораблей, тысячи орудий и минометов, десятки тысяч автоматов и пулеметов, миллионы снарядов и мин. Все это вооружение и боеприпасы немедленно доставлялись в войска. И в руках защитников города Ленина они делали его оборону несокрушимой.

Враг стремился парализовать, сломить волю ленинградцев не только к сопротивлению, но, повторяю, даже к самому существованию в таких нечеловеческих условиях. А они продолжали жить — вопреки всем лишениям и трудностям. Власти города, партийные организации делали все, даже на грани невозможного, для облегчения их участи. В самое тяжелое время зимы 1942 года продолжали бесперебойно работать хлебопекарни, часть бань и прачечных, ремонтные мастерские и парикмахерские. Вражеская осада не смогла

задушить и духовную жизнь Ленинграда. В ту тяжкую пору в городе действовали Театр музкомедии, более 20 кинотеатров, филармония, зал камерных концертов. Не закрывались и многие школы, в которых обучалось свыше 90 тыс. школьников.

Энергично боролись ленинградцы и с голодом, изыскивая любую возможность к тому, чтобы поддержать ослабевшие силы людей, пополнить рацион их питания. Веснами 1942 и 1943 годов они вскопали все пустоши в черте города и на окраинах, посадив на них овощи. Даже вокруг знаменитого Исаакиевского собора был вскрыт асфальт и возделаны огороды. Капуста, картофель, лук, морковь, фасоль, другая зелень, что росла на этих участках, помогли сохранить жизнь тысячам жителей осажденного города.

Ленинград выстоял, победил. А потом быстро залечил раны, нанесенные войной его зданиям и улицам, паркам и площадям, и опять расцвел, еще больше похорошел. Постепенно оправившись от ужаса пережитого и оставшиеся в живых ленинградцы. Но память о тех страшных девятистах днях осталась у них навсегда — в воспоминаниях о пережитых страданиях и в образах многих близких людей, так и не увидевших Дня Победы. Да разве и можно когда-нибудь забыть такое? И тех, кто принес к стенам их города смерть всему живущему в нем?

Вот и сейчас, всего полчаса назад, меня провожал один из старых моих знакомых-ленинградцев. Война, блокада наложили на весь его облик свой неизгладимый след, до времени состарив этого некогда очень сильного телом и духом человека. Я с трудом узнал его в первую минуту нашей встречи — мы не виделись с самой войны. Неизменными остались, пожалуй, лишь добрая, словно бы смущенная его улыбка да манера говорить, чуть растягивая слова.

— Значит, в Берлин? — повторял он, не выпуская моих руки из своей. — В бывшее «логово»... О, сколько раз в те длинные, холодные, бессонные ночи я представлял себе, как наши советские солдаты в конце концов придут от стен измученного Ленинграда в их поверженный Берлин. Нет-нет! Вы не подумайте, что это пришло мне в голову потом, в конце войны. Я и тогда, в зиму сорок второго, действительно верил в это. Иначе не оставалось ни сил, ни смысла цепляться за угасавшую жизнь... Именно эта мысль и эта вера поддерживали меня в самые ужасные дни блокады. Давали силу подниматься по утрам и брести пешком через вымирающий город на наш ремонтный завод. Кстати, именно в те дни мы там и познакомились с вами. Помните?

Он помолчал, словно потерял нить в мыслях, но руки моей не выпускал.

— Да конечно помните... Мы всё помним. И они должны помнить! И то, что в апреле сорок пятого мы действительно вошли в их Берлин. Но не мстить за все, содеянное в Ленинграде и в тысячах других городов, куда ступал сапог фашиста. Берлин еще горел, а наши солдаты — я читал, я знаю — уже кормили их женщин, стариков, детей — их детей! — из своих солдатских пайков. Так скажите им, скажите...

Голос его прервался. Он перевел дыхание, стиснул напоследок мою руку и, не оглядываясь, лишь еще больше сутулясь, быстро зашагал по перрону на выход в город. И я не стал его удерживать: у этого очень сдержанного по натуре человека, технолога одного из ленинградских заводов, блокада в течение первой же зимы унесла всю его семью, включая двух ребятишек-погодков. А сам он в то время с ремонтной бригадой находился в Невской Дубровке.

...За окнами вагона давно уже проплывали поля и перелески, тускло мигали огнями редкие деревеньки на пригорках, мелькали, как в кинокадрах, одиночные постройки вблизи. Время и руки человеческие уже сгладили, залечили многие раны, нанесенные войной. Но нет-нет да и бросались в глаза последние мрачные ее следы по сторонам: то разрушенная водонапорная башня у полустанка, то искореженные пролеты моста, сброшенные с опор в реку страшной силой взрыва, то ровные, окаймленные бурьяном квадраты земли на месте дотла сожженных домов. Поезд шел и шел, убегая от подступавшей ночи, а таких отметин становилось все больше...

Да, война безжалостно искромсала и землю, и привычный быт миллионов людей, и сами их судьбы. С лихвой выпало всего самого тяжелого и на плечи моего поколения. Ведь мы лицом к лицу встретили войну почти юнцами. И сразу прошли через такие испытания, что после них в душе уже не должно было оставаться иных чувств, кроме неукротимой ненависти к врагу.

Война заставила нас впервые по-настоящему задуматься над извечными вопросами о смысле человеческой жизни и ее истинной ценности. Под грохот взрывов и стоны раненых мы до конца поняли сокровенный смысл таких вроде бы хрестоматийных понятий, как долг и честь, любовь и совесть, дружба и Отчизна. Она заставила нас по-иному взглянуть на

окружающий мир и вдруг понять, что он по-прежнему прочен и вместе с тем ускользающе зыбок. В одно мгновение все ликование солнечного дня, напоенного запахами разнотравья, может вдруг навсегда кануть в черный мрак небытия, и твой самый близкий товарищ, умолкнув на полуслове, обагрят каплями своей крови белоснежный венчик ромашки, выросшей на том лугу...

Память, память... Советский солдат, прошагавший с боями «пол-Европы, пол-Земли», изведал в те годы такое, чего и в малой доле не испытать иным, проживи они хоть десять своих жизней! Война конечно же накладывает тяжкий отпечаток на души и характеры людей. Пройдя через реки горя и страданий, изменились и мы, фронтовики. Но не огрубели и не ожесточились, нет. В этом я убедился воочию уже через двое суток, когда наш поезд, миновав растерзанную Белоруссию и обожженную войной Польшу, медленно потащился вдоль аккуратных и красочных, словно на театральных декорациях, немецких городков. Перед глазами проплывали островерхие кирпичные дома под красной черепицей, уютные дворики, огороженные заборчиками, ровные, обсаженные кустами дорожки; вдали четко рисовались на светлом фоне неба, словно игрушечные, кирхи, мелькали отягощенные плодами фруктовые деревья вдоль дорог. И так — на сколько хватает глаз. По обе стороны от железной дороги. Все — убереженное от разрушения и огня не столько волею военного случая, сколько разумом и благородством советского солдата, прошагавшего здесь, по земле поверженного врага, во имя утверждения справедливости, но не жажды мести...

В Германии не было Хатыни. Как не было и сожженных от бессильной ярости завоевателей дворцовых ансамблей, домов-музеев великих писателей, художников и музыкантов, безвинно замученных и загубленных сотен тысяч мирных людей. История узнала совсем иные примеры поведения победителей, нежели те, что являли миру гитлеровские вандалы, готовившиеся по приказу фюрера уничтожить славянские народы и сровнять с землей Ленинград и Москву. Один из таких примеров особенно символичен. Именно советские воины, рискуя жизнью, спасли от гибели бесценные сокровища Дрезденской картинной галереи, чтобы потом вернуть истинным хозяевам — трудящимся ГДР.

Нет, мы не были жестокими! А с завершением войны даже стали отходчивее душой, отзывчивее на чужую боль. Но вместе с тем — и мудрее. Мудрее памятью людей, познавших все вероломство и беспощадность иноземных разбойни-

ков, пытавшихся силой отнять у нас свободу, Родину и все, что стоит за нею и так дорого каждому советскому человеку! Мудрее умом солдата, вынесшего на себе основную тяжесть борьбы с фашистским чудовищем, освободившего от него народы многих стран и вставшего опять с оружием в руках на свой пост, чтобы война никогда не повторилась вновь...

В ту ночь я так и не уснул. Перед глазами, чередой сменяя одна другую, мелькали картины военных лет. А в голову неотвязно лезли мысли о том, что вторая мировая война окончилась всего шесть лет назад, а из-за океана уже потянуло ветром новой, пока еще, правда, «холодной войны». Моя земля, моя Отчизна еще не успела залечить старые раны руками все тех же солдат, сменивших гимнастерки на рабочую робу, а уже появились факельщики новой войны и новые претенденты на мировое господство угрожают нам атомной бомбой! Но ничего! Пусть попробуют! Итоги минувшей войны кое-чему научили и господ империалистов. Они знают, что мы не из пугливых. Что мы сейчас намного сильнее, чем в том, сорок первом. И что мы теперь не одни — у нас появились верные друзья и союзники в лице стран народной демократии. И не символичен ли сам тот факт, что одной из них два года назад стала Германская Демократическая Республика, родившаяся на развалинах фашистского рейха, развязавшего вторую мировую войну в стремлении поставить на колени весь мир? И что именно она стала передовым бастионом мира, преграждающим путь на Восток силам новой агрессии?

«И хорошо, — подумал я под конец, — что мне выпало продолжать свою службу именно здесь, на передовом рубеже противостояния двух сил. Война в Европе закончилась в мае сорок пятого. Но борьба за мир на планете все еще продолжается. И мы, советские солдаты, по-прежнему в строю».

...На железнодорожном вокзале меня, к великому облегчению, встретил однокурсник по академии полковник Н. И. Постников, приехавший в ГСВГ несколькими днями раньше. Он и подвез сначала в гостиницу, а затем в штаб Группы войск, где сразу представил начальнику штаба тыла полковнику И. И. Савичу. Тот, долго не спрашивая, повел меня к заместителю главкома — начальнику тыла Н. П. Анисимову.

В кабинете я увидел за столом моложавого, с сединой на висках генерал-лейтенанта, быстро просматривавшего бумаги в толстых папках.

«Похоже, отсутствовал много дней, если накопилось столько бумаг», — машинально подумал я.

Генерал вышел из-за стола и, не дожидаясь окончания рапорта, крепко пожал руку, поздравив с новым назначением и прибытием к месту службы.

Полковник Савич заранее предупредил, что Николай Петрович при первой встрече обычно интересуется больше личными делами новичка и никаких служебных задач не ставит, предпочитая вводить в курс дела исподволь. И я приготовился отвечать именно на такие вопросы. Но, видимо, в тот раз генерал решил сделать исключение из правил. Спросил лишь, сколько мне лет, и, узнав, что скоро тридцать, одобрительно кивнул головой:

— Это хорошо, что молодежь идет на смену ветеранам. И время есть подучиться, и энергии не занимать, и интерес к делу живой. Надеюсь, с размещением все нормально? — полуутвердительно спросил он. — Тогда...

В этот момент зазвонил телефон, и генерал поднял трубку.

— План подготовки к зиме? — переспросил он. — Если возможно, товарищ главнокомандующий, то мы просили бы рассмотреть его на Военном совете уже в следующий понедельник. Да, у нас все готово. Представим на обсуждение в указанный срок. — Видите? — обратился ко мне Анисимов. — Зима еще не скоро, а главком уже беспокоится о том, что делается в войсках, чтобы морозы и снега не застали врасплох. Вам тоже придется заниматься этим вплотную. И вообще часто бывать в войсках, оказывать помощь командирам и начальникам служб тыла. Поди, соскучились в академии по живому делу? — улыбнулся он.

— Скучал, это верно, — подтвердил я.

— Наш круговорот захватит с головой, — уже серьезно продолжал Николай Петрович. — В нашей работе мелочей нет. К тому же здесь не так-то легко организовать жизнь войск. Они размещены по многим военным городкам, частично разрушенным и не совсем пока благоустроенным. Ведь мы в основном используем лишь тот жилой и казарменный фонд, который не представляет особой ценности для народного хозяйства республики, — пояснил он. — Трудностей хватает, но, сами понимаете, без хорошо налаженного тыла, четкого уставного быта нельзя добиться ни продуктивной учебы, ни высокой боеготовности войск. Это — аксиома! К сожалению, она не всегда воспринимается в частях как таковая. Даже сейчас, в преддверии зимы, кое-где проявляется непростительная медлительность и халатность. Ссыла-

ются на то, что здесь зима-де не такая суровая. А ведь погода и тут часто меняется...

Оборвав себя на полуфразе и прохаживаясь вдоль стола, генерал уже добрее произнес:

— Но ничего. И нам не впервые браться за такие дела, и люди у нас в большинстве своем — старательные. Им только подскажи, как и что делать. Впрочем, инициативы тоже хватает. Вот, — указал он на журнальный столик. — Групповая газета «Советская Армия» пишет о почине сержанта Тернова: производить мелкий ремонт обмундирования своими силами в подразделениях. Ведь обращаться с каждой мелочью в мастерские — набегаешься. А солдат хочет выглядеть всегда подтянутым, аккуратным. Кроме того, в этом почине есть и чисто воспитательный фактор: «Сделал сам, а всем любо!» Вроде бы факт незначительный. А представьте, если такое начинание подхватят все армейские коллективы?! Это же здорово!

...Боюсь, что ныне кое-кому из читателей такая реакция начальника тыла на инициативу сержанта может показаться чрезмерной. Подумаешь, мол, большое дело — латки на брюки ставить прямо в роте. Но тогда, в послевоенное скудное время, когда каждый рубль у государства был на счету, подобная рачительность очень ценилась. И я хорошо понимал генерала, разделял и его признательность рядовым войнам, относившимся по-хозяйски к сохранению военного имущества.

А генерал Анисимов уже повел речь о ближайших задачах. В частности, о необходимости спланировать новый учебный год для тыловых подразделений таким образом, чтобы они отрабатывали больше задач практического характера в поле. Попутно указал на недостатки в работе некоторых штабов и офицеров, в частности на упущения в организации централизованного подвоза и экономии материальных средств.

— Вам, как заместителю начальника штаба тыла, — подчеркнул генерал, — при работе в частях надо смелее принимать самостоятельные решения и по этим вопросам, не ждать подсказки сверху...

В эту минуту на световом табло, смонтированном на стене кабинета, неожиданно замигали огненные буквы: «Учебная тревога!», «Учебная тревога!».

— Ну вот и сигнал на выезд в поле! — спокойно заключил нашу беседу начальник тыла и поднялся из-за стола. — Всех начальников отделов и служб — ко мне! — приказал он Савичу.

Через несколько минут все были в сборе. Проверив экипировку, Анисимов сам объявил офицерам порядок следования в район, назначенный для управления тыла, а мне предложил ехать вместе с ним. Сев в газик рядом с водителем, он указал ему направление движения, назвав конечный пункт, мне протянул карту:

— Надеюсь, топографию в академии не забыли? Попрошу следить за маршрутом.

Развернув карту, я попытался на ходу сориентироваться — вдруг потребуется уточнить какой-то участок пути, отыскать объезд. Однако сосредоточиться не мог. Уж очень неожиданным был сигнал тревоги. Впрочем, подсказывать дорогу и не потребовалось: водитель был опытный. А карту мне, видимо, дали совсем с иной целью: чтобы немножко ознакомился с местностью, а заодно пришел в себя.

На опушке леса газик остановился. Вместе с нами из него вышел еще один офицер штаба тыла, просидевший всю дорогу молча рядом со мной, капитан Хохлов.

— Сориентируйтесь на местности и подготовьте предложения по размещению тылового пункта управления, — приказал мне Анисимов. — Примерно через час, — глянул он на свой хронометр, — сюда прибудет штаб тыла. Организуйте его развертывание.

Генерал вернулся к машине и стал что-то набрасывать в блокноте. Я же остался на опушке леса, не зная ни оперативной обстановки, ни состава пункта управления. Вот положеньице! Хуже, чем на госэкзаменах по тактике! Там хоть обстановка в основном ясна и исходные данные по задаче имеются. Что ж, надо сдавать и этот экзамен — проверку жизнью...

Взяв себя в руки, я начал вспоминать все, что знал о размещении пунктов управления. Развернув карту, первым делом простым карандашом (к счастью, хоть он оказался в кармане) обозначил на ней в границах леса район возможного размещения ТПУ. Затем пометил места для всех отделов и служб штаба и средств связи, разграфил таблицу для подсчета личного состава и транспорта, прикинул соображения по обороне и охране района размещения.

Минут через тридцать подошел Анисимов. Глянув на карту, одобрительно покивал головой и тут же вытащил из полевой сумки коробку цветных карандашей:

— Если не возражаете, немного подправим вот здесь и здесь...

Он быстро поменял местами некоторые службы, наметил новое место для узла связи. Это в корне меняло всю диспо-

зицию, по такое расположение ТПУ было более компактным.

— Теперь проработайте все элементы пункта, — подсказал генерал. — Возьмите карандаши, я их дарю, — дипломатично намекнул он на мою оплошность («Ну и что, что прямо с поезда? Полевая сумка с принадлежностями для работы в поле у штабного офицера всегда должна быть при себе!»). — А теперь я вас покину. О развертывании ТПУ доложите мне по радио. Желаю успеха!

Анисимов уехал на командный пункт главкома для получения указаний по тылу. А я остался наедине со своими растерянными мыслями. Час от часу не легче! Людей не знаю. План боевой готовности в глаза не видел. Неизвестно даже, есть ли радиосредства в прибывающей колонне. Я вспомнил слова Савича о том, что обычно Анисимов загружает новичков постепенно, дает им осмотреться. О себе я бы этого не сказал... Говорят, вот так учат иногда плавать. Столкнут человека в воду и смотрят, как он барахтается. Выберется из воды, — значит, все, научился! А если...

Думать о том, что будет, если я не справлюсь с заданием, причем на глазах у офицеров управления тыла Группы войск, было страшновато, и я гнал эти мысли прочь. Нет, утонуть... то бишь осрамиться, я не имел права! Ведь по моим действиям будут судить о подготовке выпускников академии тыла вообще. Так могу ли я раскисать, сидя здесь на пеньке, да еще в присутствии одного из подчиненных? Кстати, где же Хохлов?

Капитан, переминаясь с ноги на ногу, стоял за моей спиной.

— Скажите, — с надеждой спросил я, — когда в последний раз ТПУ развертывался в этом лесу?

— Да я сам здесь впервые...

— А давно служите в штабе?

— Всего неделю, — с виноватым видом сказал Хохлов.

Н-да, ждать от него помощи напрасно. В эту минуту из ложины донесся рокот мотора и показался газик. Из него вышли трое офицеров. Передний, с любопытством глянув на меня, отрекомендовался:

— Подполковник Перегудов! Старший рекогносцировочной группы от штаба тыла. А вы, простите, кто будете? — спросил он.

На совещании у Анисимова Перегудов не был и о моем прибытии в штаб не знал. Назвав себя, я задал офицерам ряд вопросов. Оказалось, что из нас пятерых старожилom

можно было считать лишь Перегудова—второй год в штабе. Но и это меня обрадовало — хоть один бывалый человек!

— Прежде всего надо осмотреть весь этот район и подтвердить пригодность выбранных мест для основных элементов ТПУ, — показывая свои наметки, тотчас приступил я к делу. — Времени в обрез.

Перегудов хотел что-то возразить: как-никак за рекогносцировку отвечал он лично. Однако, глянув на карту, он, видимо, признал в ней анисимовскую и понял, с чьего ведома я тут распоряжаюсь. Мы быстро договорились о порядке работы и разошлись в разные стороны, чтобы встретиться потом на этом же месте. Потребовалось не более четверти часа, чтобы оценить все плюсы и минусы выбранного района, наметить удобные подъезды к лесу, прикинуть общую его емкость, уточнить места стоянок машин и т. п.

Едва обе наши группы вновь собрались на опушке, как в лес начала втягиваться длинная колонна штабных машин. Когда последняя из них укрылась под густым деревом, я вызвал к себе старшего колонны. Им оказался Н. И. Постников. Уточнив, сколько всего прибыло людей и машин, я попросил его накоротке собрать у меня руководящий состав, что Николай Иванович мигом и сделал. Вновь пришлось представляться собравшимся (в отличие от всех офицеров, одетых в полевую форму, я один ходил по лесу в повседневной, ловя на себе удивленные взгляды окружающих). Лишь после этого мои распоряжения о местах и порядке расположения отделов и служб были восприняты как должное. Вскоре лес наполнился гулом моторов и эхом команд.

Подошло время докладывать Анисимову. Я попросил связистов разыскать его на КП руководителя учения. Однако или связисты что-то напутали, или Анисимов как раз находился у главкома, но неожиданно в трубке слышался незнакомый властный голос.

— Докладывайте! — приказал он, и тут я догадался, что трубку взял сам главнокомандующий — генерал армии В. И. Чуйков!

Растерявшись, я доложил свое звание, должность и добавил, что — «слушаю».

— Нет, это я вас слушаю! — возразил руководитель учения. — Потрудитесь доложить, где и какие подразделения и части тыла располагаются и время их готовности к практическому выполнению задач!

Я попытался было пояснить ситуацию, сказать, что та-

кими сведениями пока не располагаю. Но генерал армии прервал меня:

— Так разберитесь! И через час доложите о возможностях тыла по обеспечению войск.

«Везет же мне! — с горечью подумал я, выходя из аппаратной. — На самого главкома наткнулся! Но как выполнить его приказ? Служба на ТПУ пока не организована, даже дежурного нет. Связь с тыловыми частями не установлена, попробуй собери нужную информацию. Может, еще раз опросить начальников отделов и служб? Должны же у них быть какие-то сведения?»

И тут опять выручил Постников. Словно подслушав мои мысли, он направил ко мне только что прибывшего подполковника П. А. Глушаева. Внезапно появившись у входа в палатку, он сразу же доложил, что прибыл с необходимыми материалами из группы разработчиков учения. Моя радость была полной, когда вслед за тем Глушаев достал из пухлого портфеля карту, учебное задание и все приложения к нему.

Быстро просматривая документы, я холодел от их обилия. Взгляд метался с группировки «противника», обозначенного синим цветом, на свои войска, нанесенные красным, скользил по колонкам цифр, пояснявшим состав сил и последовательность действий. А где же тыловые части и подразделения? Ага, вот они, здесь и здесь... Так, прикинем их вероятные маршруты выдвижения. А теперь их возможности по запасам и транспорту. Пока знакомился с обстановкой, тридцать минут пролетели как одна, а к докладу В. И. Чуйкову я еще не был готов. Ведь надо было не только обобщить все данные, но и проанализировать возможности тыла по различным видам обеспечения, с учетом задач войск.

К счастью, в этот момент подъехал генерал Анисимов. Он привез предварительное решение руководителя учения на организацию боевых действий и не мешкая собрал всех начальников отделов и служб в специально оборудованном штабном автобусе. Я передал ему приказание главкома, на что генерал ответил, что получил от него самую небольшую отсрочку для доклада. Ознакомив собравшихся с оперативной обстановкой и полученной задачей, Анисимов объявил, что через полтора часа заслушает предложения и расчеты каждого по тыловому обеспечению наших частей, изготовившихся к отражению «противника».

— Кстати, товарищ Голушко, — глянул он на меня, — в связи с убытием полковника Савича в распоряжение глав-

кома вы будете в дальнейшем выполнять на учении обязанности начальника штаба тыла.

Заметив, видимо, мое замешательство, Николай Петрович решил успокоить меня. Едва мы остались одни, он посоветовал прежде всего завершить развертывание штаба.

— Наладьте устойчивую связь с тыловыми подразделениями и частями. Лучше устройте людей на ТПУ. А предварительные расчеты по обеспечению войск я доложу главному сам, — сказал он и, достав свой неизменный блокнот, направился на узел связи.

Отдав первые указания по дооборудованию ТПУ, я с помощью Глушаева начал готовить срочные распоряжения по таким вопросам, как подвоз и пополнение запасов в войсках, выдвижение к ним некоторых подразделений тыла и другие. Работа шла споро, хотя поминутно отрывали телефонные трели: то спрашивали кого-то из начальников служб, то требовали машин для подвоза боеприпасов, то давали какие-то указания или что-то уточняли сами...

Стараясь быстрее вникать в дело, я понимал, как много еще будет на этом учении нового и трудного. Даже в масштабе соединения и в тех вопросах, которые мы достаточно основательно изучали в академии, здесь многое выглядело иначе. Не так линейно размещались боевые части. Меньше было приданных сил и средств при меньшей численности самих тыловых подразделений. Дальше один от другого отстояли склады. Не такой густой, как в учебных заданиях, была и сеть дорог. Приходилось учитывать все это, вносить коррективы в расчеты и постоянно помнить о том, что речь идет об обеспечении вполне реальных войск, помеченных на карте отнюдь не абстрактными номерами.

Вскоре зашел в палатку Анисимов. Я показал предварительное распоряжение автомобильным подразделениям на подвоз материальных средств, а также почти готовый календарный план подготовки тыла. За двумя соседними столами офицеры наносили обстановку на большую карту, сверяясь с учебным заданием.

— Все разумно, никаких замечаний пока нет, — произнес Николай Петрович, ознакомившись с проектами документов. — Как только закончите их — сразу мне на доклад.

Уже повернувшись к выходу, он помедлил мгновение, затем кратко пояснил, почему поторапливает нас. Смысл его слов соответствовал моим мыслям. А именно, что в отличие от других управлений, которые, как правило, действуют на командно-штабных учениях в основном на картах, штабы и службы тыла должны осуществлять еще и реаль-

ное обеспечение частей, привлекаемых на учения. А войскам для их нормальной жизнедеятельности в поле требуется многое: продовольствие и горючее, вещевое имущество и учебные боеприпасы, медикаменты и палатки. Чуть промедлишь с доставкой чего-то — и поставишь под угрозу срыва выполнение тщательно спланированных задач боевой учебы.

...Так началась моя практическая деятельность в войсках. Я словно перенесся на несколько лет назад и снова очутился на войне, в напряженной атмосфере большого, чутко реагирующего на все изменения в обстановке штаба. Правда, теперь приходилось решать иные, более объемные задачи, причем в условиях, когда над головой не свистят пули и осколки. Однако психологическое, да и физическое, напряжение было почти не меньшим, а постоянные подстегивания сверху оказывали иной раз такое же воздействие, как внезапный артоналет (без его трагичных последствий, разумеется). Короче, на учении, как на войне, все помыслы подчинены одному — любой ценой выполнить полученный приказ.

Постепенно, вместе с новыми обязанностями, расширялся круг людей, с которыми приходилось встречаться в ходе работы. В один из дней я впервые побывал на КП главкома. Нас с Анисимовым вызвали туда на заслушивание решений начальников родов войск и служб. По дороге Николай Петрович предупредил, что, возможно, руководитель пожелает заслушать и меня как исполняющего обязанности начальника штаба тыла.

— Знаю генерала армии еще с фронта, — пояснил Анисимов. — Под Сталинградом вместе воевали. До тонкостей вникает в компетенцию любого специалиста. Не терпит верхоглядства и приблизительных ответов. В общем — будьте готовы доложить свои соображения по тыловому обеспечению войск.

Оставшуюся часть пути я попытался предугадать возможные вопросы главкома и восстанавливал в памяти все наши проработки на этот счет. И чувствовал, что Анисимов тоже переживает за исход доклада. По его осунувшемуся лицу было видно, что он давно работает без сна и отдыха. Такой уж человек: дает задание подчиненному, а сам прикидывает, как его лучше исполнить...

В ночь перед тем Анисимов поручил мне продумать порядок развертывания тыла наших войск в ходе предполагаемого контрудара. Когда в 4.00 я прибыл с проектами документов, то увидел его над картой, сплошь испещренной

цветными пометками. Пока докладывал свои соображения и выводы, генерал о чем-то напряженно размышлял, видимо сопоставляя свои мысли и выкладки с моими. Столь же внимательно заслушал он и начальников служб — дорожной, горючего, продовольственной, медицинской и других, вызывая их поочередно в штабной автобус. Наконец опять придвинул к себе карту и четко, по пунктам, стал доводить до нас свое решение, аргументируя каждый вывод. Последнее делалось с двойной целью: чтобы подчиненные не только глубже уяснили его решение, но и убедились в том, что оно более целесообразно, чем высказанные до этого.

Так, генерал решил заблаговременно выдвинуть поближе к рубежу ввода в бой транспорты с боеприпасами и горючим, потребными для подходявших частей, хотя начальники этих служб предлагали восполнять их запасы исключительно со складов, размещенных в глубине нашей обороны. Надо сказать, такое решение Анисимова было сопряжено с определенным риском. Требовалось безошибочно предугадать всю картину предстоящих действий войск, с учетом многих, скрытых до поры факторов, определяющих исход оборонительного сражения. Ведь «противник» в любой момент мог сорвать все наши планы, опередить с началом действий и захватить выдвинутые вперед запасы материальных средств. Словом, надо было всесторонне оценить все нюансы оперативной обстановки, взвесить силы сторон, вникнуть в решение главкома. К чести Анисимова, он сумел в ту ночь правильно предугадать и район сосредоточения основных наших сил, и направление их удара, и все потребности войск. Этому дару ясновидения, основанному на богатом опыте, знаниях и интуиции, можно было только позавидовать.

Следуя теперь в машине на КП руководства, я тоже старался вот так, по-анисимовски, нарисовать сценарий предстоящего заслушивания. Мысленно еще раз прикинул сроки выдвижения и развертывания сил и средств тыла, предназначенных для ввода в бой подходявших резервов, продумал варианты их использования. Перебрал в уме и другие вопросы, за которые теперь отвечал как начальник штаба, например, по организации управления всеми элементами тыла и, в частности, системы связи.

Через десять минут после прибытия нас вызвали в большую палатку, где собралось все руководство КШУ. Развесив на стойках привезенные с собой карты, Анисимов приготовился дать необходимые справки. Однако В. И. Чуйков сам начал сосредоточенно изучать по этим картам нанесен-

ную на них обстановку. Покончив с этим, он неожиданно повернулся в мою сторону и сказал:

— Вот вы, товарищ полковник! Доложите-ка нам, как обеспечены войска первого эшелона? В частности, все ли воины получили сегодня горячую пищу?

«Сразил наповал! — мелькнуло в голове. — Кажись, был готов ответить на любой вопрос по тылу... кроме этого. Вот тебе и «предвидение»!»

Собравшись с духом, я начал было докладывать о суточной даче военнослужащих, исходя из установленных норм питания (я знал их наперечет), но генерал армии остановил меня:

— Я хотел бы услышать о том, какие реально взяты частями запасы продовольствия в поле, на сколько суток они рассчитаны и как практически питается личный состав?

К большому своему огорчению, ответить на эти вопросы я не мог, поскольку с самого начала целиком положился в них на начальника продслужбы, толкового и энергичного офицера. Теперь же, в его отсутствие, не у кого было даже навести необходимые справки. Странно, но главком словно заранее ожидал именно такого результата. Не повышая голоса, он попросил затем уточнить обеспеченность частей в реально вывезенных боеприпасах начальника артвооружения. Тот тоже не смог сделать этого, хотя прямо-таки с энциклопедической точностью доложил, сколько их положено иметь по номенклатурам и в расчетно-снабженческих единицах в каждой части.

Почти такая же картина повторилась и при докладах о действительном наличии в войсках горючего и инженерного имущества. Не выказывая своего раздражения, генерал армии приказал Анисимову собрать всех начальников служб в соседней палатке, разобраться по существу и через два часа доложить ему «без всяких художественных домыслов». Конечно, чтобы в деталях все уточнить и подсчитать, этого времени было маловато. Но приказ есть приказ, тем более — главкома.

Когда мы снова были вызваны к В. И. Чуйкову, то на все его вопросы Анисимов смог уже ответить достаточно определенно. И эти сведения, видимо, удовлетворили руководителя КШУ.

— Что ж, воевать можно. Солдат сыт. Танки в срок получают горючее, артиллерия — снаряды. Саперы в состоянии навести переправы, — подытожил главком. — Что касается норм, «положенных» войскам, — кольнул он нас намеком, — то их я и сам прекрасно знаю, да жаль, что они

не всегда есть в наличии. Если бы мы с первых дней минувшей войны всегда командовали полнокровными, обеспеченными по всей норме дивизиями и армиями, нам не пришлось бы отходить до Сталинграда, — в раздумье заключил он. — Ну ладно. А теперь попрошу вас, товарищ генерал-лейтенант, доложить ваше решение по тыловому обеспечению войск, нацеленных на контрудар.

Анисимов подошел к карте и в течение двадцати минут блестяще изложил идею развертывания тыла в предвидении активных действий наших войск. При этом основное внимание сосредоточил на создании резерва боеприпасов и горючего и на обосновании расчетов по их выдвиганию на автотранспорте. Главком выслушал его соображения с видимым интересом и даже похвалил Анисимова за глубокое уяснение задачи, творческую оценку обстановки и соответствие намеченных мероприятий по тылу оперативному замыслу командования.

После этого мы сразу выехали на свой ТПУ. Анисимов был доволен финалом событий, успокаивал и меня. Со временем, мол, врасчете в должность, наберетесь опыта и подобной оплошности не допустите. И хорошо, что так вот сразу подключились под большую нагрузку, быстрее «обкачаетесь».

— Важен не только опыт сам по себе, — размышлял он вслух, — но и способность человека извлекать из него уроки. Для этого надо самому пройти через многие непредвиденные ситуации. Чужой опыт, подсказка тут не всегда годятся. Я это к чему? Поначалу и сам колебался, брать ли вас на эти учения. Жалел. Трое суток вы сюда добирались, а в вагоне какой сон. Да и в гостинице еще чемодан не успели, поди, распаковать, как сразу — в штаб?

— Угадали! — засмеялся я. — Сразу в штаб.

— Ну вот, — понимающе кивнул Николай Петрович. — Все же в последнюю минуту решил: а может, так вот, с ходу, и надо подключать молодежь к службе воинской здесь, на переднем крае? И теперь на вашем примере убедился, что именно так и следует делать. А за битого двух небитых дают! — закончил он разговор.

Молчал и я, тронутый этим признанием своего человеческого начальника...

В ходе учения нас еще дважды вызывал к себе В. И. Чуйков. Один раз докладывал Н. П. Анисимов — о перемещении складов и запасов горючего для обеспечения маневренных действий наших войск, в другой раз я — по организации комендантской службы на военно-автомобильных до-

рогах и управлению перемещением тыловых частей. Все обошлось, в общем-то, благополучно, хотя мне пришлось ответить и на многие уточняющие вопросы главкома по тактико-техническим данным дорожного оборудования и средств связи.

Довелось присутствовать и на общих докладах по обстановке, и на заслушивании решений по организации действий на заключительном этапе. С большим интересом слушал выступления прославленных танкистов дважды Героя Советского Союза генерала В. С. Архипова, Героя Советского Союза генерала А. Х. Бабаджаняна, известных общевойсковых командиров. Чувствовалось, что и сам главком очень их уважал и с их предложениями считался, хотя и уточнял всякий раз многие детали этих предложений. Большею частью его внезапные вопросы касались анализа предлагаемых решений с точки зрения опыта минувшей войны. И не случайно. Ведь КШУ проводилось как раз на той местности, где всего лишь несколько лет назад свершилась грандиозная Берлинская операция советских войск. Причем многие из командиров, а в первую очередь сам В. И. Чуйков, были ее непосредственными и активными участниками.

Чувствовалось вместе с тем, что руководитель учения смотрит не только в прошлое. В расчет постоянно бралась и беспокойная международная обстановка, воинственная политика заправил блока НАТО. Армии этих государств уже в те годы проводили много учений в Западной Европе с отработкой наступательных действий большими массами войск и с «применением» атомного оружия. Естественно, это заставляло и нас предметнее отрабатывать способы отражения ударов возможного агрессора.

Заключал заслушивание командиров начальник штаба руководства КШУ генерал-полковник С. П. Иванов. Обобщив выводы из обстановки, он доложил о группировке войск «противника», его замыслах и способах ведения наступательных действий с нанесением глубоких ударов авиацией. Затем сделал выводы о возможных наших контрмерах для срыва наступления и последующего разгрома «противника» путем рассеяния его основных группировок и последовательного завоевания господства в воздухе. Как, видимо, и многие из присутствовавших, я слушал доклад Иванова, стараясь не пропустить ни слова. И передо мною почти зримо разворачивалась огромная по масштабам и сложности картина боевых действий двух сторон, из которой явственно угадывались две в корне противоположные военные ко-

цепции. Одна из них строилась на планах агрессии и атомного шантажа, на стремлении силой оружия вернуть позиции, утраченные империализмом в ходе минувшей войны и послевоенных событий в Европе. Вторая же стратегия обосновывалась интересами защиты социалистических государств от военных авантур с Запада и необходимостью в любой момент дать сокрушительный отпор агрессорам. В целом это была великолепная в своем роде лекция по оперативному искусству, в которой чисто военные вопросы излагались в органической связи с политическими целями двух противостоящих друг другу коалиций. Причем лично я тогда, кажется, впервые понял, что и о таких вещах можно говорить столь конкретно, доходчиво и просто. В перерыве услышал, как лестно отзывались о таком редком умении Семена Павловича и другие офицеры.

Генерала С. П. Иванова весьма уважали в Группе войск, хотя... и побаивались. При докладах он требовал исключительной точности, особенно по данным, характеризующим обстановку на местах, а также глубокого знания военного дела вообще и своей специальности в особенности. Сам он знал штабную службу, как никто. Вместе с тем очень ценилась его готовность всегда помочь подчиненным офицерам, независимо от степени своей занятости. С одним и тем же вопросом дважды к нему не ходили никогда: все уточнялось, согласовывалось, исправлялось сразу же.

Мне неоднократно приходилось потом встречаться с С. П. Ивановым по службе. И всякий раз я ловил себя на мысли, что многому учусь у этого одаренного и трудолюбивого человека и хотел бы хоть в чем-то походить на него в стиле работы. Емкая память, лаконизм в словах и документах, умение быстро схватывать суть любого вопроса, широта взгляда на проблемы при внимании к мелочам — вот далеко не полный перечень тех достоинств штабиста, которыми в полной мере обладал Семен Павлович.

...Завершались последние сутки КШУ. Его участники, несколько освободившись от груза забот, теперь пытались как бы со стороны оценить свою работу, выделить в ней удачи и промахи, чтобы выставить себе беспристрастный балл. Но своя оценка — это своя, а руководству, как говорится, все и всегда виднее. Потому-то и ждали общего разбора с волнением в душе.

И вот сидим в переполненном зале Дома офицеров и без гордости слушаем похвалы в адрес тыла, который, по мнению руководителя учения, достаточно успешно справился со своими задачами. Однако погордиться пришлось не-

долго. После общего разбора свой, частный, сделал Н. П. Анисимов. Напомнив общий оперативный фон учения, он в деталях раскрыл все стороны работы штаба и служб тыла. И тут меня вновь поразило, насколько глубоко и всесторонне знал он на память оперативную обстановку и состояние тыла на каждый день и этап учения. Когда же переходил к анализу наших решений (с показом на карте и подтверждением в цифрах), то несостоятельность некоторых из них выявлялась столь очевидно, что всем становилось неловко за явные промахи. Но генерал не возмущался, а делал упор на то, как надо было поступить в той или иной ситуации. Такой частный разбор мог дать — и давал — специалистам тыла несравненно больше полезных сведений, чем их можно было почерпнуть из некоторых официальных инструкций.

В заключение Анисимов оценил работу штаба в поле. Выдержав паузу, он сказал:

— В целом штаб функционировал достаточно эффективно — оценка главкома беспристрастна. Но за выход штабной колонны в район учения и развертывание ТПУ можно поставить лишь «удовлетворительно». Марш прошел недостаточно организованно, установленные скорости не выдерживались, были остановки машин из-за технических неисправностей. При размещении автомашин, палаток и средств связи допускалась скученность, что всегда чревато большими потерями при налете авиации противника. Охрана была выставлена с запозданием. Не торопились и с развертыванием пункта связи, сбор данных по обстановке осуществлялся с перебоями.

Перечень этих недостатков, частью адресованных, как я понимал, в мой адрес, будто гвоздями вбивался в мозг. В первую минуту сердце захлестнула обида. Хотелось встать и заявить, что я ведь впервые попал на такое учение, да еще на должность выше моей штатной. Но... я не встал и не заявил. Такие аргументы не украсили бы офицера, прошедшего войну и только что окончившего военную академию. Генерал был прав — на то и учения, чтобы учиться. И я не только не обиделся на него за столь нелестный отзыв о нашей работе, но даже еще более заужал его. Николай Петрович, оказывается, прекрасно мог сочетать во взаимоотношениях с людьми редкую доброжелательность с принципиальной требовательностью и объективностью в оценках. А таких начальников всегда любят.

Что касается других недостатков, вскрывшихся на том КШУ, то многие из них также возникали лишь потому, что

значительная часть офицеров прибыла в Группу войск совсем недавно и не знала ни района учения, ни должностных лиц, ни специфики самой службы в ГСВГ. Но на это опять же никто не ссыался и скидок не просил. Ведь именно в таких вот неблагоприятных ситуациях и вступали очень многие наши командиры, политические и штабные работники в минувшую войну. И тем не менее находили свое боевое место.

...Генерал армии В. И. Чуйков проводил учения часто. Причем по тематике и методам отработки задач они никогда не походили одно на другое. И любое из них для нас, выпускников академий, по существу, было школой оперативно-тактического мышления и практических навыков. С каждым выездом в поле (а действовать приходилось в разных должностях) я чувствовал себя все более уверенно. А главное — росло влечение к своей сложной и хлопотливой работе. Ежедневные встречи с начальниками и офицерами служб, частые поездки в соединения и части приучали к самостоятельности в решении самых различных вопросов боевой готовности, жизни и быта войск.

Очень много полезного давали также сборы и учения, которые проводил с руководящим составом тыла генерал Анисимов. Разработка всех замыслов и заданий, многочисленных документов возлагалась на штаб, и нам приходилось корпеть над ними до седьмого пота. И все же без участия самого Анисимова вряд ли успевали бы качественно подготовить все необходимое. Учения и групповые упражнения на картах, как правило, шли круглосуточно в течение нескольких дней. Работникам штаба наряду с исполнением основных своих функций приходилось вникать и в решения обучаемых, а также готовить итоговые разборы.

Не простое это было дело! Ведь в роли обучаемых выступали опытные офицеры, многие годы занимавшиеся практическим решением тех же задач, которые отрабатывались на учениях. Один П. Ф. Стрельцов, начальник тыла соединения, чего стоил! Чтобы доказать ему, что он в чем-то не прав или не точен, помимо такта и терпения требовались незаурядные знания. Стрельцова не смущала любая вводная. Все выдаст по памяти и в подтверждение еще сошлется на десяток примеров из практики минувшей войны, которую он прошел от начала до конца на различных тыловых должностях. Даже Анисимов не всегда решался вступать с ним в открытый спор.

Иные качества и черты характера выказывали на занятиях и учениях офицеры Н. П. Белоус и В. А. Иванов.

Первый был обычно «олимпийски» спокоен, второй несколько возбужден, нетерпелив, но оба сходились в одном: всегда копали до «сути и истины», перебирая и отвергая множество вариантов решения... и нередко запаздывая с принятием такового. А вот офицер Ф. Г. Свита при спорах вроде бы соглашался со всеми. Однако, слушая разноречивые мнения товарищей, он находил в них рациональное зерно для своих выводов и зачастую принимал решения самые правильные, причем всегда — своевременно. Не случайно у нас прозвали его Аналитиком. Быстро и глубоко взвешивая все суждения, он безошибочно отбирал лишь те элементы, которые требовались для построения наиболее удачной модели решения.

Обладали рядом субъективных особенностей и остальные офицеры. Поэтому стричь под одну гребенку всех подряд было бы неразумно и немыслимо. И я всегда старался оттенить хотя бы черточкой индивидуальность мышления каждого.

Сложность подготовки разборов заключалась и в другом. Делая общее заключение, следовало найти в решениях участников, положим, командно-штабной игры что-то новое, имеющее практическую ценность, и в то же время доказательно отвергнуть все нереальные предложения, чтобы в другой раз не отвлекать на них ни умственную энергию, ни дорогое время. Разумеется, одному подготовить такой разбор было не под силу, поэтому в помощь привлекались наиболее опытные специалисты: генералы А. В. Захаров и К. Н. Павловский, офицеры П. А. Глушаев, П. В. Стеблюк и другие.

Шло время. Копился опыт. Ошибок в работе стало вроде бы поменьше, но сама она не становилась легче. Чем глубже познавалась жизнь войск, тем больше возникало и проблем, связанных с особенностями тылового обеспечения вдали от родной земли. В этой связи вспоминается еще одно учение осени 1952 года.

Тогда мы, группа офицеров тыла, вместе с офицерами других управлений выехали в одно соединение на проверку. Руководил поездкой опытный и авторитетный генерал П. Н. Лащенко. Не было ни предварительных занятий, ни инструктажа. Просто объявили незадолго до полуночи задачу и место, где нас ожидал автобус. Так «закладывалась» внезапность подъема по тревоге личного состава этой стрелковой дивизии.

Через два часа прибыли в назначенное место. На КПП военного городка строго предупредили дежурного, чтобы он

никому не сообщал о нашем приезде: сигнал тревоги руководитель подал потом самолично из штаба одного из полков.

Враз вспыхнули в окнах казарм огни. Через считанные минуты из подъездов начали выскакивать солдаты с оружием и снаряжением. Действовали по плану: кто бежал в парк, к машинам, кто спешил на плац для общего построения, кто направлялся к хранилищам для усиления караулов...

В кабинете командира части, который еще не прибыл, Петр Николаевич Лащенко объявил, кто из нас в какое подразделение направляется.

— Провести повсюду строевые смотры! — приказал он. — Выход личного состава из городка разрешить лишь после проверки экипировки воинов.

Мне выпало осуществлять проверку во втором батальоне. Поначалу думал, что справлюсь быстро. Однако некоторых солдат пришлось вернуть в казармы: кого за вещевым мешком или котелком, кого за противогазом.

Командир батальона капитан Н. И. Сизов нервничал. Наконец он попросил дать немного времени для приведения личного состава в «надлежащий вид». Однако генерал Лащенко отказал ему в этом: время строевого смотра истекло, и из парка уже доносился гул моторов покидавших его машин. Сизову разрешили вернуть в распоряжение лишь нескольких солдат, чтобы те доставили в район учения все, вабытое сослуживцами.

Итак, учебная тревога оказалась для второго батальона действительно неожиданной. Но ведь внезапность нападения — старый и излюбленный прием всех агрессоров. Так можно ли забывать о постоянной боеготовности, да еще здесь, вблизи потраничных застав? Естественно, дапный факт произвел на всех неприятное впечатление. Не имея должной экипировки, стрелки встретят теперь дополнительные трудности при выполнении учебно-боевых задач.

Перед выездом в район сосредоточения П. Н. Лащенко собрал накоротке нашу группу и познакомил с планом тактического учения. На меня возлагался контроль за развертыванием и работой всех тыловых служб соединения в ходе боевых действий. Я быстро нанес на карту районы развертывания тыловых подразделений и убыл на маршруты их выдвижения.

...Пристроившись к одной из колонн, мой газик двигался без остановок почти два часа. Уже светало, когда машины втянулись в рощу и солдаты спешили с бронетранспорте-

ров. В составе подразделений они выдвигались на опушку и занимали оборону. Моросил частый, мелкий дождь, по плащ-палаток у некоторых солдат не было. На перекрестке под густой елью я увидел исполняющего обязанности командира части подполковника Н. И. Глухова с его заместителем по тылу капитаном М. К. Ивановым. Глухов, завидя меня, с бодрыми нотами в голосе произнес:

— Хо-ро-ош дождичек! Сразу весь сон с солдат смахнет. Ишь как они побежали! И не жарко окопы рыть...

Сам он держал плащ-накидку на руке, как бы убеждая, что дождь военному человеку — нипочем.

Капитан Иванов пояснил ситуацию без всякой «лирики»:

— Где-то отстали машины с плащ-палатками, вот солдаты и мокнут.

— Но ведь плащ-палатка входит в экипировку солдата и в машине не возится! — напомнил я.

Капитан промолчал, давая понять, что за это в ответе — командир. А Глухов, в свою очередь, подпустил «шпильку», намекнув, что дождик — это ничего, помочит и пройдет. Вот покормить солдат перед боем не мешало бы. А кухни где?

Как представитель руководства учением, я спросил, какую задачу получил полк и есть ли еще время, чтобы организовать завтрак? Выяснилось, что времени уже нет: через полчаса надо докладывать о готовности участка обороны. Как развернутся события потом — неизвестно, но будет, пожалуй, тоже не до завтрака.

В этот момент появился посредник с повязкой на рукаве и объявил вводную: на левом фланге обороны полка «противник» изготовился к атаке.

— Видите, что творится! — с досадой махнул рукой Глухов. — А мой начальник штаба где-то еще в пути...

Через несколько минут подошел начальник связи полка. Он доложил, что телефонная связь с батальонами вот-вот заработает. Затем прибыли командиры взводов саперного и управления для оборудования КП полка и организации его обороны. Короче, тактическая обстановка и действия обучаемых начали приобретать привычный ритм. Выправился, увереннее замыкая на себя бразды управления полком, и Глухов. Его распоряжения стали четче, обоснованнее. Организуя оборону, он отправил посыльного на левый фланг, где уже закреплялись подразделения второго батальона с приданными им огневыми средствами.

— Передашь лично капитану Сизову! — вручил ему

подполковник письменное распоряжение. — Скажешь — связь заработает через несколько минут. Всё. Бегом! — И тут же обратился к заместителю по тылу: — А вы, товарищ капитан, срочно отправляйтесь в первый батальон, — указал он на карте соседний район обороны. — Там командир молодой, только что назначенный, бывший ротный Гаврусев. Проверьте организацию обороны и помогите ему, не подменяя, конечно. Впрочем, если потребуется по обстановке... — Он сделал паузу и решительно закончил: — Берите командование на себя, и — ни шагу назад!

Когда развернули радиосвязь, командир поймал в эфире позывные третьего батальона, своего резерва, и поставил комбату задачу ускорить выдвижение в квадрат, кодированный «десятым».

Анализируя распоряжения подполковника Глухова, я мысленно одобрял их и в то же время ждал, когда он наконец примет решение и по вопросам обеспечения боевых действий материальными средствами. Нужда и срочность в этом были крайними, а заместителю по тылу Иванову теперь не до того, поскольку он занят боевой задачей. Такое, кстати, доверие ему льстило и мне, как представителю штаба тыла. Оно свидетельствовало о способности капитана успешно исполнять и строевую должность. По аналогии в этот момент даже вспомнился эпизод, который произошел в период событий на р. Халхин-Гол. Тогда заместитель командира части по тылу И. И. Федюнинский по необходимости заменил командира в бою. Позже, в годы Великой Отечественной войны, он уже командовал соединением и объединением, вырос до генерала армии! Вот тебе и зам по тылу!

Вынув записную книжку, я торопливо набросал несколько строк: «Современный офицер тыла должен уметь выполнять и боевые задачи! Однако пока он замещает командира — кто будет кормить личный состав?» Эти записи навели на раздумья: надо не только совершенствовать командирскую подготовку офицеров — специалистов тыла, но и давать больше практики командирам подразделений и частей в решении тыловых задач. Чтоб взаимозаменяемость была обоюдной и полной! И в этом отношении мы смогли впоследствии сделать кое-что существенное.

...Полевые походные кухни в тылу батальонов у Глухова появились словно из-под земли. Оказалось, инициативу проявил начпрод. Не имея связи с полком, затертый на маршруте тяжелыми машинами, он сумел все же выяснить у кого-то из посредников, где заняли оборону стрелки, дал

команду готовить кулеш и кипятить чай и вывел свою маленькую колонну в тылы боевого порядка по каким-то проселкам, не обозначенным ни на одной карте. Я записал его фамилию, чтобы поставить в пример другим специалистам этой службы и обязательно потом поощрить.

Учение меж тем продолжалось, и обстановка, как водится, усложнялась. Прибывали новые подразделения, и стрелки, с ходу заняв оборону, отражали атаки «противника». Тыловые службы тем временем разворачивались в указанных им местах и приступали к выполнению своих задач. Не обходилось, конечно, и без недостатков. Мы фиксировали все: и скученность машин, и плохую маскировку некоторых пунктов обеспечения, и то, что часть имущества никем не охранялась, а медицинский пункт разворачивался не в самом удобном месте. Одновременно принимали меры к устранению недостатков, добивались, чтобы специалисты тыла действовали без послаблений.

Чтобы создать сложный фон в тылу, объявляли, например, вводные о воздушном нападении «противника», действиях его диверсионных групп, «уничтоживших» несколько автоцистерн с горючим и радиостанцию. Потом «вывели из строя» группу младших специалистов в некоторых службах, чтобы проверить взаимозаменяемость. Появились первые «раненые», сразу же ускорив разворачивание полкового медпункта. Постепенно действия всех солдат тыла приобрели должную напряженность и направленность. А в записной книжке появилась очередная запись: «Тыл на занятиях в поле должен работать в условиях активного противодействия «противника».

С одним из посредников я наведалься на командный пункт соединения, где находился генерал П. Н. Лащенко. В промокшей палатке было сыро и холодно, как в погребе. Я осторожно осведомился у сержанта-радиста, завтракало ли начальство. Тот отрицательно помотал головой, затем сильным шепотом попросил:

— Хоть бы чаю горячего всем по кружке!

В этот момент меня увидел Лащенко.

— Плохо работает ваш тыл, — укоризненно сказал он. — Полки давно воюют. Считай, уже отбили первый натиск «противника», а где их тыловые подразделения — никто не знает. Мне докладывают, кое-где ощущается нехватка горючего, а солдаты питаются всухомятку.

Я не стал оправдываться тем, что на этих учениях выступаю в роли одного из руководителей, а не заместителя командира соединения по тылу. Упрек был справедлив, ка-

сался недостатков в нашей службе. Надо было выправлять положение. И я отправился на розыски дивизионного тыла.

Мне повезло. Не успел я отъехать и четверти километра, как навстречу попалась машина знакомого политработника подполковника И. П. Нелидова. Он-то меня и направил в район, где находился со всем своим «хозяйством» начальник тыла соединения подполковник Н. Д. Онищенко. С последним мы уже встречались на учебных сборах. Он доложил обстановку, которая меня не порадовала. Некоторые транспортные машины низкой проходимости еще не были. Видать, буксуют на раскисших от дождя проселках. Два пункта питания, каждый в составе кухни, водовозки, машины с продовольствием и топливом, неосмотрительно были включены в общую полковую колонну. Она отстала, потесненная на марше линейными подразделениями, и ПХД (так именовались тогда продовольственные пункты) к своим батальонам еще не пробились. Плохо обстояло дело и с доставкой горючего. Две автоцистерны где-то затерялись, и известий о них пока не было...

В этих условиях оставалось одно: создать за счет средств тыла дивизии сводный отряд с запасами горючего и продовольствия и направить в стрелковые подразделения первого эшелона, что Онищенко уже и сделал. Одновременно он выслал нескольких офицеров на лесные маршруты для подтягивания отставших машин. И, наконец, отправил на КП буфет военторга, с которым я где-то разминулся.

Одоблив его действия, я все же посчитал необходимым уточнить распределение функций в этом звене тыла.

— По всем канонам и условиям тактического учения, — сказал я, — за тыловое обеспечение реально действующего полка полностью отвечают командир и его заместитель по тылу. Может, напрасно вы опекаете их? Пусть сами принимают энергичные меры, учатся оперативно и грамотно организовывать работу своего тыла в бою.

— Ну что ж, пусть отвечают, пусть учатся, — спокойно ответил Онищенко. — Но ведь и в реальном бою, когда командир и его зам по тылу находятся на передовой, кому-то надо собирать отставшие тыловые подразделения, организовывать пункты довольствия, кормить людей, дозакрывать технику. Может, на учениях таких лиц вообще «выключать» из конкретной тактической обстановки? Пусть одни воюют, а другие в обычном порядке обеспечивают повседневные нужды войск...

— Такого не должно быть! — горячо возразил я. — И на учениях нельзя допускать условностей. Все должностные

лица тыла части обязаны делать именно то, что необходимо в бою, что им положено по уставу, и в полном объеме.

— Но у них же нет сейчас ни достаточных сил, ни всех штатных средств, чтобы наладить снабжение по всем видам и в полном объеме, — выставил новый довод Онищенко.

— Это — другое дело, — согласился я. — В таком случае, как и положено, пусть подсчитают свои потребности и донесут вам, как старшему начальнику, о своих просьбах. Вот тогда и поможете.

Видимо, такая простая мысль как-то не приходила в голову Онищенко. Он охотно согласился с моими доводами и, лукаво подмигнув, пообещал, что через пять минут капитан Иванов обязательно обратится к нему за помощью. Причем попросит именно то, что он, подполковник, уже на свой риск сделал. Я махнул рукой на эту условность — важно ведь, чтобы личный состав имел все необходимое для плодотворной боевой подготовки, а наши специалисты тоже чему-то на трудностях учились...

И так — каждый раз. Усложнялась обстановка, и должностные лица тыла ставились в условия, требующие не только знаний, опыта, но и инициативы, решительности, настойчивости. И если кто-то не проявлял этих качеств, механизм войскового тыла начинал работать с перебоями.

Когда наши части (в соответствии с замыслом учения) отразили все атаки «противника» на подступах к реке, стало ясно, что следующим этапом действий станет переход в наступление с форсированием водной преграды и захватом плацдарма на противоположном берегу. В этот момент из батальона первого эшелона сообщили, что туда прибыли главнокомандующий и член Военного совета ГСВГ генерал А. П. Пигурнов. Вскоре и нам, офицерам группы руководства учением, приказали прибыть туда же.

Мы увидели В. И. Чуйкова в траншее (член Военного совета уже перебрался в соседний полк). Главком дотошно, в свойственной ему манере, проверял организацию огня и устройство различных сооружений в обороне, готовность к контратаке. Он самолично замерял глубину траншей и удаление огневых средств друг от друга, проверял секторы наблюдения и огня, оборудование укрытий. Постепенно добрался и до экипировки воинов, приказав одному из солдат выложить на плащ-палатку всю его амуницию вместе с вещмешком.

— Ого! Тяжеленько! — произнес главком, приподняв за углы плащ-палатку. — А ведь солдату надо нести все это и на марше, и в атаке, и в узкой траншее. Снаряжение

бойца необходимо облегчить! И подогнать так, чтобы ничто не мешало ему выполнять основную задачу — вести бой в любых условиях местности, погоды, времени суток. Попрошу вас, товарищ Лащенко, — обратился он к Петру Николаевичу, — проработайте этот вопрос со штабом и службами тыла и представьте свои соображения. Непременно послушайте и солдат — стрелков, пулеметчиков, связистов, артиллеристов. Они многое могут подсказать полезного — где у них что жмет, что давит и как все это половчее приладить...

Забегая вперед, скажу, что такие предложения — по улучшению полевого снаряжения солдата — были тогда тщательно продуманы и представлены. В их разработке и обосновании участвовали и мы, специалисты тыла. Позже в Сухопутных войсках было введено более удобное снаряжение, сохранившееся до наших дней. А у меня с того учения осталась короткая пометка в записной книжке: «Экипировке солдат — максимум удобства и целесообразности!»

Заканчивая проверку готовности этого батальона к бою, В. И. Чуйков попросил командира соединения доложить о порядке перемещения пунктов боевого питания и заправки горючим, а также ремонтных и других тыловых средств в дивизии с началом наступления. Однако ничего вразумительного тот сказать не смог, поскольку только что прибыл из штаба Группы, да и вообще, видимо, полагал, что это — непосредственная забота командиров подчиненных ему частей.

— Вы должны понять и крепко запомнить, — терпеливо начал разъяснять Чуйков, — что мы, старшие начальники, здесь в поле учим и проверяем вас, старших командиров. А вы точно так же должны проверять и конкретно учить своих подчиненных, в том числе по вопросам деятельности тыла. Почему лично я нахожу для этого время? Да потому, что считаю вопросы тылового обеспечения в бою архиважными! Надеюсь, и вы тоже так считаете? Ну и прекрасно! Тогда где же ваш начальник тыла? — оглядываясь, поинтересовался главком.

— Подполковник Онищенко находится в тылу соединения, — ответил комдив. — Проталкивает застрявшие машины.

Такой ответ явно не удовлетворил генерала армии. Помолчав, он объявил:

— Онищенко от должности вашего заместителя по тылу на период учения освободить и назначить с понижением — замом по тылу к Глухову. В том, что у того вскрылось

много недостатков, повинен и Онищенко. Не научил своих подчиненных их обязанностям, а теперь сам выступает толкачом! Пусть лично организует всю службу тыла в этом полку! Кстати, а кто у нас заместитель руководителя учений по тылу? — спросил главком.

Я вышел вперед и представился. Чуйков узнал меня.

— Вот вы и будете замом по тылу в этом соединении! Наведите порядок во всем. И учтите, скоро дивизии — наступать!

Главком уехал. Учение продолжалось, но я выступал теперь уже в роли его непосредственного участника. Однако такой оборот событий не огорчил меня. Напротив. Ведь я получил возможность не только фиксировать недостатки в работе различных звеньев тыла, но и активно выправлять положение.

Вскоре в районе расположения дивизионного тыла я собрал начальников служб, поставил каждому определенную задачу, указал сроки, и все мы разъехались по частям. К середине дня удалось разобраться в обстановке. Организовали регулярное горячее питание с доставкой пищи стрелковым ротам непосредственно в траншеи. Разыскали и подтянули автоцистерны и дозаправили в первую очередь танки. Ряд трудностей возник при обеспечении мелких групп и отдельных воинов-специалистов, приданных стрелкам: связистов, разведчиков, саперов, химиков, находившихся в отрыве от своих подразделений. Пришлось оперативно решать и эти вопросы: из каких кухонь кормить солдат, где разместить, куда доставлять им письма и газеты.

Выявлению недостатков, как и мобилизации усилий для их устранения, способствовала целеустремленная партийно-политическая работа. Во всех частях и подразделениях она велась непрерывно и в самых различных формах. Член Военного совета А. П. Пигурнов, например, выступил на партийном собрании в автотранспортном батальоне. Он напомнил коммунистам о необходимости в установленные сроки проводить техническое обслуживание машин в поле (их нарушение уже привело к выходу из строя нескольких автомобилей). Затем посоветовал побольше внимания уделять заботе о людях. На водителей машин выпала особенно большая нагрузка, напомнил генерал, и нужно, чтобы они имели возможность отдохнуть часок-другой в тепле перед трудным рейсом, выпить кружку горячего чая в длительной поездке, просушить мокрую обувь и одежду после нее. Он же порекомендовал наиболее эффективные формы соревнования среди младших специалистов тыла на учении и средства, с

помощью которых можно быстро и широко информировать об опыте лучших.

Политработник И. П. Нелидов регулярно проводил инструктажи секретарей парторганизаций в тыловых подразделениях. При этом нацеливал их на индивидуальный подход к тем коммунистам, на участках которых вскрывались упущения. Другие политработники соединения также не обходили стороной тыловые объекты: выступали с беседами перед войнами-специалистами, проводили политинформации, сообщали о положении дел на переднем крае обороны, снабжали газетами и журналами.

Действенную роль играли и оперативные совещания коммунистов. На них кратко отчитывались за проделанную работу и сообща намечали пути и способы выполнения очередной задачи. Словом, влияние на людей оказывалось действенное и всестороннее.

Улучшить обеспечение войск удалось после перегруппировки некоторых тыловых подразделений, а также за счет перераспределения запасов материальных средств в частях. К утру перед началом наступления еще раз все проверили и просчитали с учетом возможных неожиданностей. Все, кажется, в порядке. Но едва поступил сигнал атаки, как вслед за ним последовал приказ — отставить! Это руководитель учения обнаружил, что атака стрелков и танкистов началась несогласованно по времени.

— Проверьте, в чем дело? — приказал П. Н. Лащенко.

Выехав на место, проверяющие установили, что некоторые танки задержались на дозаправке лишних пятнадцать минут и с опозданием вышли на рубеж перехода в атаку. Естественно, одновременного броска вперед не получилось.

Скандал! Кто виноват? Тыловики, конечно, — так посчитали многие. Но при чем здесь тыловики? Ведь горючее-то на пункте заправки было!

— А при том, что даже если запасы и на месте, вы, работники тыла, не должны превращаться в простых «давателей». Надо еще и позаботиться, чтобы все полностью и в срок распределить по назначению, — мудро истолковал эту заминку Петр Николаевич.

И тут я не мог не согласиться с ним. Сколько раз прежде и сам убеждался в справедливости именно такой постановки вопроса. Ведь тыл существует для войск, а не наоборот. И мы сами должны болеть за то, чтобы все необходимое доставлялось войскам сполна в минимальные сроки. А что получилось в данный момент? Командир танковой роты установил точное время на дозаправку, но не проконт-

ролировал ее. А офицер службы горючего, находившийся тут же, не поторопил ни своих людей, ни танкистов, считая, что те и другие действуют сами по себе. Пришлось разъяснить ему, что тут он в корне ошибается, задача в бою у всех одна! Извлек урок из того случая и я сам, торопливо пометив в записной книжке: «Темп в работе специалистов тыла задает бой...»

Наконец атака по сигналу руководителя повторилась. На этот раз все сработало как часы. Во второй половине дня явно обозначился успех, и наши части значительно продвинулись вперед. Создалась предпосылка для форсирования реки. Генерал Лащенко потребовал от командира соединения представить решение на этот счет. Со многими уточнениями оно было одобрено. Оставалось осуществить перегруппировку частей, восполнить «потери» в личном составе и вооружении, пополнить запасы материальных средств. А для того быстро подтянуть растянувшийся тыл, наметить новые районы для размещения его средств и маршруты для подвоза и эвакуации.

Внеся по уточненному решению на форсирование необходимые коррективы в план работы тыла, я доложил его командиру соединения и вместе с начальниками служб выехал в части. Уже стемнело, когда мы обнаружили первую пробку на дороге. Ликвидировать ее оказалось не просто: вымотанные тяжелыми рейсами, водители так устали, что стоило встать передней машине, как за нею останавливались и все последующие в колонне. Их начальники даже не интересовались подчас, что же случилось впереди, а шоферы спешили использовать короткую передышку, чтобы немного вздремнуть.

Снова вспомнилась война. В период длительных боев аналогичные ситуации зачастую возникали и на разбитых фронтовых дорогах. Приходилось посылать специальные подвижные (иногда на тягачах) патрули в места скопления машин, чтобы ликвидировать заторы. К сожалению, таких средств в нашем распоряжении сейчас не было. Пришлось «впрягаться» самим и принимать иные меры по вытаскиванию застрявших машин. В ход пошли буксирные тросы, бревна, лопаты... Однако поправить дело с помощью одних этих средств было трудно: уж очень сильно разбили дорогу прошедшие ранее танки. Поэтому я решил вернуться и доложить командиву о ситуации на тыловых дорогах. Тот немедленно приказал начальнику инженерной службы майору П. И. Столбову оказать помощь в ликвидации пробок на маршрутах. Увы, на востоке уже занималась заря, предве-

щая скорый рассвет, а стало быть, и момент начала броска через реку. Оставшегося времени для полного сосредоточения и скрытной подготовки войск было явно недостаточно...

Когда командиры частей подтянули и расставили свою артиллерию и танки, а понтонеры изготовились к наводке десантных переправ, о внезапности форсирования говорить уже не приходилось. «Противник», вскрыв наши намерения, открыл ожесточенный огонь, и в штаб соединения стали поступать доклады о «потерях» в людях и технике (их составляли по подсчетам посредников).

Генерал Лащенко приказал сделать частный отбой. Вызвав командира соединения и его заместителей, он всесторонне проанализировал сложившуюся обстановку и указал на все упущения и промахи. Главные из них заключались в том, что правильное по сути решение комдива на форсирование водной преграды не было полностью обеспечено в инженерном и материальном отношении. Оставляло желать лучшего и управление частями. Заболоченная пойма, куда вышли полки, оказалась практически непроезжей для колесного транспорта. Подошли танки, подтянули на тягачах артиллерию, кое-как пробились к реке понтонеры, но стрелковые полки все еще оставались без пунктов технического, медицинского обеспечения и боепитания. По-прежнему ощущался недостаток в запасах горючего: часть танков и автомашин, перерасходовавших топливо в этих хлябях, нуждались в срочной дозаправке.

...Можно ли было избежать этих промахов на учении?

По опыту войны знаю, что подобные срывы почти не допускались. Если транспорты с запасами материальных средств застревали на разбитых дорогах, то далее они буксировались тягачами и танками, порой прямо до огневых позиций артиллерии и районов сосредоточения бронетанковых сил. Конечно, при этом многие автомашины выходили из строя. Но то была война, и на это шли по необходимости. А здесь, на учении? Можно ли было найти выход из положения?

Безусловно — при лучшей организации всех мероприятий. В частности, следовало тщательнее разведать местность, включая подходы к реке, с точки зрения ее проходимости, заблаговременно перераспределить весь транспорт тыла и более мощные автомашины сразу же направить с грузами в подразделения первого эшелона. Причем им надлежало двигаться по подготовленным колонным путям следом за артиллерией, но впереди танков. Для остальных машин тре-

бовалось оборудовать параллельные маршруты в районе развертывания складских, ремонтных и медицинских средств. Все это надо было отразить в решениях командиров частей и соединения с указанием: кто, какими силами и к какому сроку готовит маршруты, в какой очередности двигаются по ним войска и тыловые подразделения, где, когда и что развертывается, куда перемещается.

К сожалению, всего этого предусмотрено не было. Теперь же, когда упущения вскрылись, пришлось исправлять их с большими издержками сил, времени, нервов.

Наконец вся подготовка была завершена, и стрелковые подразделения приступили к форсированию реки. Действия развивались по плану до поры, пока руководитель учения не дал очередную вводную. Она была неожиданной для некоторых командиров, но вполне реальной по логике современного боя. На одном из участков водной преграды «противник» незаметно подтянул резервы и предпринял попытку ликвидировать захваченный там «пяточок». Стрелковый полк, которому надлежало переправиться на тот берег и расширить плацдарм, выдвигался из глубины и задерживался. Основной свой резерв — стрелковый батальон — командир соединения уже задействовал на соседнем направлении, где «противник» все еще удерживал исходный берег реки. Других же сил под рукой не оказалось из-за больших «потерь» в предшествующих боях. Выходило так, что помочь защитникам «пяточка» было нечем: кроме саперного взвода, обслуживавшего переправу, телефонного узла связи, шоферов из автороты и некоторых других тыловых специалистов, никаких боевых сил поблизости не оказалось.

Лащенко несколько раз обвел карандашом на карте эти подразделения, ожидая решения комдива по вводной. Однако тот молчал, не сводя глаз со своих задействованных полков и не решаясь взять людей оттуда. Тогда Петр Николаевич бросил на карту карандаш, поднялся из-за стола и, прохаживаясь по палатке, рассказал такой случай.

...В боях под Тернополем в апреле 1944 года гитлеровцы попытались сдержать наступление стрелковой дивизии, которой он тогда командовал. Внезапной контратакой они захватили высоты у деревни Башковцы, закрепились на них и шквальным огнем прикрыли ложину, ведущую к населенному пункту Кривицы. Ее никак нельзя было миновать левофланговому полку дивизии, наступавшему на этом участке. Атаки с фронта не удались. А для маневра силами резерва у комдива не оказалось. Оба других полка тем временем далеко продвинулись вперед. В боевых порядках ди-

визии, наступавшей в один эшелон, обозначился разрыв. Сюда-то и могли нанести ответный удар гитлеровцы, уже накапливая для этого силы.

Требовалось не мешкая сбить противника с высот, захватить Кривицы и сорвать возможную контратаку врага. Для выполнения первой задачи П. Н. Лащенко решил создать сводный отряд из солдат тыловых подразделений. Их набралось около двух рот. Организовав две штурмовые группы, комдив слева и справа, по кромкам лощины, двинул их в атаку при поддержке сильного минометного и пулеметного огня. И действия групп завершились успехом. Уничтожив заслон на высотах, они открыли дорогу на Кривицы...

— Кстати, — закончив свой рассказ, обратился Лащенко уже ко мне, — командиром одной из штурмовых групп был ваш однофамилец, тоже Голушко. Вот так-то!

Я не придавал тогда особого значения его словам, поглощенный другими мыслями, навеянными рассказом. И лишь несколько лет спустя сам напомнил Петру Николаевичу о том давнем эпизоде. Стали уточнять детали сражения у деревни Кривицы, даты, номера воинских частей. И выяснилось, что командиром штурмовой группы и моим «однофамильцем» был... мой отец, погибший в том самом бою. Потом уже я нашел и братскую могилу, на обелиске которой среди других значилась фамилия: «Сержант Голушко»...

Однако вернемся к учению. Рассказ генерала навел-таки командира соединения на мысль — создать резервную группу из солдат автороты, саперного и хозяйственного взводов и немедленно бросить их на подмогу защитникам «пяточка».

— Вот-вот! — оживился П. Н. Лащенко. — Это уже выход из положения. Правда, «противник» за рекой ввел в бой и роту танков. А вы кроме автоматов что еще противопоставите им?..

Комдив начал прикидывать. И что же? Нашлись и тут резервные средства — отставшие танки, «подбитые» и уже «отремонтированные» самоходки, а также противотанковые мины из комплекта вооружения инженерного взвода. В общем, «пяточок» удалось отстоять, и все было, как на войне, когда приходилось воевать и солдатам тыла, чтобы помочь пехоте остановить врага.

Когда подошедший полк начал переправляться на пароммах, быстро собранных понтонерами, комендант переправы запретил пропуск на тот берег тыловых подразделений.

Выяснилось, что их просто забыли включить в график переправы, подготовленный штабом соединения. Оплотность операторов надо было как-то выправлять: ведь полку, получившему приказ расширить и закрепить плацдарм, крайне нужны были запасы материальных средств.

В таких случаях на войне некоторые начальники, пользуясь своей властью, самовольно направляли тылы через переправу, нарушая установленный график. А попадало за это, причем иногда круто, тем же комендантам — за задержку боевых частей и отсутствие порядка. Естественно, я не мог поступить таким образом. Пришлось упрашивать коменданта по-хорошему, объяснив ему, почему так получилось. Капитану, видать, понравилось, что с ним считаются, «не давят на него званиями». Просмотрев график, он нашел возможным вставить в список спецмашин полка несколько наших грузовиков, автоцистерн и полевых кухонь. Остальные тыловые подразделения удалось направить на плацдарм по наплавному мосту, который находился за пределами полосы наступления дивизии справа. Что ж, и такое случалось в минувшую войну. Через полосу соседей нередко подтягивались и войска, и техника, и тылы частей. Взаимно использовались не только дороги, но и местные ресурсы. Правда, все это заранее планировалось, распределялось через штабы. На нашем же учении и тут пришлось импровизировать на ходу, принимать решение вынужденное и предварительно не согласованное, на что потом справедливо указал руководитель учения.

...Расширив плацдарм и подтянув свежие силы, полки продолжали наступление. Лишь поздно вечером руководство объявило о смене войск: наше соединение выводилось во второй эшелон. Для личного состава после команды «Отбой» наступила пора короткого отдыха и возвращения в казармы. Что же до нас, офицеров руководства, то мы длительное время еще обобщали и анализировали опыт учения — и на разборе у генерала Лашенко, и у себя в штабе тыла, и во многих тыловых подразделениях. Упор делали на выявление слабых сторон в организации служб тыла, их технической оснащенности и тактической выучки личного состава.

Вопросов и проблем возникало много — как перспективных, так и повседневных, и их следовало не только выявить и изучить, но и безотлагательно решать. Появление нового оружия вело к существенным изменениям в организации войск и способах их боевого использования, обеспечивая невиданный ранее размах и динамичность действий. И

службы тыла в прежнем своем виде уже не полностью соответствовали новым требованиям. Учение, о котором я так детально рассказал выше, достаточно наглядно выявило это.

На очередь дня вставали вопросы дальнейшего технического оснащения тыла. В частности, возникла настоятельная потребность в средствах одновременной заправки большой массы военных машин. В войска в те годы поступало все больше автоцистерн различной емкости, других заправочных средств, которые хорошо освоили специалисты тыла. Однако практика убеждала в необходимости создания комплексной заправочной техники — автотопливозаправщиков, полевых трубопроводов и т. д. Актуальной была и постановка вопроса о создании более эффективных подвижных средств для эвакуации раненых с поля боя, обслуживания и ремонта техники в полевых условиях, а также средств приготовления горячей пищи и выпечки хлеба. Требовались новые механизмы для скоростного строительства и восстановления военных дорог и мостов, для обустройства складов, выполнения погрузочно-разгрузочных работ в больших масштабах и т. п.

Эти проблемы обсуждались не только в своем кругу. О них шел серьезный разговор на заседаниях военного совета, научных и партийных конференциях, больших служебных совещаниях. О них докладывалось и в центральные органы Тыла. И меры принимались ощутимые: в войска начали поступать новые образцы техники, а также различной аппаратуры для служб тыла. Это давало возможность ускорять отдельные процессы в работе, механизировать наиболее тяжелые и трудоемкие операции, совершенствовать штатную структуру тыловых подразделений.

А жизнь, практика по-прежнему оставались самыми строгими и объективными экзаменаторами и качества подготовки, и уровня оснащенности, и степени боевой готовности тыла. Практикой проверяли и мы, офицеры-специалисты, свои знания и навыки, организаторские способности. И такая проверка позволяла всегда идти в ногу с жизнью, острее чувствовать пульс ее наиболее животрепещущих проблем...

Глава четвертая

ИНСПЕКЦИЯ

В ту весну известие о приезде в ГСВГ инспекции Министерства обороны не застало руководство врасплох. В войсках, как известно, не особенно любят подобные «визиты». Однако понимают их неотвратимость и необходимость и в принципе готовы к ним всегда. Но — в принципе. А на деле командованию пришлось-таки кое в чем изменить планы текущей работы. Офицерам отменили длительные командировки и отодвинули очередные отпуска. Повсюду провели совещания и инструктажи, нацеливая людей на ликвидацию тех упущений, до которых в обыденной текучке не доходят руки.

В те дни часто говорилось о том, что для пользы дела не следует вносить в работу нервозность и чрезмерную спешку. Но волнение все же ощущалось. Каждому хотелось лучше подготовиться к серьезному экзамену, каковым всегда являются инспекции, и не сплеховать в ответственный момент. Это естественное желание заставляло людей трудиться в поте лица, не обращая внимания ни на позднее время, ни на усталость. Проверяли состояние дел на всех участках, кропотливо уточняли планы и задачи боевой и политической подготовки, взыскательнее оценивали достигнутые результаты, проводили дополнительные занятия и тренировки на полигонах, стрельбищах, танкодромах.

Со служб тыла, кроме этих забот, не снимались и основные — по материально-бытовому обеспечению всех войск Группы. И тут надо отдать должное генералу Н. П. Анисимову: в этой слегка взбудораженной атмосфере он держался спокойно, уверенно. К тому имелись и основания: войска в целом были уже устроены, учеба в частях тыла налажена, а всякого рода недоделки не представляли особых проблем. Самообладание начальника благотворно влияло на весь наш коллектив.

Помнится, на одном из совещаний Николай Петрович даже сказал:

— Офицер штаба — это, прежде всего, организатор. Он обязан всегда создавать у людей, с которыми общается по

службе, бодрый, деловой настрой. И не имеет права ни при каких обстоятельствах поддаваться унынию или панике, иначе загубит живое дело. — И тут же, улыбаясь, осведомился: — А среди вас есть паникеры? Ни одного? Ну и прекрасно! Тогда за работу, и не за страх, а за совесть.

Маршал Советского Союза Л. А. Говоров — главный инспектор Министерства обороны СССР — прибыл с большой группой генералов и офицеров, опытных специалистов различного профиля. Со свойственной ему деловитостью главный инспектор сразу же приступил к работе. Заслушав командование Группы войск, он внес некоторые поправки в представленные ему планы проведения проверки.

Сущность его поправок вытекала из основных целей проверки. А они заключались в том, чтобы детально изучить опыт личного состава подразделений и частей в овладении новой военной техникой, объективно оценить уровень боевой выучки и наметить реальные пути к ее повышению. Наши предложения о проверке служб тыла также были соответственно скорректированы. Инспектирующих нацеливали на более глубокое изучение организации полевого быта войск и их обеспечения в условиях, приближенных к боевым.

Потекли дни, наполненные заботами и волнениями. Однако силы и старание затрачивались не только на отдачу. Показывая свои достижения, мы одновременно получали и предметные уроки на тему: а что и как следует сделать, чтобы эти успехи были выше. Другими словами, представители инспекции не только отмечали все хорошее и вскрывали отдельные недостатки, но и учили их исправлять, щедро передавая при этом свой богатый опыт. Кстати сказать, делалось все это без тени назидательности, вполне корректно, доброжелательно.

Члены комиссии, бывая в тыловых частях и учреждениях, умело готовили и проводили показательные занятия, обращая особое внимание на их методическую направленность. При этом подробно изучались правила хранения запасов материальных средств в стационарных условиях и в поле, порядок расконсервации техники тыла при ее приведении в боевую готовность, способы быстрого развертывания пунктов боевого питания и медицинских пунктов, порядок и специфика размещения тыловых подразделений и объектов на местности.

Занятия, а также тактико-тыловые учения с личным составом и младшими специалистами особенно поучительно проводили офицеры А. С. Митин, А. А. Ермолаев и некото-

рые другие. Члены инспекторской комиссии столь же охотно выступали с лекциями и беседами по тактико-тыловой и оперативно-тыловой подготовке, давали проверенные жизнью рекомендации и советы офицерам различных служб. Так, по вопросам управления тылом интересную лекцию прочитал А. С. Музыченко, по организации подвоза сделал обстоятельный доклад Н. М. Сафронов. Всесторонняя подготовка представителей центра, их военная и общая эрудиция, методическое мастерство обогащали наших офицеров доскональным знанием всех особенностей материального обеспечения войск, а рекомендации и советы служили руководством для совершенствования всего процесса подготовки воинов тыла.

Инспекция подробнейшим образом проверяла наши службы по всем направлениям их деятельности. Был выявлен ряд недоработок и упущений. Однако часто случалось и такое, что проверяющие высоко оценивали и плоды нашей работы. Они внимательно изучали все достижения, с тем чтобы внедрить потом все лучшее в других округах и группах войск.

Членам комиссии понравилось, например, как много инициативы и труда вложили офицеры и солдаты автомобильных частей подвоза в создание образцовых парков, благоустройство хранилищ, оборудование автодромов, учебных полей и классов. Они только что получили тогда новую технику и задалась целью создать наилучшие условия для ее хранения, а одновременно — хорошую базу для обучения.

Еще до проверки в Группе был объявлен конкурс на лучший автопарк и автодром. Развернулось соревнование по проектированию и оборудованию таких объектов. Свое слово сказали и рационализаторы. В ходе конкурса автомобилисты обменивались опытом, охотнее шли друг другу на выучку, быстрее внедряли все полезное у себя. Передовой опыт действительно становился достоянием всех, что и было подмечено инспекцией.

Первое место в конкурсе завоевали тогда воины части офицера И. А. Михайлова. Они создали образцовый автопарк со всеми элементами, предусмотренными уставными документами, много выдумки вложили в оборудование учебных классов, построили прекрасный автодром. Все это позволило вскоре повысить эффективность обучения автомобилистов: свыше 60 процентов всех подготовленных в этой части водителей закончили курс обучения с оценкой «отлично».

Повысили свою квалификацию и их наставники. Все без исключения офицеры стали в тот год мастерами обучения молодых солдат. Они отлично водили автомобиль сами, досконально знали все секреты его устройства и эксплуатации, а в роли руководителей занятий и тренировок прослыли лучшими методистами в Группе. У Михайлова побывали многие члены проверочной комиссии, и все давали лестную оценку и качеству учебно-материальной базы, и продуктивности учебного процесса.

Детально вникали проверяющие в вопросы тылового обеспечения линейных частей. Изучали возможности служб, использование сил и средств тыла. Проверяли обученность младших специалистов при решении практических задач в поле. Интересовались, насколько глубоко и квалифицированно организуют тыловое обеспечение командиры всех степеней. Кстати, последнее не укрылось и от самих командиров. Многие из них стали внимательнее изучать инструкции и циркуляры по материальному обеспечению войск. Чаще бывали теперь и на хозяйственных объектах, предметнее руководили службами тыла.

В ходе инспекции мне довелось познакомиться с особенностями работы многих командиров.

Однажды в танковую часть, где я как раз находился, прибыл старший командир — генерал С. Л. Соколов. Все знали, что он весьма глубоко вникает в организацию боевой учебы, в том числе и небольших подразделений. И тут я стал очевидцем одного поучительного разговора. Отсюда только что убыли проверяющие, и заместитель по тылу В. И. Губарев торжествовал: представители из центра остались в целом довольны организацией быта танкистов. Сразу же состоялось подведение итогов, на котором С. Л. Соколов спросил Губарева, как обстоят дела в службах тыла.

— У нас все в полном порядке, — ответил тот.

— А как вы оцениваете деятельность начальников этих служб, обеспечивавших батальонное тактическое учение во время проверки? — неожиданно поинтересовался С. Л. Соколов. — И лично свою роль?

— Хорошо! — уверенно ответил Губарев.

— Что значит «хорошо»? — спросил генерал. — Поясните, пожалуйста.

— Ну, все говорят, что учение прошло хорошо, — пожал плечами Губарев. — Стало быть, и мы поработали неплохо.

Слушая этот диалог, некоторые офицеры выказывали недоумение. «А, собственно, о чем речь? — можно было угадать по выражению их лиц. — Ведь учение было с танко-

вым батальоном, а не с подразделением тыла? И заместителю по тылу быть на нем вовсе не обязательно!»

— Учение в целом прошло неплохо, — поддержал Губарева и командир части. — Танкисты ни в чем не испытывали недостатка и действовали с полной отдачей сил: метко стреляли, хорошо водили боевые машины, умело решали тактические задачи...

— Да, это так, — согласился генерал. — Но та же комиссия отметила, что такие важные элементы действий, как порядок дозаправки танков боеприпасами и горючим, организация питания в полевых условиях, оказание членам экипажей первой медицинской помощи и устранение характерных технических неисправностей в ходе боя, на том учении почти не отрабатывались. А личный состав обучен этому слабо.

— Так подсказал бы кто-нибудь, в чем пробел, и мы поднатаскали бы танкистов прямо на материальной части! — сразу сбавил тон Губарев.

С. Л. Соколов молча развернул Устав внутренней службы. Полистал его, отыскивая нужную статью, затем показал один из параграфов заместителю командира по тылу:

— Видите! Вы же обязаны проводить такие занятия с офицерами полка! Причем — лично и без всякой подсказки со стороны. Что же касается наглядности... Действительно, их лучше всего проводить на материальной части в поле, на тактическом фоне. Да еще одновременно с отработкой других учебных вопросов и нормативов, так сказать — в комплексе. Вот и планируйте такие занятия сами при всех выходах танкистов в поле.

— Есть, планировать, — только и мог сказать на это Губарев.

Виновато промолчал и командир полка. Да и что тут возразить? Действительно, на таких вот «мелких» учениях специалисты тыла обычно не присутствовали. Стало быть, ни командиров подразделений, ни личный состав практике материального и технического обеспечения не учили.

В последующем Губарев сделал правильные выводы из того разговора. Он стал принимать самое непосредственное участие в планировании боевой подготовки танкистов. И при всякой возможности лично проводил занятия и инструктажи по учебной тематике служб снабжения. Естественно, польза от этого оказалась большой. Да и другие командиры строже стали контролировать состояние техники и вооружения, наличие материальных средств. Я по достоинству оценил это, побывав в одной из мотострелковых частей.

Поднятая по тревоге, она совершала трудный и длительный марш в район учения. Новый ее командир офицер В. Ф. Толубко, прибывший недавно в Группу после окончания военной академии, очень переживал за исход марша и вникал буквально в каждую мелочь. Однако из подразделений пока докладывали, что у них все в порядке. Под конец даже мне показалось, что командир излишне опекает своих подчиненных, требуя докладов по вопросам, входящим в их непосредственную компетенцию. И тут один из офицеров вдруг доложил, что у него в батальоне отстали две специальные автомашины. В. Ф. Толубко приказал срочно выяснить, в чем дело. Выяснили. И оказалось, что причина поломки — несоблюдение правил осмотра техники на марше. Проверка также показала, что некоторые автоцистерны, заполненные горючим, по недосмотру начальника службы снабжения ГСМ офицера Ольнева не имели канистр с маслом.

Пришлось принимать срочные меры. Объявили большой привал. Провели техосмотр транспорта. Послали машину за маслом. Развернули одну из ремонтных летучек для устранения неисправностей... Потраченное на это время возместили лишь к концу марша. Зато ни одна машина не вышла потом из строя в период многодневного учения. Подчиненные же офицера Толубко получили в тот раз весьма предметный урок внимания к вопросам, от которых зависит боеспособность части, а капитан Ольнев к тому же и строгое внушение...

Многогранность и сложность задач тылового обеспечения выявляла своеобразность отношения к ним командиров. Сиюминутность волевых решений у большинства и здесь уступала место вдумчивой работе, когда семь раз отмеряют, а один — отрезают. Это со временем почувствовали и специалисты тыла. Вот один лишь штрих для примера.

В ходе инспекции в соединении, которым командовал С. К. Куркоткин, вступал в должность прибывший по замене офицер тыла К. В. Буланов. Естественно, обо всем старался расспросить своего предшественника. Под конец спросил его:

— Ну а как командир?

— Командир как командир, — подумав, ответил тот. — Танкист с довоенных лет. Любит технику и бережет людей. Отсюда и его спрос со служб тыла, и внимание к ним...

— Что, копается в мелочах? — насторожился Буланов.

— Напротив. Доверяет специалистам тыла и охотно поддерживает любое полезное дело. Если, конечно, оно реально

и заслуживает внимания. А вот с легковесными идеями лучше к нему не ходи. Выслушает внимательно. Задаст два-три вопроса. А потом одной фразой срежет наповал: покажет, что предложение твое основано не на расчетах, а на эмоциях и проблем не решает. Правда, бывает, и сам подбросит при этом дельную мысль. Но тогда уж, будь добр, к следующему разу обмозгуй ее со всех сторон и преврати в рабочую гипотезу, а не в предмет для пустых разговоров...

Слушал я этот диалог и думал, что за таким вот словесным портретом легко угадываются реальные черты многих наших передовых командиров. Они не терпят пустой болтовни. Приучены искать и находить главное звено в работе. Умеют квалифицированно решать любые вопросы, за которые отвечают, в том числе и по службе тыла. А сама фраза «командир как командир» приобрела вдруг оттенок высокой и во многом обобщенной характеристики...

Серьезный подход к делу командиров дисциплинировал и офицеров тыла, поднимал их личную ответственность за образцовое обеспечение и устройство войск, обязывал постоянно совершенствовать свои профессиональные качества.

Здесь уместно, на мой взгляд, рассказать о стиле работы штаба тыла Группы вообще. Он во многом был необычен по причине весьма своеобразного руководства штабом со стороны генерала Н. П. Анисимова. Кстати, именно в те дни стало известно о его переводе на новую должность — в аппарат Тыла Министерства обороны СССР. И эта новость не могла не огорчить нас. Николай Петрович удивительным образом умел активизировать творческую обстановку в коллективе. Никогда не повышая голоса, он излагал любое задание как просьбу, но каждый воспринимал ее с чувством особой ответственности. Это, конечно, не значило, что генерал не замечал недостатков в работе и слабых сторон у людей. Внимательно изучая подчиненных, он хорошо знал деловые возможности каждого и всегда мог предугадать, как тот или иной офицер поведет себя в сложной обстановке. Однако не допускал на этой почве различий во взаимоотношениях, разве что старался больше помочь тем, кто мог допустить ошибку, спасовать перед трудностями.

Предусмотрительность вплоть до прозорливости — вот что было особенно ценной его чертой. Генерал не только мог в деталях предугадать, в каких условиях и как будет решаться та или иная сложная и срочная задача. В соответствии с ее особенностями он подбирал и исполнителей — обычно людей трудолюбивых и энергичных, не боящихся трудных положений и личной ответственности. Если же и

случались иной раз неудачи, то свое осуждение генерал выражал не разном проинившегося, а весьма красноречивым молчанием. И оно воспринималось человеком как самый строгий выговор. Проходило какое-то время. Виновник казнил себя в душе за свои промахи, снова и снова анализировал ошибки и при следующем выезде в войска делом доказывал свою квалификацию. И такие «доказательства» Николай Петрович охотно принимал, полностью возвращая офицеру свое расположение и доверие.

Сам Н. П. Анисимов большую часть служебного времени работал в войсках. В штабе появлялся всего раз или два в неделю, да и то на несколько часов. Многие указания по текущим вопросам мы получали от него из войск по телефону. Такой стиль работы заставлял и начальников служб чаще выезжать в части и соединения. Поэтому мы всегда детально знали положение дел в них и могли своевременно реагировать на все запросы.

Правда, подобная практика несколько осложняла работу самого штаба тыла. Приходилось постоянно держать связь с Николаем Петровичем, уточнять его решения по тем или иным вопросам, отдавать от его имени ответственные распоряжения. Но в таких порядках было и много положительного. Главное — штаб привыкал к самостоятельности. Нам, его работникам, приходилось чаще бывать у главкома и начальника штаба Группы, у члена военного совета и начальников родов войск. Ближе общаясь с этими опытными, наделенными большой властью людьми, мы более кардинально и оперативно решали многие вопросы, получая указания, что называется, из первых уст. Естественно, прежде чем доложить о них Н. П. Анисимову, приходилось заранее тщательно продумать и способы выполнения очередного приказа.

Николай Петрович, как я уже упоминал, был очень внимательным и чутким начальником. Как-то, месяца через два после моего прибытия в Группу, он узнал, что моя жена родила вторую дочь. И тут, несмотря на большую мою загруженность по службе, буквально приказал мне выехать в Калинин и провести семью. Супруга с детьми снимала небольшую комнатку без всяких удобств. Было ей, конечно, трудно. Но такова уж доля офицерских жен — основную тяжесть семейных забот принимать на себя.

Я пробыл в Калининне около двух недель. Удалось покончить с главным вопросом — перевезти семью в Ленинград, к родителям жены. Одновременно по совету товарищей, проходивших службу в академии тыла и снабжения

(«Попробуй, пока знания свежие. Может, и пригодится»), сдал кандидатский минимум—по иностранному языку и оперативному искусству. Возвратился в Группу войск в прекрасном настроении и с ходу включился в работу.

С генералом Н. П. Анисимовым, особенностями его работы мы свыклись настолько, что внезапный его отъезд восприняли с тревогой. Еще ведь неизвестно, как поведет себя новый начальник. Сохранит ли все то хорошее, чем мы дорожили, или же все переиначит на свой манер. Порой, нечего греха таить, смена руководителя довольно чувствительно сказывается на жизни того или иного коллектива: будоражит людей, в чем-то существенном нарушает привычный ритм их работы и даже установившуюся систему в ее оценках. Требуется определенное время, чтобы люди привыкли к новым требованиям и просто к характеру нового начальника, даже если тот — человек незаурядных деловых и душевных качеств. А ведь бывает и так, что преемник уступает своему предшественнику и в том, и в другом и все же круто ломает заведенные до него порядки, в любом деле начинает «мести» по-своему.

Помню такой случай. Кандидатуру одного из моих сослуживцев предложили рассмотреть на высшую должность. Дело в военной службе естественное, и мы были рады за товарища. Правда, возникало и сомнение: а справится ли он? Как специалист офицер был вполне на высоте. А вот взаимоотношения с людьми усложнял до крайности. Бывало, на учениях взвинтит до предела себя, внесет нервозность в работу всех подчиненных, а потом, когда все страсти улягутся, ходит как ни в чем не бывало: задание-то выполнили!

Один из кадровиков, приложивших руку к его выдвижению, даже сказал однажды: «Работает человек как зверь». А мне подумалось: «Сам-то работает, а вот у подчиненных все из рук валится...»

К счастью, новый начальник тыла — генерал-лейтенант С. Я. Рожков оказался человеком, хорошо знающим не только дело, но и психологию людей. По стилю работы он во многом напоминал Н. П. Анисимова. Столь же умело расставлял специалистов тыла при решении сложных задач. Сочетал контроль за деятельностью подчиненных с щедрой помощью. Да и общительный характер, умение легко войти в контакт с людьми располагали к нему. Словом, мы не ощутили особых перемен в микроклимате нашего коллектива.

Новый начальник сразу с головой ушел в работу. Старался везде побывать и лично ознакомиться с результатами инспекции. Как новому человеку, это было ему просто необходимо. В поездках по войскам мне нередко приходилось сопровождать его.

Как-то возвращались из отдаленной тыловой части, где присутствовали на партийном собрании. Машина, шурша шинами, мчалась по автостраде. Генерал, погруженный в свои мысли, молча смотрел на дорогу. Потом неожиданно повернулся ко мне и сказал:

— Иногда, подчеркивая трудолюбие человека, мы говорим: «Работает не считаясь со временем». Сказать так об офицере штаба — значит оскорбить его! Нельзя ему работать не считаясь со временем! Умение в определенный срок выполнить определенную работу — один из основных критериев профессиональной подготовки офицера штаба и всякого специалиста тыла!

Я, разумеется, согласился с ним. Оказалось, в эти минуты мы думали об одном и том же — о прошедшем партийном собрании. Там как раз шла речь о рациональном использовании рабочего времени. Генерал упрекнул некоторых коммунистов, что они недостаточно глубоко анализируют вскрытые инспекцией недочеты, медленно внедряют передовой опыт работы. Для наглядности рассказал о двух начальниках складов медицинского имущества. Оба работают в одинаковых условиях. Однако если на одном складе инспекция обнаружила массу недостатков, то другой отметила с наилучшей стороны. Даже при значительно большей, чем у соседа, номенклатуре медикаментов начальник этого склада капитан Соловьев навел идеальный порядок; он полностью удовлетворяет все потребности войск в медицинском имуществе и в установленные сроки освежает их запасы. Секрет простой — офицер работает очень организованно. У него и заявки из частей поступают своевременно. И учет материальных ценностей налажен образцово. И каждый подчиненный заранее знает, что именно и как будет делать в очередной рабочий день. Ничего подобного не заведено на соседнем складе. Работают много. С аврами. Но суматошно, бестолково. Отсюда и упущения...

— Некоторые офицеры в свое оправдание говорят — они, мол, не успевают потому, что перегружены, — сказал на собрании С. Я. Рожков. — Но ведь проверки показывают, что там, где работа четко планируется, коммунисты успевают сделать все и даже больше нормы. Просто к рабочему времени относятся бережнее и любое дело исполняют

продуманно, не тратя лишних часов и сил. Регулярная сверхурочная работа плоха уже тем, что ее часто делают по принуждению спустя рукава. Поэтому я — за плановость, постоянную собранность и пунктуальность. Не теряйте этих качеств, товарищи. Напротив, постоянно развивайте их. Вот и инспекторская проверка, ее результаты ратуют за то же самое...

Получилось так, что мне нередко приходилось в тот период замещать начальника штаба тыла Группы полковника И. И. Савича. Он часто болел или отсутствовал на выездах в поле из-за командировок в дальние гарнизоны. Поэтому многие задачи по тыловому обеспечению, в том числе весьма срочные и серьезные, приходилось решать самостоятельно.

Как-то, еще до приезда инспекции, меня неожиданно вызвал к себе начальник штаба Группы генерал-полковник С. М. Штеменко, сменивший в свое время С. П. Иванова.

— Поскольку ваш начальник отсутствует, — корректно начал Сергей Матвеевич, — то я попрошу вас лично заняться подготовкой распоряжений подразделениям, получившим специальные задачи.

И он подробно объяснил затем суть дела, подчеркнув важность срочной подготовки документов.

— Надежные помощники, надеюсь, найдутся? — поинтересовался под конец генерал.

— Офицеры штаба тыла у нас опытные, любая задача по плечу, — заверил я.

— Вот и хорошо. Приступайте к делу!

Чтобы хорошо выполнить задание, пришлось выехать в войска. Изучив обстановку, сделали необходимые расчеты, затем сели за разработку распоряжений. Потрудились на совесть, документы понравились С. М. Штеменко.

Этот случай, как и ряд других, когда приходилось выполнять личные указания начальника штаба Группы, связанные с поездками в войска и организацией различных перевозок, видимо, сыграли определенную роль в оценке перспектив дальнейшей моей службы. Когда к С. М. Штеменко попала на доклад моя аттестация (как раз был период аттестования офицеров), он собственноручно приписал на ней вывод о моей пригодности к работе в высших штабах. Этот вывод, как я догадываюсь, и учли позже кадровики, о чем расскажу в следующей главе.

Теперь же опять вернемся к работе инспекции. Как уже говорилось, ее интересовало множество вопросов — проверка была серьезной, всесторонней. И все же было заме-

чено, что особо тщательно наши экзаменаторы фиксируют временные показатели в практических действиях войсковых и тыловых специалистов. Правда, иной раз даже трудно было понять, что именно их интересует. Бывало, на учении замешкается кто-то или подведет оборудование — ну и результат соответственно низкий. Однако вместо того чтобы без лишних разговоров вписать это в акт, проверяющие начинали искать причины заминок, даже помогали в их устранении. А покажут те же воины-специалисты рекорд — опять начинаются вопросы: «А как вы обычно работаете?», «А по каким показателям согласуете свои действия с соседями?» и т. д. И все это — с самым бесстрастным видом! и не поймешь, чего от тебя добиваются.

— Странная инспекция! — сказал как-то знакомый командир части. — Сколько я их перевидал, и все следовали одному правилу — побольше вскрыть недостатков. А эти словно эксперимент какой ставят — все вымеряют, взвешивают, сравнивают...

Разумеется, командованию Группы очень хотелось пораньше узнать о вскрытых недочетах. Но как? Все наши попытки в этом направлении ни к чему не приводили. Члены комиссии отвечали односложно: «Скажет сам маршал Говоров».

Но мы-то хорошо знали, что до поры до времени и от маршала лишнего слова не услышишь. Л. А. Говоров оставался таким же «молчуном», каким его знали, по рассказам очевидцев, многие, в том числе и я, еще по Ленинградскому фронту. Приходилось терпеливо ждать итогов проверки. Однако кое-что прояснилось чуть раньше...

В прошлом артиллерист, Л. А. Говоров по-прежнему с большой симпатией относился к этому роду войск. И не случайно именно артиллеристы первыми заметили особый интерес инспекции к выполнению нормативов при стрельбе, переводе орудий из одного положения в другое, развертывании батарей с марша и в других действиях. Хотя отработке нормативов в Группе уделялось должное внимание, командование сразу насторожилось. «Видно, инспекция стремится выявить все резервы для повышения эффективности использования оружия и техники, — решило оно. — А раз так, пойдем навстречу: организуем массовое соревнование за перекрытие нормативов!»

Так и сделали. Провели разъяснительную работу, зажгли людей, дали команду. И вот появились хронометры в руках у всех руководителей занятий и их начальников, и начались напряженные тренировки. У нас, например, в

службах тыла развернулось соревнование по сокращению сроков дозаправки танков и автомашин, развертыванию и свертыванию тыловых подразделений в поле, совершению маршей.

Все это, безусловно, дало свои результаты. Однако маршал Говоров, узнав о такой кампании, нарушил свою молчаливость и пояснил, что в данный момент его интересуют вовсе не рекорды и отнюдь не предельные возможности вооружения и людей. Суть его рассуждений сводилась примерно к следующему. Сейчас очень важно научно обосновать оптимальные нормативы всех действий, особенно по новым видам оружия и техники. Чтобы ритм боевой работы определялся объективными показателями, а не данными, взятыми с потолка. Лишь на основе точных цифровых данных можно тесно согласовать взаимодействие всех сил и средств на поле боя по времени и месту, а также повысить качество обучения специалистов путем организации методически обоснованных тренировок.

— Это, конечно, не исключает необходимости соревнования на занятиях, — заметил маршал. — Просто главная наша цель — выявить исходные данные для наилучшего согласования системы «человек — техника».

Эти его слова прояснили и такой эпизод. Как-то на полигоне в присутствии Л. А. Говорова командир одной части начал было отчитывать двух офицеров за то, что их стрелки отстают в наступлении от танков.

— Ну и что, что отстают! — возразил маршал. — Танки и должны наступать впереди! Это на первых порах минувшей войны, когда танков не хватало, они чаще всего действовали в боевых порядках пехоты для непосредственной ее поддержки. А теперь, когда скорости в бою возросли, попробуй-ка пешком угнаться за танком!

Спокойно, немногословно он пояснил свою мысль. Пока у пехотинцев нет специальной закрытой машины для ведения боя и преследования противника, надо шире использовать десанты на танковой броне. И вообще более гибко маневрировать силами — где бросать вперед танки, а где выдвигать стрелков. Одновременно и на одной линии огня их можно использовать лишь кратковременно, например при атаке переднего края обороны противника.

Этот случай, на мой взгляд, свидетельствует о том, что маршал Говоров старался судить о возможностях войск весьма объективно, исходя из действительного уровня их технической оснащенности и чисто физических возможностей. Появление нового оружия привело к пересмотру мно-

гих устоявшихся взглядов на организацию и боевое использование различных родов войск и специальных войск. Однако некоторые из новых теорий и взглядов, будучи верными по существу, не всегда учитывали реальные возможности войск по совершению стремительных маршей, выполнению большого объема инженерных работ, тыловому обеспечению крупных группировок войск в короткие сроки и т. д. Инспекция маршала Говорова как раз и занималась научным обоснованием способности людей и техники успешно действовать в новых условиях обстановки.

Инспекция внесла ряд предложений по уточнению многих нормативов и переработке устаревших уставных положений. Причем не только по боевой подготовке, но и по некоторым организационным вопросам и проблемам материального обеспечения. В связи с этим руководство Группы приняло решение глубоко проанализировать всю организацию боевой учебы, чтобы повысить методическую ее основу и в целом — эффективность. В тыловых подразделениях и службах также пересматривались учебные программы, сокращались некоторые нормативы, более четко определялись функциональные обязанности младших специалистов и способы использования всех технических средств.

Правда, некоторые офицеры тыла поняли задачу чересчур однозначно. Они решили использовать благоприятный момент для разработки предложений по усилению своих служб. Сделали расчеты, свидетельствующие о резком увеличении объема работ в тылу по сравнению с периодом минувшей войны, затем подготовили обоснования для пересмотра некоторых штатных расписаний и увеличения поставок специальной техники.

Когда таким офицерам указали на партийном собрании, что организационные изменения — не самый рациональный путь к повышению боеспособности подразделений, то некоторые из них попытались оспорить мнение коллектива. Особенно трудно было переубедить представителей складского, ремонтного и других громоздких хозяйств. После войны объем работы в них действительно заметно возрос в связи с оснащением войск новой техникой и оружием. Габариты некоторых образцов этой техники значительно превышали размеры существовавших ранее. Потребовалось реконструировать склады и парки, увеличить их вместимость и создать дополнительные удобства для хранения, ремонта и эксплуатации машин. Для этого, естественно, нужны были и средства и люди. Чтобы выйти из положения, на строительство парков и оборудование складов все чаще стали

привлекать солдат боевых специальностей, отрывая их от учебы. Подобную практику повсеместно осудили, а проблема осталась нерешенной.

После отъезда инспекции по поручению главкома генерал С. М. Штеменко очень внимательно ознакомился и с рекомендациями проверяющих, и с предложениями своих специалистов тыла. Однако, прежде чем принять какое-то решение, он попросил представителей этих служб точнее прикинуть соотношение их штатного состава к численности боевых частей наших войск за период как накануне, так и в годы минувшей войны, а также по опыту зарубежных армий.

Пришлось покопаться в справочниках и документах, чтобы проверить некоторые наши расчеты и предложения. К примеру, такие службы, как артвооружение или снабжение горючим, ставили вопрос о создании специальных автотранспортных и других подразделений для обслуживания их складов. Предлагалось также в 1,5—2 раза увеличить емкости этих складов и хранилищ и количество обслуживающего персонала. В то же время явно завышались нормы необходимых запасов материальных средств, чем и мотивировались эти «заявки». Разумеется, такие и подобные им предложения не могли найти поддержки и после тщательных сопоставлений были аргументированно отвергнуты.

Чтобы определить наиболее оптимальные пути совершенствования войскового хозяйства, политуправление Группы войск во главе с новым членом Военного совета генералом П. И. Ефимовым провело собрание партактива. Повестка дня формулировалась примерно так: «О задачах коммунистов по повышению эффективности использования материальных ресурсов». Были созданы все условия для свободного и активного обмена мнениями по сложным и спорным вопросам, затрагивающим интересы многих людей. А разноречивых точек зрения, как уже говорилось, было много. Кто-то даже отстаивал идею о сокращении служб тыла до того минимума, который способен обеспечить повседневную жизнь войск на зимних квартирах. А для обеспечения полевых занятий и учений нужно, мол, создавать временные органы и подразделения тыла.

Партактив обстоятельно обсудил все эти мнения. В выступлениях руководящих и рядовых коммунистов подчеркивалась мысль, что солдаты тыла — те же воины. Стало быть, и они должны серьезно учиться военному делу, осваивать новую технику и оружие, грамотно действовать в общевойсковом бою. Вместе с тем им всегда надлежит быть

готовыми бесперебойно обеспечивать войска всем необходимым для успешного ведения такого боя. Выходит, никоим образом нельзя надолго отрывать их на строительство парков, складов, хранилищ. Сооружение и реконструкцию этих объектов необходимо вести планоно, силами специальных строительных подразделений. Отнюдь не везде следует создавать и подсобные подразделения, как и увеличивать обслуживающий персонал. Расширять фронт работ при выдаче материальных средств со складов и хранилищ, повышать производительность труда младших специалистов тыла надо прежде всего за счет механизации трудоемких и тяжелых операций. А для этого серьезно заняться техническим оснащением объектов тыла, дать простор творческой инициативе рационализаторов, оперативнее осуществлять обмен опытом, позволяющим экономить труд, время и энергоресурсы.

Были изложены и другие рекомендации по совершенствованию материальной базы войскового хозяйства. Что касается нормативов в работе специалистов тыла и изменений в структуре его органов, то общее мнение было таково: их надо совершенствовать далее с учетом возрастающей мобильности боевых родов войск и повышения технической оснащенности тыла.

Чтобы определить оптимальные сроки выполнения всех рабочих операций в тылу, потребовалось создать на полигонах учебные места не только для мотострелков, танкистов, артиллеристов, но и для специалистов всех служб обеспечения. И в ряде частей они вскоре были созданы, что благотворно сказалось на специальной подготовке солдат тыла. Медленнее устранялся разрыв между производственными возможностями тыловых служб и возросшими требованиями к ним. Однако и этот процесс набирал силу благодаря неустанным поискам энтузиастов тыла и помощи со стороны командования. Мы не могли, не имели права отставать в совершенствовании своего, так сказать, рода войск. И не жалели для того ни времени, ни энергии...

Многое делалось в войсках Группы в тот период по улучшению партийно-политической работы и воинского воспитания, по укреплению интернациональных связей с населением Германской Демократической Республики. С каждым годом крепла дружба между советскими воинами и местными жителями, их взаимная уверенность в том, что процесс социалистических преобразований в ГДР необратим.

Известно, что империалисты и реакционеры всех мастей уже с первых дней образования ГДР начали вынашивать планы реставрации капиталистических порядков в республике. Несколько лет они конили силы и вели самую изощренную подрывную работу, стараясь ослабить экономические основы молодого государства и поколебать моральный дух его граждан.

Наконец, по их убеждению, наступил удобный момент для того, чтобы открыто выступить против основ социализма в ГДР и политики Социалистической единой партии Германии, возглавившей строительство новой жизни в стране. Сигналом для полной дезорганизации порядка и массовых выступлений «пятой колонны» должны были послужить бесчинства и хулиганские акции в столице ГДР, запланированные на «день Икс» (как стало потом известно — на 16 июня 1953 года). В зависимости от развития событий не исключалось, по мнению натовских стратегов, и военное вмешательство в конфликт западных держав — с целью военной оккупации ГДР и присоединения ее к территории Федеративной Республики Германии. Таким образом, одновременно готовился к осуществлению и явно агрессивный замысел — провести своеобразную «инспекцию» советским войскам, дислоцированным в ГДР.

В операции «дня Икс» решающая роль отводилась Западному Берлину. Он являлся центром всей шпионско-диверсионной деятельности иностранных подрывных организаций не только против ГДР, но и против всех европейских социалистических стран. Империалистические службы засылали в Западный Берлин своих агентов, доставляли им радиоаппаратуру, оружие, взрывчатку, а потом перебрасывали их на территорию ГДР и дружественных с ней соседних государств. Немалая часть агентов и террористов была завербована секретными службами с помощью подкупа и шантажа в западноберлинских лагерях перемещенных лиц, а также из числа жителей восточного сектора Берлина — путем угроз и наглой компрометации при посещении ими Западного Берлина.

Главная ставка делалась на явный и скрытый саботаж и всякого рода преступления. Агенты разведывательных и подрывных служб занимались политическим, экономическим и военным шпионажем, а их террористические группы устраивали взрывы и пожары, похищали и убивали функционеров СЕПГ, активистов профсоюзов, передовых рабочих и служащих народных предприятий ГДР.

В подрывных и иных центрах Западного Берлина под-

делывались бланки и печати государственных органов и учреждений, общественных организаций и народных предприятий ГДР, фабриковались фальшивые распоряжения, циркуляры и деловые письма и распускались лживые слухи с целью дезорганизовать экономическую жизнь страны, нарушить общественный порядок, посеять недовольство и панику среди населения. Используя эти и подобные им методы, диверсанты из так называемой «группы борьбы против бесчеловечности» осуществляли вредительские акции на многих участках производства, наносили существенный ущерб развитию торговли с ФРГ и другими западными странами, шантажировали и запугивали ученых и специалистов ГДР, принуждая их к переходу на Запад.

Весомую лепту в это черное дело вносила и другая подрывная организация — под названием «Восточное бюро социал-демократической партии Германии», финансируемая секретными службами США и Англии. Позже, на судебных процессах, проходивших в Восточном Берлине, выяснилось, что лишь одна ее диверсионная группа в течение 1951—1952 годов совершила на территории ГДР множество злодеяний: портила продукты питания, выводила из строя машины на крупных заводах и электростанциях, устраивала крушения на железнодорожных путях...

Резко возрастало число инцидентов и на границе между Западным и Восточным Берлином. В вечерние часы и по ночам группы хулиганствующих элементов устраивали дикие шашни в этой зоне. На глазах бездействующей западноберлинской полиции они врывались на территорию столицы ГДР, приставали с оскорблениями или листовками провокационного содержания к прохожим, нападали с оружием на народных полицейских, громили и поджигали магазины государственной и кооперативной торговли, другие учреждения народной власти. Инициаторами этих актов насилия были опять-таки руководители террористических организаций. С помощью подачек и обещаний они вербовали из большой армии безработных Западного Берлина деморализованных, опустившихся на социальное дно людей, готовых за деньги совершить любую мерзость.

Провокаторы все больше нагнали в попытках развязать открытые военные столкновения. 25 декабря 1952 года на советский военный патруль, несший службу на границе с западноберлинским районом Фронау, напала группа из 40 западногерманских полицейских. И разумеется, получила должный отпор, причем один из полицейских стал жертвой собственной провокации. Буржуазная пресса «фронтового

города» (Западного Берлина) подняла в ответ истерическую кампанию, призывая «к отмщению». В результате подстрекательства 30 декабря на Бэмштрассе (переименованной позже в Гельмут-Юстштрассе) западноберлинскими террористами был подло убит из засады унтер-вахмистр Народной полиции Гельмут Юст. В подобной взрывоопасной обстановке советские войны максимально повысили бдительность и боеготовность: от провокаторов с Запада можно было ожидать всего.

Вот почему уже 31 декабря 1952 года председатель Советской контрольной комиссии в Германии генерал армии В. И. Чуйков предупредил верховных комиссаров западных оккупационных зон, что они несут полную ответственность за преступные вылазки такого рода, и потребовал немедленной ликвидации шпионских, диверсионных и террористических центров в Западном Берлине. Кстати сказать, такие же требования В. И. Чуйков предъявил западным верховным комиссарам еще за три месяца до этого инцидента. Но и тогда и теперь те не приняли никаких мер к обузданию провокаторов, отрицая хорошо им известные факты шпионажа и терроризма и фарисейски утверждая, что «подобная деятельность в демократических странах является нормальной частью их повседневной жизни».

Обстановка еще больше обострилась 14 января 1953 года. Было прервано трамвайное движение на всех двенадцати линиях, ведущих в Западный Берлин, под явно вымышленным предлогом, будто вагоновожатые из ГДР не обеспечивают «достаточной безопасности движения».

Достигла своего апогея и враждебная пропаганда, которая непрерывно велась по всем радиоканалам и со страниц всех печатных изданий Западного Берлина. Особенно усердствовали радиодиверсанты из РИАС — американской радиостанции, обладавшей тогда одним из самых мощных передатчиков в Центральной Европе. По признанию американского «Справочника психологической войны», руководство РИАС разработало специальную «стратегию конструктивного переворота, техники открытого заговора» против ГДР.

Инициаторы «холодной войны» считали, что наступил благоприятный момент для перехода к заключительному ее этапу. К 9 июня 1953 года многочисленные западные политики, военные специалисты и эксперты «по Востоку» уже сосредоточились во «фронтном городе».

По плану готовившегося путча беспорядки и забастовки в Берлине предстояло превратить во «всеобщее народное восстание» в ГДР. На этом этапе предполагалось провоз-

гласить «правительство без СЕПГ», то есть явно контрреволюционное правительство, готовое обратиться к западным державам за прямой военной помощью. Правда, инициаторы «дня Икс» рассчитывали на молниеносное действие, с тем чтобы поставить перед фактом переворота командование советских войск в ГДР и тем самым исключить любые ответные меры. В Западный Берлин в срочном порядке были даже вызваны боннские министры и депутаты бундестага, чтобы немедленно «взять власть в свои руки».

Планы заговорщиков и диверсантов по организации «дня Икс» разрабатывались и корректировались весьма тщательно. Предполагалось использовать в своих целях все факторы обстановки, все предпосылки к успеху. Взвешивалась каждая мелочь, способная нарушить запланированный ход событий, дублировались подрывные акции и их исполнители, согласовывались время и место «решающих» ударов по государственному и партийному аппарату республики, еще не имевшей к тому времени своих вооруженных сил. И все же в этих планах оказался очень крупный просчет. Все эти враги народного строя в ГДР, помышлявшие свергнуть его путем «народного восстания», не могли точно учесть одного — какую позицию займет в этих событиях сам народ, то есть рабочие и крестьяне ГДР, новая интеллигенция, молодежь. А ведь именно этот фактор приобретал решающее значение в предстоящей борьбе, классовый характер которой был совершенно очевиден.

После окончания второй мировой войны в Европе прошло уже восемь лет. И трудящиеся массы ГДР бесповоротно избрали к тому времени для себя и своей республики единственный — социалистический путь развития. Первые шаги на нем были сопряжены с большими трудностями. Однако немецкие рабочие и крестьяне уже воочию увидели и те преимущества, которые дает им и их детям народная власть. И теперь никакая сила не могла помешать им идти к избранной цели.

Что же касается угроз, раздававшихся с Запада, — уничтожить ГДР силой оружия, то трудящиеся массы ни минуты не сомневались и в другом — в интернациональной помощи, которую им безусловно окажет в этом случае Советская Армия. За все послевоенные годы восточные немцы давно уже поняли, что советские солдаты — их надежные друзья и защитники, бескорыстные помощники в строительстве новой жизни.

Об этом убедительно свидетельствовали сотни фактов из их повседневной жизни и высказывания многих извест-

ных борцов против фашизма, деятелей науки и культуры нового германского государства. В частности, восточным немцам были хорошо известны слова на этот счет видного писателя ГДР Ганса Фаллады, в прошлом бургомистра города Фельдберг, обращенные к советским солдатам: «Где и когда видано это было, чтобы армия-победительница была так великодушна и добра к побежденному народу?.. Четыре года вы не знали ни сна, ни отдыха, не раз смотрели смерти в лицо... Тысячам смертей! Вы должны были озвереть, сердца ваши должны были стать булыжниками... А что я увидел? Я увидел одержимых комендантов, которые ни себе, ни мне не давали покоя, пока не откроется еще одна булочная для немцев, пока не пустят электростанцию, открывают кинотеатры, пока не завезут продукты в детскую больницу...»¹

С тех дней, о которых вспоминал Ганс Фаллада, прошли годы. Но гуманизм и великодушие, постоянная готовность русских, как называли немцы всех советских воинов, только росли. И жители ГДР приводили в пример десятки случаев, когда советские военнослужащие, рискуя жизнью, спасали немецких граждан во время пожаров, наводнений и других бедствий. Об этом же с благодарностью извещали немецкие газеты.

Кстати, весной 1952 года я сам видел в одном из наших госпиталей, как молодая немецкая супружеская пара навзрыд плакала от счастья, обнимая и благодаря советского военного врача за спасение их сына. А врач, как мне рассказали, действительно совершил чудо. Малыш пяти лет, попавший под колеса немецкого грузовика, трижды перенес клиническую смерть, прежде чем черную ее тень отвел наш военный хирург. Четыре года выхаживали немецкого мальчика в советском военном госпитале. И поставили на ноги. Такое разве забывается?..

А какую великую благодарность высказывали жители городов и сел русским солдатам за помощь в восстановлении жилых домов и предприятий народного хозяйства, в ремонте и строительстве дорог и других объектов. Наши воины работали не жалея сил, сознавая, что тем самым они вносят свою лепту в созидание общества, свободного от гнета и эксплуатации, помогают братьям по классу и духу вступить в новую жизнь.

¹ Вайс Г. Утром, после войны. — Новый мир, 1972, № 10, с. 204.

Картины крепнувшей дружбы и взаимопонимания между личным составом ГСВГ и жителями ГДР мы видели столь часто, что перестали удивляться переменам, которые за короткий срок произошли в психологии восточных немцев. Хорошее их отношение к нам мы считали вполне естественным, поскольку никогда не чинили малейшего зла гражданам ГДР, напротив — творили только добро. Поэтому особенно и не задумывались над вопросом, за кем пойдут трудящиеся массы республики в критический момент противоборства двух сил — за противниками или сторонниками социализма? И не заменят ли они в этой ситуации хорошее отношение к нам, воинам Армии Советской, на скрытую или явную неприязнь?

Признаюсь, у меня лично такие мысли стали возникать лишь в начале лета 1953 года, когда провокационная возня в Берлине и вылазки террористических групп в разных местах ГДР стали приобретать зловещий характер. По мере приближения «дня Икс» все более разнузданной становилась и пропагандистская шумиха. Однако граждане ГДР сохраняли спокойствие и трудились как обычно. Мы также занимались плановой боевой и политической подготовкой, не снижая готовности к любым непредвиденным событиям. И вот...

На рассвете 16 июня я был срочно вызван к генералу С. Я. Рожкову. Несмотря на ранний час, все офицеры были уже на местах, и в штабе царил деловая атмосфера.

— Ну вот, кажется, и настал «день Икс», — поздравившись, сказал генерал. — Только что сообщили, что в восточную зону Берлина через кордоны Народной полиции прорвались первые группы зачинщиков беспорядков. Возможна и открытая военная провокация со стороны Запада. Мы, естественно, принимаем меры, чтобы ее не допустить. Пусть трудящиеся ГДР сами решают свою судьбу, причем в спокойной обстановке, а не под дулами натовских пушек...

Столь же спокойно он попросил меня возглавить автоколонну с горючим и боезапасом и привести ее в учебный центр, где находилось одно из танковых соединений. В связи с развитием событий его командиру поставили соответствующую задачу лично главком и член Военного совета.

Через четверть часа я уже следовал с колонной в назначенный пункт. В голове роились тревожные мысли. Неужели ростки новой жизни, расцветшие и на немецкой земле, будут вытоптаны бесчинствующими молодчиками? Неужели заправилам НАТО удастся зажечь в центре Европы очаг новой войны? Неужели найдутся люди и в ГДР,

готовые вновь взять оружие в руки и опять сеять смерть и разрушения?

И тут я невольно вспомнил знакомого ленинградца, того самого, который провожал меня на вокзале по пути сюда. И мысли, как говорится, потекли вспять. Снова вспомнились те далекие уже дни апреля и мая 1945 года, когда по специальному решению Советского правительства для немецких детей доставляли в Берлин молоко, другие продукты, готовили пищу в солдатских кухнях. И это тогда, когда в подвалах берлинских домов еще прятались изверги, повинные в гибели многих тысяч маленьких ленинградцев. Среди них была и девочка Таня Савичева. В Музее обороны Ленинграда я видел ее дневник и напому читателям эти записи. Вот они:

«Женя умерла 28 декабря в 12.00 час. утра 1941 г». «Бабушка умерла 25 янв. в 3 час. дня 1942 г». «Лека умер 17 марта в 5 час. утра 1942 г». «Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи 1942 г». «Дядя Леша — 10 мая в 4 ч. дня 1942». «Мама — 13 мая в 7.30 час. утра 1942». «Савичевы умерли». «Умерли все». «Осталась одна Таня».

Девять страничек — страшные свидетельства смерти всех самых дорогих для двенадцатилетней Тани людей. В муках ушла из жизни и Таня. Но скорбные строки ее дневника всегда будут взывать к честным людям на земле укором, болью, предостережением. Люди, остановите новую войну! Будьте бдительны!..

...По обе стороны от дороги мелькали пустынные, несмотря на разгар летних работ, поля. Несколько раз мы проезжали через безлюдные деревни. Нигде ни души. Настороженную тишину нарушал лишь гул наших моторов. Да, агенты и провокаторы постарались вовсю! Они безусловно уже побывали в каждой такой деревне, страдая крестьян. Впрочем, в такой день, быть может, самое благоразумное — без нужды не показываться на улицах во избежание провокаций со стороны всякого отребья. А то, что симпатии крестьянства в ГДР на стороне народной власти — в этом едва ли стоит сомневаться.

Марш был длительным — более 150 километров. Двигались почти без остановок. Все водители прекрасно понимали напряженность момента и действовали с предельной отдачей сил. Глядя на их расторопные действия, ощущая их готовность выполнить самую трудную задачу, я испытывал в душе гордость за наш советский строй, вырастивший таких замечательных ребят, за наших командиров и

политработников, обучивших и воспитавших их для служения великому делу — защите мира на земле.

В учебный центр прибыли вовремя. Командир танкового соединения признался, что, задержись мы на полчаса, ему, возможно, пришлось бы приступать к выполнению полученной задачи с полупустыми баками: подвижные запасы уже истощились.

Сигнал боевой тревоги застал танкистов на тактическом учении. Склады горючего и боеприпасов располагались на значительном удалении в другом районе. Конечно, можно было двинуть танки туда своим ходом. Но их марш в сторону западной границы ГДР мог послужить поводом для еще большего обострения обстановки в пограничной зоне и благодатной пищей для всякого рода измышлений и провокаций. Вот почему командование и решило доставить танкистам все запасы прямо на полигон.

Десятки танков, покрытых толстым слоем серой полигонной пыли, стояли с поднятыми кверху стволами орудий и открытыми люками моторных отделений и трансмиссий. Экипажи приводили боевые машины в порядок: проверяли двигатели, регулировали механизмы. Нас ждали, и в скопище танков опытный глаз сразу подмечал определенную систему: одни выстроились для заправки горючим, другие — для пополнения боекомплекта. К первой колонне устремились топливозаправщики, ко второй — автомашины со снарядами. Через несколько минут тугой струей хлынуло из шлангов в танковые баки дизельное топливо, а по живым цепочкам поплыли, исчезая в башенных люках, тяжелые снаряды.

Внешне такие операции выглядят простыми, сродни тем, о которых говорят: бери больше — кидай дальше. В действительности это не так. Ведь за общими понятиями «горючее» и «боеприпасы» скрываются десятки их номенклатур со специфическими особенностями приведения в боевое положение, заправки и укладки. Тем не менее нигде не возникало ни малейшей заминки: тут показали свою квалификацию наши младшие специалисты тыла, руководившие работой.

Прямо с марша они приступили к делу без традиционного перекура и лишних слов. Правда, младший сержант Н. Гаврилов, специалист службы артвооружения, все же чертыхнулся однажды. Подсчитывая количество выданных снарядов по видам — осколочно-фугасные, бронебойные, трассирующие, зажигательные, он пробормотал что-то сквозь зубы, потом рассмеялся:

— Хорошо бы конструкторам оружия самим хоть разок лично укомплектовать боеприпасами только один танковый батальон. И пусть бы попробовали не запутаться в номенклатурах...

Его шутливо поддержал коллега из службы ГСМ:

— Да, не мешало б и некоторым спецам по горючему и смазкам вникнуть в наши трудности. А то тут и дизельное топливо, и моторное масло, и трансмиссионное масло, и солидол, и автол... Не окажись опытного человека, недолго и перепутать все это.

Что ж, в этих репликах специалистов был свой резон. Действительно, с поступлением в войска новой техники ширится и номенклатура материальных средств, усложняется процесс их пополнения. Выход один — максимальная стандартизация горючего, смазочных материалов, боеприпасов.

Время летело быстро. Вот танковые экипажи доложили о готовности к действиям. Я знал, что в эти минуты готовы были выступить по первому приказу все войска Группы. И это вселяло твердую веру в то, что все вождедения зарвавшихся политиканов и натовских стратегов, обернись они реальной угрозой для социалистических государств, получат молниеносный и отрезвляющий отпор.

В тот момент, правда, я еще не знал, что первый отпор провокаторам уже дан. И сделали это сами граждане ГДР. Утром 16 июня, как уже говорилось, банды громил и подстрекателей прорвались из Западного Берлина в восточную часть города. Они имели при себе не только холодное и огнестрельное оружие, ампулы с фосфором для поджогов и другую бандитскую оснастку, но и специальную «программу» действий.

Она-то и предписывала в первую очередь заняться подстрекательством рабочих народных предприятий к объявлению забастовки. Затем обманутых и запуганных людей следовало вывести с заводов и фабрик на улицы и организовать демонстрации под контрреволюционными лозунгами. А там уже, мечталось империалистическим диверсантам, недалеко и до междоусобной бойни, когда можно будет ударить в сполох: «Караул, наших бьют, быстрее на помощь!»

Однако подавляющее большинство рабочих восточной зоны Берлина не поддались на провокации, угрозы и посулы подстрекателей. Одни прямо говорили на собраниях и митингах, что их пытаются толкнуть на путь реставрации старого капиталистического строя, который породил в Германии фашизм и способствовал возникновению второй миро-

вой войны, покрывшей бесчестьем всю немецкую нацию. Другие предлагали немедленно создать отряды самообороны, третьи... Третьи просто не пускали провокаторов на свои предприятия.

Первый натиск контрреволюции, таким образом, не увенчался успехом. Как развивались события на следующий день, я кратко расскажу позже. А пока вернемся в учебный центр к танкистам, с которыми, кстати, мне и довелось потом побывать в Берлине.

Как уже говорилось, войны быстро изготовились к выполнению боевой задачи. Но приказ все не поступал. Используя паузу, партийно-политический аппарат соединения провел ряд воспитательных мероприятий с личным составом. Накоротке прошли партийные собрания в батальонах. В некоторых подразделениях состоялись и комсомольские собрания с повесткой: «Верность воинской присяге — первая заповедь члена ВЛКСМ». Офицеров, сержантов, солдат информировали об особенностях момента и намерениях фашистских недобитков уничтожить народную власть в ГДР, о необходимости высочайшей бдительности и психологической собранности.

Неожиданно политработник предложил и мне выступить перед танкистами с беседой. Я не удивился. В Группе войск мы, специалисты, часто проводили политзанятия в подчиненных частях, выступали перед воинами с докладами о международном положении и политике нашей Коммунистической партии. И я считаю такую практику очень правильной. Но в тот раз я на минуту растерялся: а о чем, собственно, сейчас говорить танкистам?

— Расскажите им о войне, — посоветовал политработник.

И вот собралась на полянке большая группа воинов. Расселись, затихли. Молодые румяные лица. Танкошлемы чуть сдвинуты на затылок, и я вижу русые, каштановые, черные волосы, внимательные глаза. Какой же эпизод вспомнить? И тут меня осенило.

— Я расскажу вам о героических делах лихого танкиста Михаила Егорова, — начал я. — Он воевал на Ленинградском фронте, водил в бой тридцатьчетверку офицера Ермилова. Горел в танке, был контужен, но снова возвращался в строй и садился за рычаги боевой машины. И было ему в ту пору, когда я впервые увидел его в 220-й танковой бригаде, 16 лет...

Не знаю, то ли момент для беседы был выбран особенный, то ли слушатели — сами молодые ребята — проявили

живейшую участь к судьбе юного героя, только сидели они не шевелясь, внимая каждому слову. А скорее всего, боевые дела Миши Егорова они воспринимали как пример для себя в той ситуации, которая тоже могла стать крайне опасной...

Особое впечатление на танкистов произвел эпизод, который произошел в период ожесточенных боевых действий бригады под Синявино. О нем сообщил своим читателям журнал «Смена» в очерке «Сынки», опубликованном в сентябре 1943 года.

В тот раз Миша Егоров помогал оборудовать скрытую позицию своему другу и тоже молодому механику-водителю Сергею Луканову. Выкопав в течение ночи глубокий окоп, они поставили его тридцатьчетверку на стыке оборонительных позиций двух наших стрелковых полков. Противник до этого вел себя тихо, и остальные члены экипажа у Луканова задержались в перевязочной медсанбата. В отсутствие старших по годам и званию танкистов стрелки, прикрывавшие танк с флангов, окрестили юношей «сынками».

Все началось неожиданно. На рассвете на позиции стрелков и укрытие танкистов обрушился шквал артиллерийского и минометного огня. Затем пошла в атаку гитлеровская пехота. Первый натиск отбили легко: врагу не удалось даже приблизиться к нашим траншеям. Та же участь постигла вторую и третью атаки. Но в четвертый раз немецкие автоматчики обошли танк, прорвав оборону стрелков, и теперь их очереди слышались где-то справа и сзади. И тут случилось несчастье: взрывом снаряда сорвало с катков гусеницу, забило землей ствол пулемета. Но танкисты и не помышляли об отходе. Разорвав нательную рубашку на протирку, Луканов начал прочищать шомполом канал ствола.

— Сейчас пойдут! — крикнул он Егорову. — Приготовь гранаты!

Неподалеку уже мелькали фигуры гитлеровцев, когда Миша вновь услышал четкую дробь танкового пулемета.

— Диски, давай диски! — перекрывая грохот, то и дело кричал ему Луканов.

Ствол пулемета не успевал остывать от непрерывного огня. А атакам врага не было конца. Семнадцатая... Восемнадцатая... Девятнадцатая... В двадцатую фашисты не пошли.

— А ты знал, что у нас сбита гусеница и мы не сможем отойти? — спросил после боя Мишу Егорова Луканов.

— Знал, — помолчав, ответил Миша. — Но я больше

думал о том, что мы не сможем пойти вперед, когда наступит момент контратаки...

— Через некоторое время наши войска действительно перешли в наступление, — сказал я в заключение. — И Миша Егоров продолжал свой боевой путь снова на танке комбрига...

Едва я закончил последнюю фразу — раздалась команда «По машинам». Всех моих танкистов как ветром сдуло. А я еще несколько секунд стоял на месте, пораженный столь предметной символикой того, что мы называем в политработе преемственностью боевых традиций. Да, наша армейская молодежь, думал я, если потребуется, будет вполне достойной отважных фронтовиков...

Итак, коротко о событиях в Берлине в течение 17 июня. С утра туда вновь устремились сборища уголовников, подстрекателей, агентов, провокаторов, недобитых фашистов, получивших сигнал к свержению рабоче-крестьянской власти в ГДР. Вскоре в центре города возникли первые пожары. Наймиты неофашистов били стекла в витринах, грабили магазины, громили общественные учреждения.

Однако и в этот момент на высоте положения оказались рабочие Берлина и Народная полиция. Они взяли под охрану важнейшие объекты, решительно обезвреживая зачинщиков беспорядков. Командование Группы советских войск в Германии, по согласованию с правительством ГДР, также приняло необходимые меры. Советский военный комендант установил с 13 часов 17 июня чрезвычайное положение в Восточном Берлине. В центре города появились советские танки. Они оттеснили шайки хулиганов с Унтер-ден-Линден и Лейпцигерштрассе на территорию Западного Берлина. Граница между двумя секторами города была наглухо закрыта. Тщательно задуманная акция путчистов потерпела крах.

Мне вспоминаются многие встречи с гражданами ГДР, которые происходили в те дни в Берлине. В одной из них моим собеседником оказался офицер отряда Народной полиции (послужившего потом, в 1956 году, основой для создания одной из частей Национальной народной армии ГДР) капитан Гельмут Поппе. Он немного знал русский язык, я — немецкий, и мы откровенно делились мыслями. Меня подкупали в этом человеке безусловная честность и приверженность делу строительства ГДР.

— Что они, западники, пытаются нам навязать? — гневно спрашивал он и сам же отвечал: — Снова отдать фабрики и заводы капиталистам, вернуть старые порядки, что-

бы опять поднял голову прусский милитаризм и барабаны вновь погнали немецкий народ на новую кровавую бойню? У многих из нас почти никого из родных не осталось и после этой войны. Я, как и все немцы, безмерно устал от нее и только-только начал приходить в себя. Нет, мы не хотим воевать за интересы миллионеров и политиканов. И тем более с вами, русскими. Потому что именно вы уничтожили фашизм и дали нам возможность строить новое, свободное общество.

Эта беседа с Г. Поппе не была, кстати, последней. Так случилось, что мы неоднократно в течение многих лет встречались потом и по службе. Уже в 1979 году, будучи в командировке в ГДР, я с большим сожалением узнал о том, что генерал Поппе, возглавлявший в течение ряда лет Управление тыла ННА, умер. Я тотчас поехал в управление и выразил его сослуживцам глубокое соболезнование по поводу этой утраты. Долго мы беседовали с немецкими офицерами — сослуживцами покойного. Их прекрасная специальная подготовка, верность идеям социализма, интернациональная закалка воочию убедили меня в том, что дело, которому посвятил более тридцати лет жизни убежденный антифашист и патриот новой Германии Гельмут Поппе, находится в надежных руках...

Завершая рассказ о событиях июня 1953 года в Берлине, остается лишь добавить, что в те дни личный состав ГСВГ наглядно продемонстрировал любителям военных авантур свою способность надежно оградить строительство социализма в ГДР от всех попыток реставрации капитализма и реакции. Советские воины-интернационалисты с честью выдержали и эту «инспекцию». Что касается уроков и выводов из тех событий, то командование и политический аппарат Группы войск, офицеры всех служб, включая и тыл, продолжали и в последующем уделять неослабное внимание вопросам бдительности и боеготовности советских войск, укрепления их боевого союза с Национальной народной армией ГДР.

События, связанные с «днем Икс», щедро одарили нас бессонными ночами, внезапными тревогами и той степенью усталости, которую накладывают длительные моральные перегрузки. Еще не стерлись следы беспорядков, прокатившихся по улицам Берлина, и продолжались разговоры в нашем кругу о всех перипетиях тех дней, когда в Группу прибыл начальник отдела кадров Тыла Советской Армии генерал К. Г. Рябчий. Многие почему-то связывали его приезд с недавними событиями, но поскольку лично для себя никаких изменений в службе не предвидели, тем и ограничились. Лишь кто-то из офицеров, встречавшихся с ним ранее, вскользь отозвался о столичном кадровике как о человеке внимательном к людям и в то же время весьма принципиальном.

На третий или четвертый день генерал в сопровождении офицера кадров Группы М. И. Козырева зашел в мой кабинет. Уже в годах, невысокий и худощавый, он двигался легко и быстро, говорил негромко и мало, но его цепкий взгляд словно пронизывал насквозь. После того как мы познакомились, К. Г. Рябчий окинул меня неспешным взглядом и только потом предложил сесть. Перемежая вопросы паузами, он попросил рассказать об особенностях работы специалистов тыла в Группе войск, дать характеристику одному из моих подчиненных и в заключение — поделиться опытом организации учебы в тыловом подразделении, отличившемся на инспекции. Я отвечал сдержанно, удивляясь пестроте этих вопросов и ожидая главного (о «дне Икс»?). Вместо того генерал вдруг спросил:

— Как смотрите на перспективу работать в Москве?

Это было неожиданно, и я не знал, что ответить.

— Не думал об этом никогда, — признался я. — Москва отсюда далеко... Как, вероятно, далек еще и мой опыт от того, который нужен для работы в столице.

Генерал улыбнулся и подсел поближе.

— Способность критически оценивать свою работу важна и для офицера центрального аппарата. Что же касается опы-

та работы в войсках, то он у вас есть. Не прибедайтесь. А остальное придет со временем...

Я почувствовал, что разговор принимает неожиданный оборот. Хотел было высказать встречную просьбу — о переводе в любой из внутренних округов, где было все привычно. А Москвы, честно говоря, я побаивался. Однако Рябчий меня опередил. В нескольких словах он известил о том, что в Министерстве обороны вновь воссоздается штаб Тыла Советской Армии. В общих чертах обрисовал и его задачи, добавив, что на меня могут возложить обязанности начальника отдела боевой подготовки штаба. А в заключение посоветовал:

— Подумайте. Такая честь оказывается не каждому.

Тотчас после его ухода я решил поставить в известность об этом предложении генерала Рожкова, находившегося в войсках. Быть может, он воспротивится моему отъезду. Или посоветует что. Но когда удалось дозвониться, Рожков невозмутимо ответил, что полностью в курсе дела и что до его возвращения я сам должен принять окончательное решение. Стало ясно, что вопрос о моем переводе уже предрешен.

Весь вечер прошел в раздумьях. Еще не уехав, я начал уже сожалеть о работе, которая меня устраивала здесь во всех отношениях: и в практическом плане, и в творческом смысле, и с точки зрения служебного роста. Ну и конечно, было жаль расставаться с сослуживцами.

...В Москве надлежало явиться к «и. о. начальника штаба тыла генерал-майору В. Ф. Конькову». Когда прибыл по указанному адресу, оказалось, что штаб располагался в том самом здании, где в 1943 году мы с заместителем командующего бронетанковыми войсками Ленинградского фронта генералом Н. Н. Шестаковым решали вопрос о создании полевых ремонтных баз. Это приободрило, словно встретил старого знакомого.

Разговор с Коньковым ограничился несколькими словами. Глянув на мою форму, он резюмировал:

— Танкист?

— В прошлом служил в бронетанковых, — подтвердил я.

— Ну и хорошо! А сейчас... поезжайте в отпуск.

Генерал, видно, спешил и, извинившись, сразу же отпустил меня. В полном неведении о том, «пришелся ли ко двору», я поехал на вокзал. Уже в поезде на Ленинград начал вспоминать: «Коньков... Коньков... Уж не тот ли самый, что командовал Невской оперативной группой? Но

как же он, боевой генерал, попал сюда, в штаб тыла? Нет, определенно однофамилец».

И все же первое мое предположение оказалось верным. С Василием Фомичом довелось потом не раз встречаться. Вспомнили и Невскую Дубровку, и блокадный Ленинград. Но было все это уже после того, как Коньков ушел в запас. К моему же возвращению из отпуска в кабинете начальника штаба тыла сидел другой знакомый мне генерал — Федор Мефодьевич Малыхин.

Бывший заместитель начальника академии тыла и снабжения встретил радушно.

— Здравствуйте! Вот и опять вместе! — сказал он так, словно мы расстались накануне. — Итак, будете заниматься вопросами боевой подготовки. Не возражаете?

Что я мог возразить? Начальству виднее, раз назначили.

Приступив к исполнению должности, я первым делом познакомился с подчиненными. Многие из них пришли в центральный аппарат сразу после окончания академии, за год-два до меня, и уже успели «притереться» в коллективе. Офицеры А. С. Сковорода, Л. Л. Волкобинский, П. П. Деркач, М. Ю. Вареха, А. И. Митягин и другие помогли мне быстрее войти в курс дела. Ведь на первых порах любая справка, совет и подсказка облегчают ориентацию на новом месте.

В штабе тыла все трудились с огоньком. Люди назначались сюда, как правило, грамотные и энергичные. И каждый старался получше зарекомендовать себя, тем более что сам характер деятельности, во многом необычной, давал офицерам простор для инициативы и творчества, особенно в исследовательской работе. О ней, кстати, и пойдет в основном речь далее, поскольку в те годы пришлось очень много заниматься теоретической разработкой некоторых вопросов. Что касается текущих дел, то кроме учебных программ и методических пособий для войск мы разрабатывали задания по командирской подготовке для офицеров штаба и управлений, готовили документацию для учений и групповых упражнений, участвовали в проверках военных округов.

Вскоре Ф. М. Малыхин провел первое инструктивное совещание. Он отметил, что период формирования штаба закончен и пора переходить к более плановой и продуктивной работе. Затем изложил основные задачи войск и тыла на летний период 1954 года, а также мероприятия на ближайшее время.

Речь шла прежде всего о практической проверке и дора-

ботке в войсках и вузах проектов новых уставов, в том числе по вопросам тыла. Поскольку эти руководства учитывали наличие у вероятного противника оружия массового поражения, необходимо было детальнее разработать положения о тыловом обеспечении войск, действующих в новых условиях.

Важность этого неоднократно подчеркивалась при заслушивании замысла специального опытно-исследовательского учения, к подготовке которого привлекли всех нас. Его должен был проводить начальник Тыла Советской Армии генерал-полковник В. И. Виноградов с профессорско-преподавательским составом Военной академии тыла и снабжения. В начальный период войны В. И. Виноградов командовал механизированным корпусом, а к концу ее уже возглавлял оперативную группу тыла в ставке главкома на Дальнем Востоке, обеспечивая действия наших войск в Маньчжурской операции. Видимо, поэтому сейчас, при заслушивании замысла, В. И. Виноградов делал особый упор на вопросы тылового обеспечения бронетанковых соединений, по-прежнему остававшихся основной ударной силой Сухопутных войск. Разумеется, генерал-полковник учитывал и новые веяния: более совершенная бронетанковая техника, поступавшая на вооружение, вносила существенные изменения и в перечень, и в объем всех поставок войскам. Это значительно усложняло планирование и доставку материальных средств частям и соединениям, особенно при действиях их в составе подвижных групп.

Чтобы предметнее приступить к обоснованию новых уставных положений (и их «обкатке» на исследовательском учении в академии), следовало выделить наиболее существенные проблемы тыла. Их суть и важность нагляднее всего можно проследить на опыте минувшей войны, с ее неисчислимыми материальными затратами и исключительными трудностями в снабжении войск. Обращение к опыту войны, кроме того, позволяло более реалистично наметить пути и для совершенствования работы тыла в современных условиях. Вот с такой именно целью — для анализа важнейших проблем тыла по опыту войны — при генерале В. И. Виноградове была создана специальная исследовательская группа, членов которой мы тут же окрестили «теоретиками». В нее вошли генералы и офицеры, возглавлявшие в разное время на войне тылы ряда фронтов и армий или их службы: И. В. Ковалев, Д. И. Андреев, А. П. Левушкин, Ф. Н. Лагунов, И. В. Сафронов, М. Ф. Куманин и некоторые другие.

К числу проблем, требующих первостепенного внимания, члены этой группы отнесли вопросы организации воинских перевозок. Когда обобщили данные по ряду боевых операций, мнения кардинально разошлись на том, каким должен быть сам принцип подвоза материальных средств в современных условиях: доставлять ли запасы соединениям и частям их транспортом с армейских (фронтовых) складов или подавать средствами вышестоящих органов тыла.

Следует иметь в виду, что в годы войны подвоз планировался по-разному. Неизменной оставалась лишь ответственность старшего начальника за его организацию и осуществление. Все понимали, что подобная практика может сохраниться и впредь. Однако теория вопроса есть теория, тут подай и обоснования к такому выводу! Но поскольку ни обобщенного материала по вопросам подвоза, ни даже согласованного мнения по ним не оказалось, среди «теоретиков» сразу же разгорелись дебаты.

Не вдаваясь в суть проблемы, поясню ее в самом общем плане. Опыт войн давно уже подтвердил, что подвоз военно-снабжениеских грузов является важнейшей задачей материального обеспечения войск, причем задачей очень трудоемкой. При ее решении постоянно возникает множество вопросов: откуда лучше всего взять те или иные номенклатуры военной продукции и куда их в первую очередь направлять; какие именно транспортные средства привлечь и по каким маршрутам быстрее организовать подвоз и т. п. Чтобы обрисовать картину в целом, сошлемся и мы на опыт Великой Отечественной войны.

...Внезапное нападение фашистской Германии на СССР потребовало срочной мобилизации всех материальных ресурсов страны и духовных сил советского народа на борьбу с агрессором. Направления и масштабы практических мер по созданию слаженного военного хозяйства были сформулированы в директиве ЦК партии и Совнаркома СССР от 29 июня 1941 года. Директива предусматривала в сжатые сроки поставить все народное хозяйство страны на службу фронту: добиться резкого увеличения уровня военного производства, достичь решающего материально-технического перевеса в оснащении Вооруженных Сил СССР над немецко-фашистской армией и на этой основе обеспечить достижение полной победы над врагом.

Важнейшими военно-экономическими мероприятиями этого периода явились: мобилизация и перераспределение материальных, финансовых и трудовых ресурсов страны; переключение гражданских отраслей промышленности на

выпуск военной продукции; эвакуация из угрожаемых районов основных производительных сил, быстрейшее размещение и ввод их в число действующих на востоке страны; сохранение уровня сельскохозяйственного производства в размерах, необходимых для обеспечения фронта и тыла продовольствием и сырьем; перестройка работы транспорта на военный лад; реорганизация управления экономикой и др.

В сложном процессе перестройки народного хозяйства особое внимание уделялось оборонной промышленности. Ведь в первую очередь от нее действующая армия и флот должны были получать боевую технику, вооружение и боеприпасы наиболее совершенных видов и в массовом количестве. Одновременно перестраивалась гражданская промышленность. На военные рельсы переводились целые отрасли народного хозяйства. Заводы тяжелого, транспортного и сельскохозяйственного машиностроения, например, переключались на выпуск танков, предприятия среднего машиностроения переналаживались на выпуск артиллерийских орудий, минометов и т. д.

Претерпела изменения и система планирования в экономике. В основу ее легла идея о строжайшей централизации в распределении всех ресурсов страны. Она нашла свое воплощение в мобилизационном плане производства боеприпасов, принятом уже на второй день войны, и во всех других народнохозяйственных планах, включая Военно-хозяйственный, — на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. — по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. В них, по существу, были определены основные принципы и пути ускоренного развития советской военной экономики, а также задачи развертывания военно-промышленной базы в восточных районах Советского Союза, для чего предусматривался перевод в эти районы многих сотен промышленных предприятий с западных территорий страны.

Забегая вперед, скажем, что только за первые три месяца войны на восток перебазировалось 1360 крупных промышленных предприятий. Всего же во второй половине 1941 г. из угрожаемых районов было перемещено оборудование около 2600 промышленных предприятий. А с ними эвакуировано свыше 10 млн. рабочих и членов их семей. В целом для таких перевозок потребовалось задействовать 1,5 млн. вагонов, или 30 тыс. железнодорожных составов.

Вся эта гигантская перестройка народного хозяйства страны на военный лад требовала не только огромных усилий, но и времени. Естественно, что в первые месяцы вой-



Генерал армии А. В. Хрулев



Генерал-полковник В. И. Виноградов



На совместном учении в ЮГВ. На переднем плане министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский и министр обороны ВНР генерал-полковник Л. Цинеге. 1963 г.



Маршал Советского Союза
И. Х. Баграмян



Маршал Советского Союза
С. К. Куркоткин



В солдатской столовой. Справа налево: Маршал Советского Союза
К. К. Рокоссовский, командир части полковник В. Д. Михеев, заместитель
командира соединения по тылу полковник С. А. Ерошкевич. ЮГВ. 1961 г.



Командующий войсками КВО Маршал Советского Союза В. И. Чуйков и член Военного совета — начальник политуправления округа генерал-лейтенант Н. М. Александров на одном из учений. 1958 г.



Командующий войсками ЮГВ генерал-полковник К. И. Провалов (первый слева) и член Военного совета — начальник политуправления Группы войск генерал-майор Г. В. Средин (второй справа) с представителями венгерского командования на совместных тактических учениях. 1964 г.



Обмен опытом организации военной торговли в поле. Представителей тыла дружественных армий с советской экспозицией знакомит Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян. ГСВГ. 1968 г.



Начальник Военной академии тыла и транспорта генерал-полковник К. Н. Абрамов проводит методическое занятие с профессорско-преподавательским составом. 1970 г.



На учениях в Киевском военном округе. Настало время попробовать хлеб, выпеченный в поле. 1972 г.



Генерал армии С. С. Маряхин (в центре) и генерал-полковник Ф. М. Малыгин (первый слева) с руководителями тыла союзных армий на учении «Неман». 1968 г.



Залив горючего в резино-тканевые резервуары для хранения в полевых условиях



На учениях армий стран Варшавского Договора. Знакомство с техникой тыла и средствами пакетирования грузов. 1976 г.



Осмотр погрузочной техники и средств транспортировки грузов руководящим составом Советских Вооруженных Сил. 1976 г.



Осмотр вертолета, подготовленного для эвакуации раненых. БВО, 1968.



Погрузка вещевого имущества, зата-
ренного в мягкие
контейнеры.



Дозиметрический контроль и дезактивация продовольствия на тактико-тыловом учении



Полевой заправочный пункт в действии



Сортировка «раненых» на полевом медпункте



Сборку полевого магистрального трубопровода ведет трубомонтажная машина. Рядом — трубовоз с запасом труб



Всегда четко действует на военных дорогах служба регулирования движения



Пункт хозяйственного довольствия в полевых условиях



Спецобработку проходят «легкораненые» воины.



Участок массового залива горючего на войсковом полевом складе



Эвакуация «пораженных» членов танкового экипажа на транспортере переднего края



На учении — как в бою. Горячая пища доставлена в первую траншею



Постоянно повышают свою квалификацию армейские повара



Солдатская столовая



Теплица воинской части



Химчистка военного обмундирования



В солдатской чайной. Так чествуют воинов-именинников

ны действующая армия ощущала острую нужду во многих жизненно важных для нее поставках вооружения и боеприпасов, с которыми не могли пока справиться ни тыл страны, ни войсковой тыл.

Недостатки в работе войскового тыла усугубляло несовершенство организационной его структуры. Службы тыла в ту пору ведали только снабжением войск из приготовленных запасов. Основная же роль в устройстве тыла, в создании таких запасов принадлежала войсковым штабам. Занятые сверх всякой меры организацией боевых действий, они оказались не способными решать еще и задачи военно-хозяйственного характера. Страна не жалела сил и средств для фронта. На складах, базах, железных дорогах скопилась огромная масса материальных средств. Однако из-за несовершенства управления тылом они зачастую поступали в войска с запозданием.

Кстати, в первые месяцы вскрылись просчеты и с размещением крупных запасов военного имущества. На одной из встреч с нами, работниками штаба, бывший начальник Тыла Советской Армии генерал А. В. Хрулев рассказал следующее:

— За год до войны в правительстве рассматривался вопрос о районах сосредоточения основных мобилизационных запасов страны. Военные работники предложили разместить их за Волгой. Этому решительно воспротивился тогдашний нарком Госконтроля Л. З. Мехлис. Он упорно настаивал на том, что основные военные запасы нужно накапливать вблизи западных границ СССР. И в любом возражении усматривал чуть ли не вредительство. «Ну хотя бы полушубки, валенки, зимнее обмундирование можно хранить за Волгой?» — постепенно сдавали свои позиции военспецы. «А вы откуда знаете, когда именно начнется война? — продолжал их теснить Мехлис. — Может, как раз зимой?» И. В. Сталин поддался тогда на его уговоры и поддержал эту весьма недальновидную точку зрения. И впоследствии пришлось жестоко расплачиваться за нее. При отходе наших войск много стрелкового вооружения и боеприпасов, продовольствия, горючего, обмундирования пришлось уничтожить, и все же значительная часть имущества была захвачена врагом...

Обстановка на фронтах с каждым днем становилась все более угрожающей. Из западных областей спешно вывозили на восток мобилизационные запасы и резервы материальных средств, колхозный скот и зерно. Навстречу двигались колонны войск и следовали срочные военные грузы. Желез-

ные дороги были забиты эшелонами. Два бесконечных потока поездов с невероятным трудом двигались во встречных направлениях, подвергаясь ударам с воздуха. Только в июле 1941 года фашистская авиация произвела почти полторы тысячи налетов на железнодорожные станции и составы.

Для мобилизации всех сил страны на отпор врагу 30 июня 1941 года был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина. В руках этого чрезвычайного органа сосредоточилось высшее политическое, государственное и военное руководство (в том числе всеми ключевыми направлениями в развитии военной экономики и гражданских отраслей народного хозяйства). Постановления ГКО имели силу законов военного времени. Члены ГКО, Политбюро и ЦК партии А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский, М. И. Калинин, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. М. Шверник, А. С. Щербаков и другие непосредственно занимались вопросами обеспечения Советских Вооруженных Сил, возглавляя важнейшие участки снабжения. Так, Н. А. Вознесенский нес ответственность за развитие производства вооружения и боеприпасов, А. Н. Косыгин отвечал за изготовление обмундирования и обуви для армии и флота, А. И. Микоян ведал вопросами снабжения войск горючим и продовольствием, А. А. Андреев первые полтора месяца войны руководил перевозками и т. д.

Опытные партийные и хозяйственные работники возглавили и основные наркоматы оборонных отраслей промышленности: А. И. Шахурин — авиационной промышленности; Д. Ф. Устинов — вооружения; Б. Л. Ванников — боеприпасов; В. А. Малышев — среднего машиностроения.

Члены ГКО осуществляли связь с народным хозяйством страны через соответствующие органы управления военной экономикой и гражданскими ее отраслями. Все нити руководства сосредоточивались в руках Председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. В его кабинете члены ГКО докладывали проекты постановлений и тут же, в присутствии наркомов, ответственных работников Совнаркома, Госплана и других должностных лиц, назначались исполнители, устанавливались сроки. И многотысячные коллективы новых и новых предприятий включались в работу по производству военной продукции.

Вспоминая трудности того периода, Андрей Васильевич Хрулев привел такой пример.

На август 1941 года Госплан СССР запланировал выпуск двух миллионов снарядов. Однако выпущено было все-

го 600 тысяч. Невыполненным остался и увеличенный в полтора раза сентябрьский план. На заседании ГКО было доложено, что положение донельзя усложнилось в связи с невозможностью использовать мощности оборонной промышленности Ленинграда: в сентябре город уже находился в блокаде.

Чтобы быстрее удовлетворить возрастающие потребности фронта, ГКО привлек к производству боеприпасов, а также различных видов вооружения многие предприятия наркоматов путей сообщения, пищевой, текстильной, легкой промышленности и даже земледелия. Результаты сказались быстро: выпуск снарядов, мин, ручных гранат, а также минометов и стрелкового оружия резко возрос.

Особенно заметный рост производства начался со второго квартала 1942 года. Не хочу утомлять читателя цифрами, они сейчас хорошо известны. Скажу лишь, что если автоматов в действующей армии на 1 января 1942 года было 54,3 тыс., то всего через год их стало в десять раз больше. И так по всем видам оружия, боеприпасов, боевой техники. Причем резко увеличивался выпуск новых образцов.

Вооружение срочно доставлялось на фронт по гигантскому конвейеру: с завода — на передовую. И эта функция, лежавшая на органах тыла, была не столь уж простой. Через много лет генерал-лейтенант И. В. Ковалев, назначенный в июле 1941 года начальником Управления военных сообщений (ВОСО) Генерального штаба, вспоминал, что в начале войны войскам недоставало многих видов боеприпасов к новым образцам оружия. Командующие фронтами «бомбили» Верховного просьбами о срочной их доставке. И тут специальная комиссия ГКО установила, что из арсеналов и баз, а также с промышленных предприятий боеприпасы отправляются своевременно. А вот на фронт поступают с большим опозданием вследствие неправильной маршрутизации воинских эшелонов.

Выяснилось, что железнодорожный состав с боеприпасами, состоящий менее чем из десяти вагонов, не мог, по существовавшим правилам, получить номер прямого маршрута. Поэтому десятки и сотни таких составов со спецгрузами подолгу задерживались на станциях. Никто из проверяющих ими практически не интересовался, да и выявить их было крайне трудно. В конце концов и эти составы отправлялись на запад, но двигались со скоростью, не превышающей 90 км в сутки, тогда как маршрутные транспорты имели «зеленую улицу» и мчались к фронту в пять

раз быстрее. А как раз в таких вот небольших составах и находилась основная часть боеприпасов, остро необходимых войскам.

Чтобы исправить положение, был установлен порядок, при котором на узловых станциях стали формировать маршрутные транспорты даже из небольшого количества вагонов с особо важными грузами.

Эти и другие неполадки в работе железнодорожного транспорта послужили поводом к серьезной реорганизации органов ВОСО. Одновременно возникла необходимость в усилении руководства всеми видами транспорта страны. Поэтому в феврале 1942 года при ГКО был образован Транспортный комитет под председательством И. В. Сталина. В результате повысилась оперативность планирования и осуществления огромного грузопотока воинских перевозок и улучшился контроль за ними.

Несмотря на большие трудности, перевод народного хозяйства страны на военный лад был осуществлен в течение примерно года. К середине 1942 г. мощности, утраченные военной промышленностью в начальный период войны, удалось не только восстановить, но и превзойти. Советский Союз сравнительно в короткий срок создал слаженное военное хозяйство, способное во все возрастающих размерах обеспечить производство любой военной продукции. Причем осуществил это при явно неблагоприятном соотношении экономических потенциалов с фашистской Германией. К началу войны, как известно, гитлеровский рейх располагал мощным индустриальным потенциалом, весьма развитой военно-промышленной базой. Кроме того, на него работали военные отрасли хозяйств поработанных и оккупированных стран. И все же советская экономика сумела не только выстоять, но и существенно превзойти уровень военного производства противника, выиграть напряженное противоборство с ним и в области военно-экономической.

Решительный перелом в развитии военного производства в СССР произошел в период с июля 1942 по октябрь 1943 года, когда соотношение военно-экономических сил противоборствующих сторон окончательно изменилось в пользу Советского Союза. Это позволило ускорить перевооружение Советской Армии новейшей военной техникой и в достаточном количестве обеспечивать нужды войск в боеприпасах.

Своей кульминационной точки военное производство в СССР достигло в 1944 г. Героические труженики советского тыла продемонстрировали всему миру великие преимущества социалистической экономики, позволяющие максималь-

но использовать все имеющиеся ресурсы в интересах наиболее полного обеспечения нужд фронта. Несмотря на то, что в годы войны наша страна производила в 2—5 раз меньше чугуна, стали и электроэнергии, чем фашистская Германия, она вводила в боевой строй в среднем за год около 24 тыс. танков и САУ (против 13,4 тыс. у противника), свыше 27 тыс. боевых самолетов (соответственно против 19,7 тыс.), 47 тыс. орудий (против 25,5 тыс.), почти 87 тыс. минометов (против 17 тыс. у противника) и т. д.

Достигнутые успехи в производстве военной продукции позволяли советскому командованию предпринимать в ходе войны все более решительные по целям и широкие по масштабам операции. Если, например, в зимней кампании 1941/42 года общее наступление советских войск проходило на фронте шириной 1400 км, на глубину до 250 км и продолжалось 3,5 месяца, то в кампаниях 1944 г. стратегические наступательные операции Советской Армии развернулись на фронте в 3000 км и велись почти непрерывно в течение 11 месяцев на глубину до 700 и более км.

...По мере роста численности советских войск и размаха операций потребности фронтов постоянно увеличивались. Соответственно возрастали и усложнялись задачи подвоза. Ведь прежде чем доставить войскам материальные запасы, их приходилось готовить к длительным перевозкам, сосредоточивать на складах и базах, сортировать, комплектовать и только потом уже направлять на разные участки и направления, в зависимости от места, масштаба и особенностей проходивших операций. В условиях небывалой протяженности линии фронта и дальности перевозок требовалась многократная перегрузка запасов. Естественно, приходилось развертывать и содержать обширную сеть путей подвоза, неисчислимо большой парк транспортных средств и огромное количество различных складов, баз и хранилищ.

Понятно, что подвоз военных грузов на ряде магистралей был сопряжен с немалыми трудностями. Хорошо известны тяжелейшие условия доставки материальных средств войскам и населению блокированного Ленинграда. Летом и осенью 1942 года в весьма сложную задачу обернулась поставка боеприпасов и других важных грузов войскам Закавказского фронта. Железнодорожные составы двигались с Урала и из Сибири на Кавказ кружным путем — через Ташкент, с перегрузками в Красноводске и Баку. Отдельные транспорты находились в пути по три и более месяца, несмотря на то что везли грузы, от которых зависела жизнь тысяч советских воинов и обстановка на важнейших

участках фронта. Уже один этот пример говорит о том, как сложно было обеспечить доставку различных грузов на все театры военных действий.

Правда, в последующие годы, начиная с 1943-го, подобных исключительных затруднений в подвозе почти не возникало. К примеру, за 50 суток Курской битвы войска трех фронтов только боеприпасов израсходовали свыше 10 тыс. вагонов (без учета реактивных снарядов). Однако и при таких потребностях подвоз осуществлялся своевременно.

А взять службу снабжения горючим и смазочными материалами. Кстати, обеспеченность ими войск в начальный период войны была достаточно высокой. Поэтому временно, с 15 июля по 1 августа 1941 года, было решено вообще прекратить поставки горючего войскам Северо-Западного и Западного направлений. К тому же в результате встречных перевозок (эвакуация нефтепродуктов из прифронтовых районов и их подвоз войскам из тыла) на крупных железнодорожных узлах и отдельных перегонах близ линии фронта скопилось около 8500 цистерн горючего, которые подвергались налетам авиации противника.

Потерь было много... И все же к концу 1941 года из западных областей страны удалось эвакуировать более ста крупных складов ГСМ. Началось строительство новых хранилищ в Московском, Уральском, Южно-Уральском, Приволжском и Архангельском военных округах. Это позволило создать стабильные запасы нефтепродуктов достаточно близко от фронта. Благодаря этому в период Московской битвы, например, все поставки горючего войскам Западного фронта обеспечивались непосредственно со складов и нефтебаз, расположенных в столице и поблизости от нее. К началу контрнаступления были созданы запасы, обеспечивавшие 35—40-суточную работу всей наземной военной техники и 10—12-суточные полеты авиации.

Весной 1942 года служба ГСМ столь же успешно решала сложнейшую задачу обеспечения горючим войск Ленинградского фронта. В условиях блокадного кольца был проложен по дну Ладожского озера трубопровод протяженностью 30 километров. Надо сказать, что такое решение проблемы было исключительно смелым с точки зрения военно-инженерного искусства. Причем потребовалось всего лишь чуть более сорока дней для ее осуществления (подводная часть трубопровода была уложена в три раза быстрее). Фашистская разведка так и не смогла установить назначение и характер работ, проводимых на Ладоге, и трубопровод заработал беспрепятственно. С июня 1942 года Ленинград стал

получать ежедневно по 300—400 т горючего. Этого хватало, чтобы полностью удовлетворить насущные нужды фронта, флота и города и постепенно создать запасы, потребные для прорыва вражеской блокады.

Самыми тяжелыми в снабжении фронта горючим были лето и осень 1942 года. Фашистские войска вышли к Волге, вторглись в пределы Кавказа, захватив нефтяной район Краснодар, подошли вплотную к Грозному. Бакинскую нефть пришлось доставлять по Каспийскому морю сначала в Красноводск, затем по железной дороге в Ташкент и уже оттуда через центр — западным фронтам. Это был чрезвычайно длинный путь, и работники управления снабжения горючим изыскали возможность сократить его вдвое: из Баку цистерны с нефтью транспортировать наплавку по Каспию в Гурьев, а там оборудовать перевалочный пункт на железной дороге с доставкой груза в центр. Предложение было принято, и комбинированный маршрут заработал с полной нагрузкой.

В ходе войны служба снабжения горючим еще не раз встречала трудности. Так было в период битвы на Курской дуге, когда потребовалось срочно восполнить запасы авиационного бензина в связи с непредвиденно большим его расходом в воздушных боях; в Белорусской операции, когда пришлось снабжать часть наступающих войск за счет лимита горючего, выделенного войскам Прибалтийских фронтов; во время Висло-Одерской операции, когда в войсках 1-го Белорусского фронта, далеко оторвавшихся от баз снабжения на Висле, оставалось чуть более двух заправок¹.

По мере оснащения советских войск разнообразной военной техникой потребность в горючем постоянно росла. Если всем фронтам, участвовавшим в Сталинградской битве, ежедневно подавалось в среднем 820 т горючего, то в Берлинской операции поставлялось уже 4140 т². Всего же за войну Вооруженные Силы СССР (без Военно-Морского Флота) израсходовали около 13,4 млн. т горючего³ — целый океан бензина, дизельного и другого топлива.

Теперь посмотрим, как снабжался фронт продовольствием. Сложившаяся с началом войны непредвиденная обстановка поставила продовольственное снабжение страны и армии в очень тяжелое положение. Вследствие быстрого

¹ Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО), ф. 233, оп. 2313, д. 74, л. 23.

² См.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1977, с. 186.

³ См. там же.

продвижения немецко-фашистских войск из приграничных областей не удалось вывезти значительное количество мобилизационных, то есть складированных, готовых к использованию, запасов продовольствия. Лишь частично они были обращены на текущее довольствие войск.

Продовольственную проблему крайне усложнили и другие факторы: потеря огромной площади наиболее плодородных земель, оказавшихся под пятой оккупантов, призыв в армию миллионов наиболее работоспособных молодых мужчин и мобилизация для военных нужд большого парка автотракторной техники из сельского хозяйства. Все это привело к резкому сокращению посевных площадей и валового сбора продовольственных культур. Если в 1940 году сбор зерна составлял 95,6 млн. т, то в 1942 году — всего лишь 29,6 млн. т (сахарной свеклы — соответственно 18 и 2,2 млн. т, картофеля — 76,1 и 23,6 млн. т) ¹.

Огромный ущерб от нашествия вражеских войск понесла и пищевая промышленность страны, основные центры которой располагались в западных областях, особенно сахарная, консервная, маслобойная, табачная. Выпуск сахара в 1942 году сократился, например, в 29 раз.

Потребовалась огромная организаторская работа партийного и хозяйственного актива и величайшее напряжение тружеников деревни, чтобы в максимальной степени возместить урон. Вся тяжесть решения этой проблемы легла на плечи колхозников Поволжья, Южного Урала, Сибири, Казахстана, Средней Азии, Закавказья. На их землях увеличивались посевы зерновых и технических культур, развертывалось строительство предприятий пищевой промышленности, шла напряженная битва за трудный военный урожай.

С началом войны Советское государство сосредоточило в своих руках основную массу товарного хлеба и организовало строгий учет и распределение продовольствия. В стране была введена карточная система на продукты. ЦК партии и Совнарком почти ежедневно рассматривали вопросы обеспечения армии продовольствием и фуражом. По предложению Главного управления продснабжения Советской Армии от 20 сентября 1941 года ГКО утвердил 14 новых норм питания, отражавших специфику боевой деятельности различных категорий военнослужащих.

Тяжелое положение с продовольствием время от времени ощущалось на многих фронтах. Однако самое трагическое

¹ См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1970, с. 260.

сложилось на Ленинградском фронте в начале сентября 1941 года, когда прекратился всякий подвоз грузов с Большой земли. С той поры норма питания военнослужащих снижалась несколько раз. С 20 ноября войска первой линии, личный состав боевых кораблей и летно-технический состав ВВС получали по 500 г хлеба и 125 г мяса на человека в день, а все остальные воинские части — соответственно по 300 и 50 г.¹

Основной путь снабжения Ленинграда был организован, как уже говорилось, по ледовой трассе через Ладожское озеро, символично названной Дорогой жизни. За пять месяцев, с 29 ноября 1941 по 21 апреля 1942 года, по ней было перевезено более 162 тыс. т только одного продовольствия.

Об организации снабжения Ленинграда в те тяжкие дни хотелось бы сказать несколько подробнее.

...Сегодня, если ехать из Ленинграда в сторону Ладожского озера, то справа, сразу же за городской чертой, увидишь необычный мемориальный столб с рельефной надписью на нем: «Дорога жизни». 45 таких километровых столбов следует один за другим до поселка Осиновец, до того самого места, где в блокадные дни дорога летом обрывалась на озерном пирсе, а зимой сбегала на ладожский лед.

9 мая 1942 года газета «Правда» писала в передовой статье: «Когда-нибудь поэты и писатели сложат песни о ленинградской Дороге жизни... Страна с глубокой благодарностью узнает о подвиге каждого из тружеников и воинов, проложивших и оберегавших дорогу». Пророческими оказались эти строки! Есть ныне и такие песни, есть книги и памятники, прославляющие трудовой и ратный героизм тех, кто создавал и эксплуатировал легендарную Ладожскую трассу в суровую блокадную пору. Всегда будут помнить и ленинградцы об этой живительной артерии, по которой в их осажденный город поступало тогда продовольствие, горючее, оружие — все, без чего нельзя сражаться и жить!

Дорога жизни включала в себя не только водные, ледовые и железнодорожные участки, но и подъездные пути, портовые сооружения, подводные трубопроводы, огромное складское хозяйство, а также эвакуационные учреждения, медсанбаты, ремонтные мастерские и многое другое. В создании дороги принимали участие все крупные ленинградские предприятия и многие армейские части и подразделения.

¹ См.: Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. 1941. М., 1967, с. 139.

А начало положили ладожские моряки. 12 сентября 1941 года, когда в осажденном городе осталось муки и зерна всего на 17 дней, буксирный пароход «Орел» привел на рейд к Осиновецкому маяку первые две баржи с хлебом. Караван шел под охраной сторожевых военных кораблей. В обратный путь он отправился с женщинами и детьми на борту.

С 12 сентября по 1 декабря 1941 года суда Северо-Западного речного пароходства и корабли Ладожской военной флотилии доставили в Ленинград более 60 000 т грузов и эвакуировали из блокадного города более 33 тысяч жителей. И каждый рейс — это опасное плавание по бурной Ладоге и неизбежный тяжелый бой с врагом. За два с половиной месяца от штормов и бомбежек затонуло более 50 барж и судов.

В тот год Ладога покрылась льдом очень рано. Партийная организация города и Военный совет фронта сошлись в едином мнении: ледовая трасса — единственная реальная нить, которая позволит связать блокадный Ленинград с Большой землей. И трасса была проложена в кратчайший срок, получив на военных картах название дороги № 101. И сразу же зажила напряженной жизнью. 22 ноября на восточный берег озера вышла колонна из 60 автомобилей. Лед еще был хрупким, и в машины грузили всего по 2—3 мешка муки. Но с каждым днем грузопоток нарастал. Через месяц, 27 декабря, в пургу и мороз автоколонна доставила уже 774 т хлеба!

Многое видела в те дни и ночи ледовая трасса. Ожесточенные воздушные бои над Ладогой. Внезапные налеты дальнобойных фашистских батарей. Уходящие под лед с горящими фарами автомашины. И убегающих от них по колесу в ледяной воде женщин и детей...

Но, несмотря ни на что, дорога боролась и жила. Все, кто ее обслуживал, хорошо сознавали, что каждая сотня перевезенных снарядов и бочек с горючим, каждая тонна хлеба — это удар по врагу, это спасенные человеческие жизни. И люди вершили свое героическое дело без сна и отдыха, шатаясь от голода и постоянно рискуя жизнью. Всего за 152 дня работы по ледовой трассе было доставлено в осажденный город 361 109 т различных грузов и эвакуировано из него более полумиллиона жителей.

В первый год войны возникали свои трудности в снабжении войск продовольствием и в ряде других мест. Особенно сложная ситуация сложилась к началу августа 1942 года на Юго-Восточном фронте (переименованном в конце сентября в Сталинградский). В некоторых его армиях не

оказалось ни круп, ни сахара, ни рыбы, ни жиров. Потребовались срочные и энергичные меры, чтобы создать необходимые запасы продовольствия и обеспечить нормальную жизнедеятельность войск.

Серьезные недостатки в организации питания имели место весной 1943 года на Калининском фронте. Несмотря на достаточную в целом обеспеченность его продовольствием, части и соединения снабжались продуктами крайне неравномерно. Горячая пища для личного состава готовилась однообразная и невкусная, нормы довольствия бойцам нередко занижались. Допускались и другие случаи недобросовестного, а то и преступно-халатного отношения к организации питания воинов, к сохранению и расходованию продуктов.

ГКО принял решительные меры к выправлению положения. Был укреплен продовольственный аппарат тыла во фронтах и армиях. На одного из членов военных советов возлагалась персональная ответственность за состояние материального обеспечения войск. Командирам частей вменялось в обязанность лично утверждать раскладку продуктов на каждый день, контролировать качество пищи и ее выдачу по норме. Были также установлены твердый порядок доставки продовольствия в части, подразделения и ответственность за это старших начальников. Главупродснаб Красной Армии отвечал за подачу грузов до распорядительных станций фронтов, Продовольственное управление фронта — до армейских станций снабжения, продотдел армии — до дивизионных складов, дивизии — до полковых, полки — до пунктов хозяйственного довольствия батальонов. Оттуда горячая пища и сухие пайки доставлялись на ротные раздаточные пункты. Для руководства войсковым питанием во фронтах были созданы специальные отделы, а в армиях — отделения питания и хлебопечения. Их работники строго следили за своевременностью и качеством приготовления пищи в войсках, проводили сборы поваров и хлебопеков, оказывали практическую помощь работникам продслужб в организации питания.

Со временем продовольственное снабжение войск значительно улучшилось. Начиная с 1943 года все фронты, как правило, имели стабильные запасы от 20 до 30 сутодач. Широко внедрялись в рацион питания пищевые концентраты. Массовое их производство было налажено в Горьком, Сызрани, Куйбышеве и других городах. Всего в течение войны пищевая промышленность изготовила более полумиллиона тонн концентратов всех видов.

Продовольственное снабжение особенно тщательно было отлажено перед началом Берлинской операции. Обеспеченность войск продуктами была тогда достаточно высокой. Однако когда перед командованием 1-го Белорусского фронта поставили задачу обеспечить питанием репатриантов из числа граждан союзных государств, а также немецких военнопленных, положение, естественно, усложнилось. Трудности еще более возросли, когда фронту пришлось кормить и 3,5 млн. берлинцев (в последние 10—15 дней до капитуляции им не выдавали даже хлеба). Тем не менее советские воины щедро поделились с жителями Берлина и хлебом, и другими продуктами.

Общий расход основных видов продовольствия и фуража составил за годы войны около 40 млн. т. Все это нужно было сосредоточить на складах, скомплектовать в транспортах, подвезти за сотни и тысячи километров до фронта, подать в части и подразделения, чтобы обеспечить питанием каждого бойца. Таким был объем работы специалистов продовольственной службы. Таков один из показателей, характеризующих масштабы подвоза на войне.

Различные проблемы возникали в ходе войны и со снабжением вещевым имуществом. В первые же месяцы более половины его запасов, хранившихся на складах в приграничных округах, были уничтожены или захвачены противником. Многие предприятия, изготовлявшие форменную одежду, обувь и предметы военного снаряжения, были разрушены или эвакуировались на восток. В результате серьезно осложнилась работа службы вещевого снабжения.

Многомиллионный состав армии, сам характер боевых действий того периода требовали коренной перестройки системы заготовок и снабжения. В условиях нехватки сырья и рабочей силы легкая промышленность все же сумела поставить в войска во второй половине 1941 года более 5 млн. шинелей, 8,6 млн. хлопчатобумажных гимнастеров, 9,2 млн. пар обуви и много другого вещевого имущества¹. Увеличение их выпуска было достигнуто за счет изыскания дополнительных резервов сырья, применения некоторых заменителей и расширения производственных мощностей легкой промышленности. К пошиву обмундирования и изготовлению предметов военного обихода привлекались местные предприятия и промкооперация.

Важной задачей в зиму 1941/42 года явилось обеспечение войск теплыми вещами. Однако и с нею удалось спра-

¹ ЦАМО, ф. 87, оп. 120370, д. 470, л. 70.

виться. К началу зимних холодов на складах уже имелось 1,8 млн. полушубков, почти 6,7 млн. ватных телогреек, 7,8 млн. ватных шаровар, 5,9 млн. пар валенок, 10 млн. шапок-ушанок и свыше 10,5 млн. пар теплого белья¹. Несмотря на некоторое запоздание с их подвозом, личный состав был полностью обеспечен теплыми вещами. Некоторые части дообмундировывались прямо в железнодорожных эшелонах, другие — непосредственно перед вступлением в бой.

К 1943 году промышленность была уже в состоянии полностью удовлетворить потребности войск в вещевом имуществе, хотя объем заказов на основные его виды к тому времени возрос в несколько раз. Снабжение стало планомерным, стабильным, причем во многих фронтах и армиях обеспеченность вещевым имуществом превышала потребности.

Всего в ходе войны Советской Армии было поставлено более 38 млн. шинелей, свыше 70 млн. комплектов хлопчатобумажного обмундирования, 117 млн. пар нательного белья, около 64 млн. пар кожаной обуви, около 20 млн. ватных телогреек и шаровар, 11 млн. пар валенок, свыше 2 млн. полушубков и много другого имущества². За всем этим опять-таки виден самоотверженный труд советских людей в тылу и специалистов вещевого службы на фронте.

Таковы лишь некоторые цифры, характеризующие колоссальный объем военных грузов, непрерывно поступавших из тыла страны в действующую армию. Они дают красноречивое представление о том, насколько важна роль в боевой деятельности войск хорошо организованного тыла, и в частности системы подвоза. Многие военные специалисты прекрасно понимали это и накануне войны. Уже тогда они указывали, что существовавшая в Советской Армии система тыла во фронтовом звене не полностью отвечает формам ведения масштабных и маневренных действий. Ведь по довоенным взглядам, основным «инструментом» планирования боевых операций являлось полевое управление фронта, а главным поставщиком материальных средств, потребных для их осуществления, была армия. Соответственно и все средства подвоза, а также полевые базы и склады имелись только в армии; во фронтах развертывание полевого подвижного тыла вообще не предусматривалось.

Такая структура тыла обуславливала и всю систему подвоза. В стратегическом и оперативном звеньях подвоз осу-

¹ ЦАМО, ф. 87, оп. 120370, д. 470, л. 225.

² Там же.

ществлялся «от себя» (сверху вниз). Грузы шли из центра на распорядительные станции фронта, а оттуда, не задерживаясь, — на станции снабжения армий. В войсковом тылу подвоз осуществлялся только «на себя»: полки подвозили своим транспортом грузы с дивизионных складов, дивизии — с армейских. Однако практика первых же боев и операций показала, что данная система подвоза не соответствует ни особенностям начавшейся войны, ни нуждам и возможностям самих войск.

Командующий фронтом, принимая решение на проведение важной операции, не мог в полной мере обеспечить ее материально, поскольку не имел в своем непосредственном распоряжении соответствующих полевых складов с необходимыми запасами. Не продуманной до конца была система подвоза и в войсковом звене. При наступлении, например, когда полки дивизии уходили вперед, а армейские склады оставались на местах, плечо подвоза увеличивалось столь значительно, что войсковой транспорт уже не мог справиться с доставкой грузов.

Нужна была коренная перестройка системы тыла. И она началась.

Осенью 1941 года во фронтах были созданы свои полевые склады по основным видам материальных средств, а в армиях — полевые армейские базы. Это позволило не только значительно глубже эшелонировать размещение всех запасов в интересах оперативной обстановки, но и создать четкую систему их подвоза в полосе действий армий и фронтов. А главное — фронт теперь не только планировал боевые операции, но и сам «материализовывал» все решения командующего. В свою очередь, армейский тыл был освобожден от большого количества громоздких складов, стал более мобильным.

Таким образом, в полосе фронтов создавались войсковое звено подвоза (армия—соединение) и оперативное (фронт—армия). В каждом из них использовался в основном автомобильный и железнодорожный транспорт. Учитывая его наличие и возможности, старший начальник решал: в какое время, в каком количестве и на каких маршрутах использовать тот или иной вид транспорта, независимо от его принадлежности.

Совершенствовалась система подвоза и в центре. Совместно с Наркоматом путей сообщения работники ВОСО многое сделали для наведения порядка на железных и военно-автомобильных дорогах.

В начальный период войны, в условиях тяжелых оборонительных боев и отхода советских войск на восток, для подвоза материальных средств, эвакуации раненых и наиболее ценного имущества широко использовался транспорт из резерва Верховного Главнокомандования. Автотранспортные части РВГК только в июле — августе 1941 года подали фронтам и армиям свыше 55 тыс. т грузов. Они использовались и для срочной переброски войск к линии фронта, на особо угрожаемые направления.

Кризисная обстановка вынуждала иной раз воинские части осуществлять подвоз грузов своим транспортом прямо с местных предприятий. Участник битвы под Москвой полковник А. Яремченко вспоминает, как ездил на московскую швейную фабрику за теплыми вещами для бойцов.

«...Мы увидели Москву почти безлюдную, молчаливую и грозную, оцетинившуюся противотанковыми заграждениями, стволами зенитных орудий... — пишет он. — А на предприятиях напряженным темпом шла трудовая жизнь. В цехах увидели... усталых людей, измученных бессонными ночами, но уверенных в нашей грядущей победе.

Погрузив последний тюк ватных телогреек, я спросил у старшины:

— А хватит на весь дивизион?

— Если мало, берите еще! — ответили за старшину женщины-швей. — День и ночь будем для вас, родные, трудиться, но обеспечим всех! Не пускайте врага в Москву!»¹

Аналогичные случаи подвоза запасов транспортом частей прямо с фабрик и заводов в боевые подразделения имели также место при обороне Севастополя, Одессы, Сталинграда и Ленинграда, других прифронтовых и фронтовых городов.

При усложнении обстановки использовались любые возможные маршруты и средства подвоза грузов. В период осенней распутицы 1941 года именно такая ситуация сложилась в полосе действий Калининского, Волховского и Юго-Западного фронтов. Пока дорожные их батальоны с помощью местного населения прилагали отчаянные усилия, чтобы поддержать хотя бы часть дорог в проезжем состоянии, во фронтах были сформированы гужевые (на конной тяге) транспортные батальоны — единственное в тех условиях средство для доставки грузов. Когда в полосе 39-й армии Калининского фронта основные пути ее снабжения были

¹ См.: Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил, 1971, № 11, с. 49.

перерезаны противником, конные обозы проложили объезд через лесные массивы и все же доставили войскам боеприпасы и продовольствие.

Уже в тот период боевая практика наглядно подтвердила, что подвоз всего успешнее осуществляется при комплексном использовании всех видов транспорта. Наиболее зримо выявилось это при обороне Ленинграда. В обстановке блокады все грузы доставлялись в город преимущественно судами по Ладожскому озеру и силами транспортной авиации. В зимнее время интенсивно работала ледовая военно-автомобильная дорога. Она, как и участок железной дороги от Ладожского озера до Ленинграда, подвергалась постоянным артобстрелам и бомбежкам. Естественно, часть грузов гибла. И все же за зиму 1941/42 года по Дороге жизни было доставлено в Ленинград более 360 тыс. т грузов, а по трубопроводу перекачано свыше 36 тыс. т горючего. Именно при обороне Ленинграда впервые в комплексе был использован железнодорожный, автомобильный, гужевой, водный, трубопроводный и воздушный транспорт. Этот опыт широко использовался в последующем при совершенствовании всей системы подвоза военно-снабжениеских грузов.

Много поучительного в этом плане выявилось в ходе сражений под Сталинградом летом и осенью 1942 года. Основная тяжесть легла тогда на автотранспорт. Для сокращения сроков подвоза грузы доставлялись в районы, расположенные как можно ближе к линии фронта (10—15 км), где специально развертывались отделения армейских и даже фронтовых складов. Нередко запасы выгружались на грунт в 3—5 км от переднего края, причем автопорожняк максимально использовался для эвакуации раненых. Для более эффективного использования путей сообщения в тыловом районе фронта назначались 2—3 железнодорожных направления и 2—3 военно-автомобильные дороги (в полосе армии — 1—2 ВАД, в полосе дивизии — 1—2 автомаршрута).

В 1943 году широкие наступательные действия Советской Армии потребовали дальнейшего совершенствования системы подвоза. В соответствии с приказом Наркома обороны от 7 марта Генеральный штаб устанавливал нормы поездов по всем видам воинских перевозок, он же контролировал использование заявок. Перевозки автотранспортом с центральных складов до фронтов планировались и контролировались штабом начальника Тыла Советской Армии. Начиная с июня 1943 года ответственность за подвоз всех видов материальных средств в действующих войсках возлагалась на старшего тылового начальника. Повышалась роль его

штаба в планировании подвоза грузов и использовании всех видов транспорта. В этих целях в штабе тыла Советской Армии впервые были созданы отделы железнодорожных, водных, автомобильных и авиационных перевозок.

Чтобы существенно сократить пути подвоза, было признано целесообразным приблизить к войскам запасы материальных средств, распределяемых центром. Центральные склады были перемещены, например, из Уральского и Приволжского военных округов в районы западнее Москвы и рубежа Волги. Приблизились к войскам фронтовые и армейские базы. Более половины всех положенных войскам запасов горючего и боеприпасов размещалось теперь, как правило, на дивизионных и полковых складах.

С развитием наступательных действий одновременно на ряде фронтов запасы из центра стали подаваться фронтам транзитом, то есть минуя пункты ранее развернутых складов и баз. При этом значительно сокращалось число перевозок, уменьшалась потребность в транспортных средствах и время нахождения грузов в пути.

Для более оперативного обеспечения наступательных действий, особенно при вводе в бой крупных механизированных и танковых групп, в центре стали создаваться значительные резервы материальных запасов и средств транспорта. К середине ноября 1943 года, например, в числе перебазированных ближе к линии фронта было до 70 процентов вновь созданных центральных баз и складов; в два раза увеличилось количество железнодорожных и автомобильных войск, обеспечивающих перевозку грузов.

Все это оправдало себя в период операций, проходивших на территории Правобережной Украины. В них участвовали войска нескольких фронтов и шести танковых армий. Для обеспечения этих сил потребовались огромные материальные средства. И помощь центра сыграла решающую роль, поскольку коммуникации фронтов в ходе почти пятимесячного непрерывного наступления растянулись на сотни километров. Положение еще более осложняло то, что немецкие войска при отходе разрушали большие участки железных дорог, взрывали крупные мосты, уничтожали подвижной состав, а автотранспорт фронтов с задачами подвоза не справлялся.

Свои трудности были и в осуществлении подвоза в Белорусской операции в июне 1944 года. Только для доставки одного боекомплекта снарядов и мин участвовавшим в ней войскам четырех фронтов потребовалось 13 500 вагонов! А ведь до начала операции планировалось накопить 4—5 комплек-

тов боеприпасов и от 10 до 20 заправок горючего! Всего же, по данным Генштаба, для обеспечения операции «Багратион» надо было подвезти 400 тыс. т боеприпасов, 300 тыс. т горючего, до 500 тыс. т продовольствия и фуража. Несмотря на то что военное командование принимало самые энергичные меры по восстановлению железных дорог, максимальному использованию автотранспорта и строжайшей экономии в расходовании запасов на местах, фронты не смогли своими силами своевременно решить эту задачу, и Ставка ВГК была вынуждена отсрочить начало операции на четверо суток.

С перенесением боевых действий за пределы СССР возникли новые затруднения. Ввиду невозможности транзитного использования зарубежных железных дорог без перешивки их колеи¹, а также из-за больших разрушений на них пришлось создавать перевалочные базы и перегрузочные районы — в Дзядово, Варшаве, Демблине, Кракове, Мукачеве, Сегеде, Галаце и некоторых других пунктах. Естественно, увеличилась дальность автоперевозок (до 500 км в один конец) и возросла нагрузка на автомобильный парк. Чтобы максимально использовать армейские части подвоза, опять пришлось подтягивать ближе к войскам фронтовые склады и базы.

Позже, в Берлинской операции, широко практиковалась в системе подвоза передача фронтового транспорта с запасами материальных средств в танковые и общевойсковые армии и армейского — в дивизии. Это позволяло опять-таки экономить время и моторесурсы, оперативнее усиливать соединения первого эшелона. Нередко горючее и боеприпасы доставлялись фронтовым транспортом непосредственно в дивизии.

В тех условиях возникла новая форма обеспечения танковых армий, вводимых в прорыв, путем создания в них подвижных эшелонов тыла. Полностью моторизованные транспорты несли значительные запасы различных военных грузов, а также включали ремонтные, медицинские, дорожные и другие средства. Следуя вплотную за боевыми частями, они обеспечивали всем необходимым танкистов при действиях в оперативной глубине. Остальное имущество танковых армий — склады, пекарни, тяжелое ремонтное оборудование — перемещалось по мере общего продвижения войск фронта.

¹ Европейская железнодорожная колея равна 1435 мм, в СССР — 1522 мм.

Практика организации крупномасштабных военных перевозок очень пригодилась в операциях по разгрому Квантунской армии японцев. Поскольку в условиях горно-пустынной местности автотранспорт, помимо всего прочего, широко привлекался также для доставки воды и топлива, потребовалось усилить им не только армии, но и дивизии. Этот же транспорт был главным «носителем» подвижных запасов, причем не только войсковых, но и оперативных.

Генерал В. В. Никитин — в ту пору представитель Центрального управления ГСМ при ставке главкома на Дальнем Востоке — вспоминал позже, что особенно трудным оказалось снабжение 6-й гвардейской танковой армии, наступавшей в первом эшелоне Забайкальского фронта. К исходу третьих суток операции, преодолев хребты Большого Хингана и спустившись на Маньчжурскую равнину в районе г. Лубэй, армия начала ощущать перебои в снабжении горючим. А именно ей с утра следующего дня предстояло развить наступление на Мукден, Чанчунь с целью быстрого расчленения главной группировки Квантунской армии. Поскольку бездорожье и большие расстояния исключали подачу горючего автомашинами, было принято решение доставить 2 тыс. т дизельного топлива транспортными самолетами из Читы, что и было сделано. Для обеспечения горючим войск двух Дальневосточных фронтов наряду с автомобильным широко использовался речной и морской транспорт.

В целом опыт Великой Отечественной войны показал, что подвоз в системе материального обеспечения войск — это единый процесс, включающий комплекс мероприятий: исчисление потребностей, оформление заказов, производство и создание запасов, хранение и приведение материальных средств в боевое состояние, погрузка на различные виды транспорта и доставка их непосредственно на поле боя. Все эти мероприятия тесно увязывались по объему планируемых средств, степени их готовности, местам размещения, срокам доставки и осуществлялись на основе единого централизованного руководства. Способы подвоза в каждом случае определял старший начальник, исходя из реальных условий обстановки.

Таковы, вкратце, «стержневые» вопросы этой проблемы по опыту минувшей войны. Картина в целом вроде бы ясная. Бери из этого опыта все, что оправдало себя в прошлом, и используй применительно к современным нуждам войск. Однако как раз в этом и состояла основная трудность. Появле-

ние ракетно-ядерного оружия в корне меняет не только характер войны, формы и способы ее ведения, но и многократно затрудняет всю систему снабжения войск, поскольку делает тыл еще более уязвимым от воздействия противника. Стало быть, требуется не только отлаживать существующую систему снабжения войск, но и искать новые способы функционирования тыла в современных условиях.

Первостепенность и важность этой задачи, кстати, неоднократно подчеркивали уже в тот период многие советские военачальники. До сих пор помню разбор учения, который делал Министр обороны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в Киевском военном округе в 1956 году.

Я впервые осознал тогда всю сложность подготовки и осуществления операций, проводимых с учетом всех послевоенных изменений в вооружении и способах действий войск. Сжато и убедительно излагая свои доводы, Георгий Константинович глубоко анализировал все этапы учения и наиболее интересные или спорные решения командующих и начальников родов войск. Наиболее впечатляющим было, пожалуй, то, что маршал необычайно остро обнажал основу замысла «противника». Это позволяло ему исподволь подводить всех участников разбора к наиболее целесообразному решению.

Невольно подмечалось и то, что маршал очень искусно выбирал момент для начала активных действий. Досконально зная по обстановке возможности своих войск и сил «противника», он находил наиболее эффективные способы для разгрома противостоящей стороны. Отсюда проистекали и требования министра к тылу — вопреки всем трудностям создавать и перемещать основные запасы материальных средств на те направления и в те сроки, где и когда будут задействованы главные группировки сторон.

Помню, многие участники покинули зал, где состоялся этот разбор, явно озадаченные: вводные и решения маршала опрокидывали мир привычных понятий. Теперь предстояло немало что сделать для освоения этих положений в войсках и органах тыла. Определенных коррективов требовали и учебные программы нашей академии тыла и снабжения. Мы понимали: если Г. К. Жуков требует учить войска так, а не иначе и строить работу тыла по-новому, то он исходит из высших интересов боеготовности Вооруженных Сил. Однако, как все это делать конкретно, нам, офицерам тыла, было пока неясно. В своем разборе маршал об этом не сказал, а существовавшие руководства на сей счет ответов тоже не давали. Приходилось самим искать новые формы решения задач. И их искали.

Многого ожидали в этой связи и от опытно-исследовательского учения с профессорско-преподавательским составом академии тыла, рассказ о котором я прервал отступлением об опыте воинских перевозок в годы войны. К подготовке учения привлекли большой круг офицеров, причем разработчикам была предоставлена возможность отразить различные взгляды на проблемы тылового обеспечения войск в современной операции. Поэтому, действуя нередко на свой страх и риск, офицеры штаба разработали задание, планы учения и вопросы исследования, продумали все вводные.

В общих чертах это учение должно было носить оперативно-стратегический характер, аналогичный по замыслу и развитию Белорусской наступательной операции 1944 года, но с поправками на требования современности. Планировался поэтому значительно больший объем материальных потребностей войск, устанавливались более высокие темпы наступления и меньшая продолжительность действий.

Наконец все было готово. Офицеры штаба постарались отразить в документах не только прошлый опыт в работе тыла, но и наиболее перспективные формы и способы обеспечения подвижных родов войск применительно к характеру современной операции. Генерал Ф. М. Малыхин лично просмотрел все разработки и остался вроде доволен. Однако В. И. Виноградов часто вносил поправки в любые документы, независимо от стадии их готовности. Не сделал он исключения и на сей раз. За два дня до отправки учебных материалов в академию генерал-полковник неожиданно включил в состав войск «противника» дополнительно еще три дивизии и несколько приблизил всю его группировку к переднему краю наших войск. Это поставило разработчиков в очень трудное положение. Потребовалось экстренно наметить новые варианты действий войск и их материального обеспечения, изменить массу исходных данных, переработать карты и вводные. К сожалению, отсутствие времени на качественную переработку всех материалов привело лишь к тому, что из многих взятых для исследования вопросов четко были прослежены главные — о формах и способах функционирования системы подвоза в современной операции. Естественно, снизилась и поучительность всего исследования в целом.

В силу этой же причины было трудно потом объективно оценить действия обучаемых и дать им надлежащие рекомендации по работе над проблемами совершенствования тыла. Группа офицеров, назначенных для подготовки разбора (куда вошел и я), по сути дела, не справилась со своей за-

дачей. Лишь одному из нас — оператору С. Окулову удалось отработать свой раздел так, что он понравился В. И. Виноградову. Впрочем, для него подобная задача была привычной. Он много лет проработал в штабе тыла, неоднократно выезжал с Виноградовым в войска, много раз готовил для него доклады, разборы и, естественно, хорошо знал его требования к оперативно-тыловой подготовке.

Эти требования были, разумеется, вполне справедливы. Жаль только, что высказывались они обычно в общем плане и в повелительной форме: «Делать так, и не иначе!» Правда, Ф. М. Малыхин попытался смягчить чересчур суровые, на его взгляд, выводы руководителя учения и дополнить теоретическую часть исследования. Но — тщетно. После него Виноградов опять «отредактировал» текст разбора таким образом, что некоторые участники исследования не уяснили ни своих задач, ни общих перспектив в развитии тыла. Конечный вывод был таков: «Опыт минувшей войны изучается плохо. Новые принципы работы тыла разрабатываются слабо. Нужно трудиться в этом направлении больше и лучше...»

Малыхин очень переживал за результаты того на редкость безликого разбора. В дальнейшем он постарался направить работу офицеров штаба тыла и академии на решение действительно важных задач по повышению живучести, работоспособности и управляемости тыла в новых условиях. Постепенно ему удалось заинтересовать В. И. Виноградова разработкой конкретных вопросов. Вскоре создали специальную исследовательскую группу, которую возглавил полковник С. Н. Перетерский.

Работая в составе группы, я постоянно имел прямой контакт с Перетерским. Мне нравился его творческий подход к любому делу (а рассматривались в основном те же проблемы, о которых говорилось выше). Один из ветеранов по стажу службы в центральном аппарате тыла, Сергей Николаевич отличался высокой самодисциплиной и большой работоспособностью. Его скрупулезность в расчетах и выкладках, умение очень грамотно оформить наиболее трудоемкие документы заслуживали всяческой похвалы.

Вначале, правда, между нами возникали иногда некоторые осложнения. Перетерский — мастер глубоких обобщений при анализе масштабных вопросов — несколько недооценивал, на мой взгляд, конкретные нужды войскового тыла. Мне, прибывшему оттуда всего год назад, многое в оценке положения дел на местах виделось иначе и, думается, реаль-

нее. Постепенно все же наладились нормальные отношения, и мы заработали согласованно.

Перетерский внимательнее прислушивался к мнениям участников войны. Помогал им правильно обобщить имеющийся опыт, однако принципиально никогда не соглашался с тем, в чем сам не был уверен. Нетерпимо относился и к малейшей небрежности, на почве чего возникали размолвки с отдельными товарищами.

В общем работать мне с ним в качестве заместителя было нелегко. Некоторые офицеры не выдерживали, как они выражались, «предвзятости руководителя» и просили отчислить их из группы. Я же проработал в ней более четырех лет. И за эти годы многое познал из того, что составляет суть и методологию исследования. Более зримо увидел и горизонты научного поиска. Нередко, взявшись за какую-то тему, с горечью убеждался, что многие положения в организации тыла, которые надлежало рассматривать в качестве исходных, сами нуждались в обосновании. Так копился материал для осмысливания и множились вопросы, требовавшие нестандартного подхода.

В конце 50-х годов в интересах совершенствования работы тыла проводились и некоторые организационные преобразования, к сожалению не всегда целесообразные. Так было, к примеру, при замене в войсках должности заместителя командира по тылу должностью начальника тыла. Этим актом понижалась не только должностная категория соответствующего лица, но и, по сути дела, сама роль тыла. Одно дело — когда какое-то распоряжение в масштабе полка отдает заместитель командира по тылу (как прямой начальник всего личного состава части), и совсем другое — когда оно исходит от должностного лица, являющегося прямым начальником лишь для личного состава тыловых подразделений полка. К счастью, здравый смысл победил, и институт заместителей по тылу был в скором времени восстановлен.

В тот период можно было услышать весьма смелые «проекты» относительно переустройства тыла в целом. Возникали даже предложения об упразднении оперативного звена в нем в связи с сокращением численности Вооруженных Сил. В этих условиях требовалось спокойно и обстоятельно разобраться во всех аспектах вопроса, чтобы при реорганизации тыла не наломать дров. И тут небезынтересно посмотреть, для исполнения каких функций предназначался оперативный тыл в прошлом и в миновавшую войну.

Фронтной тыл возник в русской армии в ходе первой мировой войны. Участие в ней многомиллионных масс наземных войск, ведущих вооруженную борьбу на огромных по протяженности линиях фронтов, потребовало и соответствующего построения системы их материального снабжения. Каждый театр военных действий состоял в ту пору из районов фронтов. Те, в свою очередь, делились на две части — на войсковой район армий (во фронте их было 2—3 и более) и тыловой район армий (или район общего тыла фронта). Войсковой район каждой армии соответственно подразделялся на войсковые районы корпусов и тыловой район армии. Вопросами тылового обеспечения войск во фронте ведал главный начальник снабжения. В круг его обязанностей, согласно Положению о полевом управлении войск в военное время (издано в 1914 году на правах документа, не подлежавшего оглашению), входило: устройство района общего тыла фронта; обеспечение армий всеми видами снабжения; организация подвоза и эвакуации; производство заготовок на местах и истребование недостающих материальных средств из внутренних областей страны; общее руководство гражданскими управлениями на всей территории общего тыла фронта.

Особым параграфом Положения предусматривалось непосредственное подчинение главному начальнику снабжения начальников других служб: военных сообщений, артиллерийского и инженерного снабжений, интендантства, санитарной и ветеринарной частей, главного казначея и главноуполномоченного Российского общества Красного Креста, а также главных начальников военных округов и военных генерал-губернаторов в зоне общего тыла фронта.

Главный начальник снабжения подчинялся непосредственно главнокомандующему войсками фронта и был относительно независим от начальника штаба фронта, которому лишь сообщал общие сведения о степени обеспеченности армий. Таким образом, у главнокомандующего было два штаба: один — для руководства военными действиями, другой — для организации тыла и всех видов материального снабжения. Благодаря этому штаб фронта, освобожденный от снабженческих функций, получал возможность сосредоточить все свое внимание на руководстве боевыми операциями.

Следует отдать должное авторам Положения: при его разработке они учли всю сложность организации снабжения войск в период войны, предложив выделить тыл на это время как бы в самостоятельный институт. Правда, верховный главнокомандующий русской армией великий князь Нико-

дай Николаевич усмотрел в этом попытку умалить его личные права и не дал полного хода новым принципам организации тыла. Функции снабжения в центре были оставлены, например, за военным министерством и различными главными управлениями, действовавшими на основе положений мирного времени. Это породило неразбериху, которую еще более усугубила вражда, существовавшая между ставкой и военным министерством. Уже к концу первого года войны царскому правительству пришлось создавать различные государственные и общественные комитеты по снабжению армии вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием. Однако и они не могли возместить отсутствие важных звеньев в центральном аппарате тыла русской армии.

Что касается тыла фронтового, то его построение во многом определялось характером военных операций того времени. Во фронтовом тыловом районе размещалась сеть довольствующих органов, главным образом стационарных, развертываемых на базе соответствующих учреждений мирного времени. Исполнение заявок на поставки материальных средств лежало на окружных военных управлениях, которым подчинялись различные тыловые учреждения со своими запасами военного имущества. Война, принявшая вскоре позиционные формы, окончательно закрепила это положение.

В основном та же схема была сохранена и при организации фронтового тыла Красной Армии. Это обуславливалось сложностью ее перестройки в условиях гражданской войны. К концу войны все основные вопросы снабжения войск сосредоточились в штабах фронтов, где тыловое обеспечение осуществляли два органа: управление военных сообщений (ведало устройством военных дорог, баз, этапов, работой гужевого транспорта, эксплуатацией и организацией перевозок по железным дорогам, а также почтово-телеграфной службой) и управление начальника снабжения фронта (артиллерийское, инженерное, продовольственное снабжение, обозно-вещевое и ветеринарное обеспечение войск). Санитарная служба также подчинялась начальнику снабжения фронта, и лишь позже, с передачей всего дела медицинского обеспечения Красной Армии в Наркомздрав, она была переподчинена Главвоенсанупру. Что касается других важных элементов в устройстве фронтового тыла Красной Армии, то они мало чем отличались от схемы, сложившейся в старой русской армии.

Со времени окончания гражданской войны и почти до 40-х годов регламентация фронтового тыла так и не была за-

кончена. А ведь в те годы происходил бурный процесс перевооружения Красной Армии, массового ее оснащения самолетами, танками, специальным и другим вооружением. Более высокая подвижность и огневая мощь войск, существенные изменения в их организационной структуре и возросшие потребности, в том числе в новых номенклатурах боеприпасов, горючего, инженерно-технического и другого имущества, требовали создания новых служб обеспечения и в оперативном звене.

Правда, в войсках некоторые службы, как и соответствующие тыловые подразделения, создавались: заставляла сама жизнь. В результате постепенно оформлялась определенная схема снабжения частей и соединений. К сожалению, в отношении фронтового тыла правильного решения так и не было найдено вплоть до начала Великой Отечественной войны. По-прежнему считалось, что фронтовой тыл должен быть в основном стабильным. В соответствии с этим положением эвакуацию раненых из армейских полевых эвакуопунктов, например, планировалось производить исключительно санитарными поездами во фронтовой эвакуопункт, находящийся на расстоянии суточного пробега от армейского. Фронтовые (по существу — окружные) госпитали также мыслилось иметь стационарными. По опыту гражданской войны рекомендовалось даже строительство во фронтовом тылу специальных санитарных городков.

Хотя расчетные потребности войск в материальных средствах чрезмерно завышались (норма расхода боеприпасов в среднем за армейскую операцию исчислялась в 0,5 боевого комплекта, а горючего — 0,5 заправки в сутки), автотранспорта в штатах самих войск для подвоза и содержания таких запасов практически не было. А ведь простой подсчет показывал, что при таких нормах расхода для армии, действующей на главном направлении, требовалось бы ежедневно 5—9 железнодорожных эшелонов боеприпасов, 5—7 — продфуража, 3 — горючего и смазочных материалов и т. д. Всего же в сутки нужно было подать до 36 груженых железнодорожных составов! А как подвезти все эти грузы непосредственно в войска, о том, видно, серьезно не задумывались...

Какой-то выход из положения еще можно было найти при условии неоднократной оборачиваемости автогужевого транспорта при подвозе грузов частям и соединениям, ведущим позиционные действия. Однако установка на таковые, если кем-то и бралась в расчет, была опрокинута практикой начавшейся Великой Отечественной войны, когда боевые

действия сразу же приобрели на всех фронтах исключительно подвижной характер.

Следует отметить, что особых изменений в устройстве фронтового тыла не принес и опыт советско-финляндской войны. И не потому, что этот тыл не успел показать всех своих изъянов. Напротив, практика боевых действий достаточно наглядно убеждала в необходимости более глубокого эшелонирования запасов и более четкой организации подвоза. Не случайно сразу после окончания боевых действий предпринимались серьезные меры к тому, чтобы радикально улучшить систему фронтового тыла и управления им. Однако достаточного времени на это не оказалось. Началась новая, теперь уже Великая Отечественная война, и многие недоработки мирного времени обнажились предельно остро.

Одна из них заключалась в недостаточно четкой системе управления органами тыла. Я особо подчеркиваю это обстоятельство потому, что и теперь данный элемент вновь потребовал совершенствования применительно к новым условиям вооруженной борьбы. Вот почему в 1958 году руководство Министерства обороны, проводя специальную военную научную конференцию, уделило большое внимание принципам управления войсковым и оперативным тылом. Докладчиком и на этот раз был В. И. Виноградов. Для разработки основного доклада вновь создавалась специальная группа, куда включили и меня.

С чего начать? — задались мы вопросом, впервые собравшись вместе. Какие проблемы вынести на обсуждение?

Сошлись на том, что доклад и все выводы из него необходимо строить опять-таки на основе опыта минувшей войны. Требовалось, стало быть, достаточно убедительно показывать жизненность основных принципов организации тыла Советской Армии и управления им, сформировавшихся к концу Великой Отечественной войны, во-первых, и возможность их творческого развития и применения в новых условиях, во-вторых. И работа сразу приобрела целевую направленность.

Еще в предвоенные годы, несмотря на несовершенство отдельных звеньев тыла, в вопросах управления им имелись положительные моменты. Накануне Великой Отечественной войны накопленный опыт был обобщен во Временном уставе тыла. Положения и требования этого устава материально обеспечивались достаточно развитой к тому времени военно-экономической базой страны, наличием необходимых материальных резервов, а также квалифицированных кадров в органах управления тылом. Вместе с тем, повторяю, далеко

не все удалось отладить в практическом плане, чтобы привести механизм тыла в соответствие с характером надвигающейся войны.

Это нередко сказывалось потом на обеспечении частей и соединений, первыми вступивших в бой с врагом. Вполне достаточные запасы материальных средств всех видов, размещенные на складах и базах в приграничных округах, во многих случаях не использовались войсками лишь по причине недостаточно продуманной системы их подчинения и управления. К. К. Рокоссовский — в ту пору командир механизированного корпуса — вспоминал в этой связи:

«Вся подготовка (к контрудару. — *Ред.*) шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Сопротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками»¹.

Вопросами оперативного устройства тыла ведали в тот период Генеральный штаб, штабы фронтов и армий. Они же планировали все поставки войскам, однако сами материальные средства находились в руках различных служб, не подчиненных общевойсковым штабам. Такой разрыв между функциями планирования и снабжения отрицательно влиял на обеспечение боевых действий войск. Оно крайне затруднилось еще и потому, что вероломное нападение фашистской орды сорвало развертывание войскового и оперативного тыла: вся система его перевода на военное положение строилась в расчете на возможность сделать это в мобилизационный период. Однако такого периода не оказалось ни у войск, ни у тыла.

Для выправления положения специальными решениями ГКО и Ставки были внесены коренные изменения в руководство всеми звеньями тыла. В основу было положено известное ленинское требование о централизации управления тылом. Еще в годы гражданской войны в проекте директивы ЦК о военном единстве В. И. Ленин писал: «...необходимым условием успеха этой войны является... строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социа-

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1980, с. 11—12.

листических республик, в частности, всем аппаратом военного снабжения, а также железнодорожным транспортом, как важнейшим материальным фактором войны, имеющим первостепенное значение не только для выполнения военных операций, но и для снабжения Красной Армии боевым и вещевым имуществом и продовольствием»¹.

С учетом этих ленинских указаний в конце июля 1941 года было разработано новое Положение об органах управления тылом Красной Армии. В основу его, кстати, легло по предложению А. В. Хрулева уже упомянутое нами Положение о полевом управлении войск издания 1914 г. А. И. Микоян, ознакомившись с этим документом, сразу оценил его принципиальную важность. На другой же день он позвонил А. В. Хрулеву и сообщил, что И. В. Сталин поручает ему подготовить проект Положения об организации тыла Красной Армии на военное время.

К работе были привлечены представители Генштаба П. А. Ермолин, П. В. Уткин, К. Ф. Ремизов, а также помощник А. В. Хрулева полковник Г. Н. Данков, умевший искусно готовить уставные документы. 30 июля 1941 года проект постановления ГКО был доложен И. В. Сталину, который его подписал. А 1 августа было уже образовано Главное управление тыла Красной Армии в составе: штаб начальника тыла, управление военных сообщений, автодорожное управление и инспекция. В Главное управление тыла входили также главное интендантское управление, управления снабжения горючим, санитарное и некоторые другие. Службы снабжения боевым и техническим имуществом оставались в подчинении командующих родами войск. Однако доставка их имущества в действующую армию планировалась и осуществлялась центральными органами тыла, в руках которых находился теперь весь транспорт.

Были созданы управления тылом во фронтах и в армиях. Их возглавили начальники тыла — заместители командующих, которые одновременно подчинялись начальнику Главного управления тыла Красной Армии. Соответственно во всех объединениях упразднялись должности заместителей начальников общевойсковых штабов по тылу.

По решению ЦК партии на должность заместителя Народного комиссара обороны — начальника Главного управления тыла Красной Армии был назначен главный ее интендант, видный военный деятель генерал А. В. Хрулев. Позже он стал одновременно и наркомом путей сообщения. Для ре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 400.

шения вопросов снабжения армии Центральный Комитет привлекал министров СССР — В. П. Зотова, К. П. Субботина, П. В. Смирнова, А. В. Любимова и других.

19 августа 1941 года была учреждена должность начальника тыла ВВС Красной Армии, на которую был назначен начальник Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского генерал-майор авиации Н. А. Соколов-Соколенок, а в мае 1942 года — должность начальника тыла ВМФ; им стал генерал-лейтенант береговой службы С. И. Воробьев.

Тылы фронтов также возглавили крупные военные работники: начальник академии Генерального штаба генерал-лейтенант В. К. Мордвинов, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-лейтенант М. С. Хозин, начальник управления военно-учебных заведений Красной Армии генерал-лейтенант И. К. Смирнов, заместитель командующего войсками Западного Особого военного округа генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов, заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант М. А. Рейтер и другие. Все они облакались высокими полномочиями. Генерал А. В. Хрулев позже вспоминал:

«Верховный Главнокомандующий ознакомил собравшихся (вышеназванных лиц. — *И. Г.*) с положением на фронтах и подчеркнул исключительные трудности в подаче войскам материальных средств и эвакуации раненых.

— Война, — говорил он, — требует железного порядка в снабжении войск. Этот порядок должен наводиться твердой рукой начальников тыла фронтов и армий. Вам пужно быть диктаторами в тыловой полосе своих фронтов, и это каждый должен хорошо усвоить»¹.

Несколько позже в целях более четкого управления тылом вместо организационно-плановых отделов во фронтах и армиях также были созданы штабы тыла. Началось формирование полевого фронтового тыла, происходило совершенствование армейского тыла и всей системы материального, транспортного, технического и медицинского обеспечения.

Для улучшения планирования боевых действий по указанию заместителя Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова начальник штаба Главного управления тыла Красной Армии начал привлекаться к разработке планов материального обеспечения боевых операций. На основе исходных данных, представляемых операторами Генштаба, он разрабатывал схему устройства тыла во фронтах и армиях,

¹ Военно-исторический журнал, 1961, № 6, с. 70.

включавшую: план подготовки сети грунтовых дорог и подъездных путей к железнодорожным станциям; план восстановления железных дорог в период подготовки операции и в процессе ее проведения; перечень требующихся фронтам (армиям) тыловых частей и учреждений; план накопления запасов продовольствия, фуража, горючего и смазочных материалов, вещевого, медико-санитарного и ветеринарного имущества; план перевозок боеприпасов, бронетанкового, автомобильного, инженерного, химического и другого имущества. Все эти мероприятия начальник штаба тыла координировал с Генштабом и со штабами фронтов через офицеров-направленцев. Таким образом, общевойсковые штабы осуществляли функции общего планирования боевых операций, а штабы и службы тыла планировали снабжение войск.

Проведенная централизация позволила навести порядок с распределением материальных ресурсов. Улучшились учет запасов, планирование расхода и подвоза, сбор информации и обоснование всех предложений по подготовке операций в тыловом отношении. Особую важность приобрели вопросы учета и расхода материальных средств, организации согласованной работы всех звеньев и органов тыла и поддержания твердого порядка в тыловом районе. В этих целях решением ГКО от 22 мая 1942 г. начальнику тыла — в вопросах организации тыла, планирования снабжения и подвоза — были даже подчинены артиллерийская, автобронетанковая, связи и ряд других служб снабжения. Разумеется, в ходе войны пришлось преодолеть еще немало трудностей по совершенствованию такого сложного механизма, каким является тыл. Но главное было сделано, и система снабжения войск заработала бесперебойно.

Это вскоре оценили все — и враги, и друзья. При встречах с ветеранами тыла, которые бывали у нас в штабе довольно часто, А. В. Хрулев вспоминал, как к нему в те дни пришел профессор М. М. Загю, бывший генерал царской армии и генерал-лейтенант Армии Советской, и сказал:

— Большое солдатское спасибо вам, Андрей Васильевич!

— За что же, уважаемый Михаил Михайлович?

— За то истинное чудо, какое явилось мне на склоне лет моих. Я еще не забыл и до гроба не забуду, как уже на втором году войны с Германией русской армии всего не хватало, всего решительно: снарядов и патронов, амуниции и медикаментов, провианта и даже курева. А теперь у нашей армии все есть.

— Не меня надо благодарить за это, — ответил ему тогда Андрей Васильевич, — а Советскую нашу Родину, новый

общественный строй, Коммунистическую партию! Это они возвели фундамент для грядущей победы над врагом.

Во втором периоде войны, с изменением характера боевых действий и ростом военно-экономического потенциала страны, дальнейшее развитие получили и принципы управления тылом в различных условиях обстановки. Полчища немецко-фашистских захватчиков, глубоко вклинившиеся на территорию нашей страны, ощущали все более сильные удары советских войск и несли колоссальные потери.

Наконец наступило время, когда противника остановили и погнали вспять. И тогда, особенно в ходе контрнаступления Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов в ноябре 1942 года, в битвах на Курской дуге и на Днепре в 1943 году, от органов управления тылом потребовалась значительно большая оперативность в снабжении войск. Здесь уместно сослаться на свидетельство Маршала Советского Союза И. С. Конева, который, вспоминая о боях на криворожском направлении осенью 1943 года, писал:

«Гитлеровцы принимали все меры, чтобы задержать наше наступление. Сопротивление врага начало возрастать. Мы испытывали большие трудности в пополнении войск, в снабжении армии снаряжением и боеприпасами. Принимая все меры для развития наступления, мы использовали для переброски горючего самолеты По-2; кроме того, Ставка выделила нам 10 транспортных самолетов «Дуглас»... Использовались все средства, делалось все, чтобы войска фронта шли вперед, освобождая Правобережную Украину»¹.

Таким образом, службы тыла, объединенные сверху до низу единым руководством, имели теперь возможность более оперативно реагировать на любые осложнения в обстановке, изыскивать новые возможности для удовлетворения срочных нужд наступающих войск.

Важная роль при этом принадлежала штабам тыла всех степеней. Они организовывали и координировали взаимодействие различных служб в масштабе операций, контролировали планирование и непосредственное обеспечение войск, выполняли другие важные функции. Состав штабов тыла менялся и совершенствовался. Так, первоначально в штаб Главного управления Тыла входили отделы: планирования материального обеспечения действующих войск и формирований, планирования железнодорожных и автомобильных

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., 1972, с. 76.

перевозок, организации органов и учреждений тыла, эвакуации, а также общий отдел.

С первых же дней существования штабу Тыла пришлось решать большие и сложные задачи. Он следил за оперативно-стратегической и тыловой обстановкой на фронтах; готовил предложения и расчеты по материальному обеспечению войск, а после принятия начальником Тыла решения — планировал его на период операций и кампаний, доводя эти планы до фронтов и отдельных армий; вел учет обеспеченности фронтов и новых оперативных формирований всеми видами ресурсов; планировал подвоз материальных средств и контролировал выполнение этих задач; занимался организационными вопросами, эвакуацией различного военного имущества из угрожаемых районов, координировал деятельность всех центральных довольствующих и обеспечивающих управлений.

На протяжении всей войны в работе штаба Тыла главной задачей было материальное обеспечение войск, а в нем — подвоз. Не случайно И. В. Сталин при назначении начальника Тыла Советской Армии генерала А. В. Хрулева в феврале 1942 года одновременно и наркомом путей сообщения особо подчеркнул данную функцию. «Снабжение фронтов, — указал он, — это прежде всего подвоз»¹. Памятуя о том, штаб начальника Тыла проводил много различных мероприятий по организации подвоза. На одном из первых же расширенных совещаний, например, где присутствовали представители центральных довольствующих управлений НКО — Главного артиллерийского, Главного инженерного, Управления снабжения горючим и т. п., были выработаны важные рекомендации по организации промежуточных складов на основных направлениях грузопотоков, оборудованию железнодорожных летучек, по другим вопросам упорядочения снабженческих перевозок. В марте месяце в штабе Тыла были усилены те его звенья, которые непосредственно организовывали подвоз.

Руководство штаба Тыла сразу же стало практиковать такой эффективный способ управления тылом, как выезд оперативных групп и офицеров-направленцев непосредственно в действующую армию. Они на месте изучали обстановку и оказывали эффективную помощь службам тыла в войсках, организуя их работу в соответствии с новыми требованиями и положением на фронтах. Так, например, 5 августа 1941 года группа офицеров штаба Тыла выехала в район Харь-

¹ Военно-исторический журнал, 1961, № 6, с. 81.

кова с задачей наладить обеспечение 6-й и 18-й армий Южного фронта горючим. В течение нескольких дней офицеры успели сделать многое: собрали транспорт подвоза, помогли сформировать автоподразделения, определили базы и склады, откуда следовало брать горючее, добились создания возимых запасов в частях и подразделениях этих армий. Снабжение горючим в них было упорядочено.

Во второй половине августа 1941 года другая группа офицеров штаба и управлений Тыла возглавила руководство по разгрузке станций Московской окружной дороги и всего Московского железнодорожного узла. Дело в том, что в то время к Москве усиленными потоками шли с запада транспорты с различными эвакуогрузами и неиспользованными материальными запасами с военных складов. Появилось множество так называемых бездокументных грузов. А в сторону фронта, и опять же через Москву, шли плановые эшелоны с войсками и материальными средствами. Требовалось срочно разобраться во всем: одни грузы передать на довольствие фронтам, другие — переадресовать распорядительным станциям и центральным складам, третьи — направить в глубь страны, назначив конкретных получателей. Много суток напряженно трудились офицеры штаба Тыла, пока выполнили задачу. Московский узел был разгружен, и плановые транспорты теперь уже без помех помчались с востока к фронту, минуя по окружной столицу.

Поезда со снабженческими и эвакуационными грузами нередко забивали и другие узловые станции, образуя заманчивые для вражеской авиации цели. Резко снижала оборачиваемость подвижного состава и любая задержка порожняка на фронтовых дорогах. Для наведения порядка в начале сентября 1941 года начальник Тыла стал назначать на узловые железнодорожные станции своих уполномоченных, наделяя их большими правами. Совместно с представителями НКПС и органами ВОСО они принимали решительные меры к ускорению продвижения и разгрузки воинских эшелонов, сводили к минимуму их переадресовку, оказывали экстренную помощь в формировании поездов прямого следования. Этому способствовала новая нумерация транспортов, позволявшая быстро определять вид воинских грузов и назначение каждого эшелона.

Постепенно штаб Тыла превращался в весьма эффективный орган управления. В сентябре 1941 года вместо ушедшего в действующую армию генерала П. В. Уткина начальником штаба стал генерал М. П. Миловский. Он энергично взялся за сколачивание штаба и совершенство-

вание методов его работы, установил тесные контакты с центральными управлениями НКЮ и Генеральным штабом. В период битвы под Москвой штаб под его руководством установил строгий учет обеспеченности войск всеми видами материальных средств, четко планировал их подачу, оперативно готовил и доводил директивы по тыловым вопросам до фронтов.

Общее планирование материальных поставок войскам, как известно, осуществлял Генеральный штаб в соответствии со складывающейся обстановкой. Конкретно же распределение запланированных средств и доставку их фронтам, флотам и военным округам организовывал штаб начальника Тыла. Работая в тесном взаимодействии с главными и центральными довольствующими и обеспечивающими управлениями Наркомата обороны, он постоянно ориентировал эти управления о местонахождении транспортов с грузами, по распоряжению Генштаба сообщал им о новых формированиях и указывал железнодорожные станции, на которые необходимо подавать снабженческие грузы¹.

Большое значение в совершенствовании тылового обеспечения войск имела централизация системы планирования и ответственности. Постановлением ГКО от 19 мая 1942 года службы снабжения во фронтах и армиях (артиллерийского вооружения, автобронетанкового, инженерного, связи, химического имущества) по вопросам общей организации тыла, планирования снабжения, подвоза и эвакуации были подчинены начальникам тыла. Но при этом ответственность за снабжение войск всеми видами материальных средств по-прежнему оставалась за соответствующими начальниками родов войск и служб фронта (армии).

Очень напряженно потрудились офицеры штаба Тыла и начальники центральных довольствующих управлений зимой 1942/43 г. в период подготовки и проведения Сталинградской наступательной операции. Они проделали в тот период значительную работу по накоплению запасов материальных средств, перемещению баз снабжения, повышению пропускной способности коммуникаций и улучшению эксплуатации всех видов транспорта. Однако по ряду причин накопление запасов шло медленно, в силу чего Ставка ВГК перенесла начало наступления наших войск на несколько дней. Начальник Тыла и его штаб, руководствуясь указаниями Ставки, разработали директиву о базировании материальных средств трех фронтов, определили для них

¹ ЦАМО, ф. 67, оп. 12022, д. 59, л. 28.

тыловые районы. Вопреки существовавшим в то время взглядам фронтовые склады были приближены к войскам и размещены с отрывом от железных дорог. И хотя необходимые запасы и на этот раз не были доведены до установленных норм, наиболее рациональное их эшелонирование и использование позволило надежно обеспечить нужды ударных группировок войск. Суть же рационального эшелонирования заключалась в том, что максимальное количество боеприпасов, горючего и других материальных средств сосредоточивалось в частях, соединениях и в армейском тылу и лишь минимум их оставался на фронтовых складах (например, боеприпасов всего 0,2—0,5 боекомплекта)¹.

В ходе Сталинградской наступательной операции производился усиленный подвоз материальных средств. Поскольку растяжка сухопутных коммуникаций не позволяла справиться с большим объемом перевозок, Ставка ВГК по просьбе начальника Тыла выделила 2 авиадивизии транспортных самолетов для доставки танковым и механизированным соединениям фронтов грузов по воздуху (в первую очередь — боеприпасов и горючего). Чтобы не допустить перебоев в обеспечении войск Сталинградского фронта, действовавших в районе Калача, Карповки, Кривомузгинской, снабжение их было организовано за счет запасов Донского фронта, доставляемых на станцию Качалино.

Весной 1943 года многие офицеры штаба Тыла снова выезжали в действующую армию для проверки состояния тыла. Сам генерал Хрулев побывал на Калининском, Центральном и других фронтах. Материалы этих поездок показали, что некоторые командующие и командиры в ходе успешных наступательных действий уделяли недостаточно внимания организации своего тыла и контролю за его функционированием. Обобщив эти данные, штаб Тыла Советской Армии разработал специальный приказ НКО, определявший четкий порядок материального обеспечения войск. И. В. Сталин внес в него ряд существенных поправок и 31 мая подписал его. Приказную часть документа он дополнил такой фразой: «Командующим фронтами и армиями своевременно ставить начальникам тыла задачи по материальному обеспечению предстоящих операций, давать указания и необходимые данные»².

Возросший объем материальных средств, расходуемых войсками в операциях, требовал дальнейшего совершен-

¹ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1977, с. 110.

² ЦАМО, ф. 67, оп. 12018, д. 119, л. 24, 25, 27.

ствования системы подвоза. По существовавшему до этого положению соединения и части сами подвозили со складов вышестоящего звена выделенные им запасы. Но в ходе наступления склады армий и соединений отставали и нижестоящее звено не справлялось с подвозом. Государственный Комитет Обороны по представлению штаба Тыла в июне 1943 года принял постановление, согласно которому ответственность за подвоз всех видов запасов в нижестоящие объединения, соединения и части возлагалась на старшего начальника тыла.

Опыт первых двух лет войны показал, что функции штаба начальника Тыла оказались значительно шире, нежели это предусматривалось при его создании. Новые задачи диктовали необходимость совершенствования как организационной его структуры, так и методов работы. В июне 1943 года ГКО принимает еще одно важное постановление — об упразднении Главного управления Тыла Советской Армии. Управления, входившие в его состав, переподчинялись непосредственно начальнику Тыла, должность которого стала именоваться теперь так: начальник Тыла Советской Армии — заместитель Наркома обороны по тылу. А начальник штаба Тыла стал первым его заместителем.

После этой реорганизации в штабе Тыла начали функционировать следующие отделы: оперативно-тыловой, организационный, учета материального обеспечения новых формирований, планирования и учета железнодорожных перевозок, планирования автомобильных и авиационных перевозок, спецгруппа по перевозке импортных грузов, административно-хозяйственные и другие отделения. Новая структура штаба и в целом центрального аппарата Тыла, функции и правовое положение его должностных лиц позволяли теперь более целенаправленно организовывать и осуществлять тыловое обеспечение войск.

Важным моментом в этом процессе являлось совмещенное по времени планирование и доведение задач до исполнителей, сокращение переписки с управлениями и более оперативное решение возникающих задач. Для планирования тылового обеспечения в операциях стали привлекать не только работников штаба Тыла, но и отдельных специалистов главных управлений. Директивы по тылу фронтам и флотам издавались, как правило, при планировании новых операций или при резких изменениях обстановки. Разрабатывались они в штабе Тыла, согласовывались с Генеральным штабом и отдавались фронтам обычно за подпи-

сию начальника Генштаба и начальника Тыла. Этими директивами фронтам определялись железнодорожные направления, направления и сроки развертывания военно-автомобильных дорог центра, порядок размещения фронтовых тыловых частей на территории тыловых районов соседних фронтов, порядок материального обеспечения принимаемых или передаваемых войск, сроки готовности тыла фронтов.

В целях более устойчивого управления тыловыми частями при их перемещениях и работе, а также для более эффективного использования всех коммуникаций фронтам нарезались определенные тыловые районы. Например, у Юго-Западного и Донского фронтов они достигали глубины до 150 км, у Сталинградского — до 400 км. Причем даже столь глубокое развертывание тыла обеспечивалось четкой системой связи и управления. Основные склады Юго-Западного и Сталинградского фронтов размещались вдоль железных дорог, тесно привязывались к ним и имели возможность оперативно выдвигать часть своих запасов ближе к войскам, а также перемещать их на направления действий главных сил. Медицинское обеспечение планировалось и осуществлялось по эвакуационным направлениям, с развертыванием на каждом из них специализированных подвижных госпиталей и эвакуоприемников.

С ростом масштабов операций все большее влияние на их тыловое обеспечение начали оказывать органы стратегического тыла. Они создавали центральные склады на отдельных стратегически важных участках, оперативно перемещали их вперед на ударные направления, обеспечивая доставку материальных средств войскам в особо крупных размерах. Когда, например, почти одновременно с грандиозным сражением, развернувшимся в междуречье Волги и Дона, началась битва за Кавказ, то на территории Закавказских республик был развернут ряд центральных складов с запасами военного имущества. Это значительно облегчило снабжение Закавказского фронта и позволило образовать в его тылу специальные органы для обеспечения Черноморской и Северной групп войск.

В это же время в целях улучшения контроля за выполнением военных заказов в Азербайджанской ССР и более оперативной отгрузки войскам необходимых запасов была организована центральная наша база в Баку. Позже, в октябре 1943 года, в Харьков вслед за наступающими советскими войсками была перемещена база из Сталинграда, с тем

чтобы обеспечить срочное направление военно-снабжение-ских грузов в адреса 1, 2 и 3-го Украинских фронтов¹.

В 1943 году был издан ряд директивных документов о работе фронтового тыла и служб снабжения. К этому времени стройнее становятся и организационная структура тыла, и система управления им, что благотворно отразилось на общем состоянии тылового хозяйства Вооруженных Сил.

На последующих этапах войны все чаще производился широкий маневр войсками в особо крупных масштабах. Это требовало соответствующего построения тыловых сил и средств как по фронту, так и в глубине. В некоторых операциях обстановка вынуждала развертывать фронтовой тыл в два-три и даже четыре эшелона, обеспечивая непрерывное и гибкое управление им.

Такое построение тыла было характерно для Висло-Одерской операции. К ее началу первые эшелоны фронтового тыла с запасами на 2—3 суток размещались в 20—30 км, вторые эшелоны с запасами на 3—5 суток — в 50—80 км и третьи с запасами на 5—8 суток — в 150—200 км от линии фронта. Таким образом, до 80 процентов всех тыловых частей и учреждений находилось в первом и втором эшелонах фронтового тыла. Остальные размещались позади, в районах глубиной до 400—500 км. Они выполняли задачи по приему запасов из центра и их перегрузке с одного вида транспорта на другой, а также по восстановлению железных и автомобильных дорог. Армейские силы и средства тыла находились ближе к войскам — в 25—40 км, а часть их — в самой непосредственной близости от войскового тыла².

Весьма высокие требования предъявлялись к управлению тылом и при оперативной его маскировке, особенно в ходе подготовки к операциям большого масштаба. Маршал Г. К. Жуков, координировавший действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, вспоминал в этой связи: «Титаническую работу вел тыл фронта, обеспечивая быструю и скрытную перевозку и подачу войскам боевой техники, боеприпасов, горючего и продовольствия. Несмотря на большие трудности и сложнейшие условия местности, все было сделано в срок. Войска обоих фронтов были своевременно обеспечены всем необходимым для ведения боевых действий»³.

¹ ЦАМО, ф. 67, оп. 12022, д. 479, л. 103—104.

² См.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 144—145.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. М., 1978, т. 2, с. 220—221.

Ведение стратегических операций обычно осуществлялось на большую глубину, причем без значительных пауз между ними. В этих условиях повышалась роль предвидения в планировании материального снабжения войск и заблаговременного создания и перемещения необходимых ресурсов на особо важные направления. На этих стратегических направлениях создавались специальные оперативные группы для руководства тылом, работавшие на западных фронтах под руководством представителей Ставки, а в период разгрома японской Квантунской армии — при главкоме советских войск на Дальнем Востоке.

На заключительных этапах войны на тыл были возложены дополнительные задачи. Его органы во многом содействовали местным гражданским властям в восстановлении разрушенного войной хозяйства, оказывали помощь населению продовольствием и транспортом, инвентарем и семенами (особенно в период весенних полевых работ) и т. п. При начальнике Тыла Красной Армии были созданы специальные управления (по восстановлению нефтяных районов Румынии, эксплуатации угольных бассейнов Силезии и другие).

Наряду с материальным снабжением войск Красной Армии успешно решались во время войны и задачи технического их обеспечения. Причем значение служб артиллерийского вооружения, бронетанковой, инженерной и других постоянно повышалось в связи с ростом боевой и огневой мощи армии. Личный состав технических служб, ремонтных подразделений и предприятий в центре и на местах вложил поистине героический труд в восстановление поврежденной военной техники. За годы войны, в частности, было введено в строй более 300 тыс. артиллерийских систем, почти 20,4 млн. единиц стрелково-минометного вооружения, произведено свыше 622 тыс. ремонтов танков и САУ¹.

Принципы работы и управления органов тылового и технического обеспечения строились по единой схеме, на основе общего планирования задач на операцию. На направлении действий фронтов (армий) по директивам (приказам) их командующих для органов тыла и всех служб обеспечения, включая техническую, назначались единые тыловые полосы (районы) и железнодорожные направления (военно-автомобильные дороги), устанавливались единые сроки и размеры создаваемых и расходуемых запасов, единый по-

¹ См.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 495.

рядок централизованного подвоза, эвакуации поврежденной техники, а также организации охраны и обороны. На основании этих директив (приказов) начальники всех родов войск и служб планировали и согласовывали всю работу, обеспечивая высокую боеспособность советских войск.

Таким образом, не будучи организационно объединенными в одно целое, службы тылового и технического обеспечения были органически связаны едиными принципами построения и перемещения сил и средств, использования коммуникаций и транспорта для своих нужд, общей системой мер безопасности. Это позволяло им эффективно решать свои задачи даже в период наиболее активных боевых действий.

...Всесторонне оценивая опыт минувшей войны в области организации тыла, мы, разработчики доклада, постарались отразить в нем все наиболее ценное из того, что сохраняло свою значимость в послевоенный период. В свою очередь докладчик начальник Тыла Советской Армии, генерал-полковник В. И. Виноградов, основываясь на этих выводах, сумел нацелить всех участников научной конференции на дальнейшее развитие форм и способов управления тылом в новых условиях.

Конференция 1958 года оказалась весьма продуктивной по результатам. Живой интерес и раздумья вызывали выступления командующих войсками военных округов и групп войск, членов военных советов, начальников тыла. Все глубоко и верно понимали роль тыла в обеспечении материальных предпосылок высокой боеспособности Вооруженных Сил и те направления, по которым надлежит развивать и совершенствовать все органы.

Руководство Министерства обороны внимательно рассмотрело материалы и рекомендации конференции. В результате в войсках был восстановлен институт заместителей по тылу, усилена централизация и упорядочено руководство деятельностью всех его служб. Намечались и другие важные мероприятия. Отрадно было сознавать, что в этом есть скромная заслуга и работников нашего штаба, сумевших обнажить суть важнейших проблем тыла в свете требований сегодняшнего дня...

Различные по сложности и характеру проблемы, связанные с дальнейшим развитием тыла, возникали, разумеется, не только в штабах, но и непосредственно в войсках. В этом я убедился сам, вернувшись в них некоторое время спустя.

После конференции многое делалось по улучшению кадрового состава тыла. Получила распространение практика укомплектования его органов офицерами со строевых должностей. Это коснулось и центральных органов. На вновь введенную должность заместителя Министра обороны — начальника Тыла Вооруженных Сил был назначен Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян. В. И. Виноградов некоторое время был Главным интендантом Министерства обороны.

Уже во время первых встреч с офицерами штаба Иван Христофорович быстро расположил к себе людей: живо интересовался их настроениями, откровенно отвечал на вопросы, выслушивал просьбы и пожелания. Спросил и меня о планах на будущее. И тут, не раздумывая, я повторил просьбу, которую уже изложил раньше в письменном виде на имя начальника штаба Тыла: направить меня для прохождения дальнейшей службы в войска. Такое стремление созрело окончательно, но рапорту хода не давали. Вот и решил использовать момент.

Правда, при этом волновался: как будет воспринята просьба, правильно ли поймут ее мотивы. Но И. Х. Баграмян все понял, как надо.

— А что? Пожалуй, пора и снова в войска, — в раздумье покачал он головой. — Теоретически вы подковались. В организаторской работе, надо полагать, приобрели новые навыки. Теперь надо все это воплощать в практику, в живое дело. Да и обмен кадрами между войсками и штабами не должен быть односторонним! — пошутил маршал.

Вскоре я был назначен в Киевский военный округ начальником штаба тыла. Войсками округа тогда командовал Маршал Советского Союза В. И. Чуйков. Под его началом мне уже довелось работать, правда в должности на ступень ниже. Однако ведь недаром же я служил четыре года в высшем штабе тыла!

И опять новую службу (уж такова, видно, моя армейская судьба!) пришлось начинать не в кабинете, а в поле. Прибыв в штаб округа в Киеве, я никого из руководства там не застал. Все находились в учебном центре, на КШУ. Немедленно выехал туда и я.

Мой непосредственный начальник — заместитель командующего по тылу генерал-майор А. Я. Шерemet встретил приветливо. Тут же попытался представить меня и командующему. Но В. И. Чуйков ответил: «Пусть готовится к докладу по вводным. Тогда и покажет себя».

Очередная вводная была краткой. Наши войска, нанеся большие «потери» «противнику», остановили его на волном

рубеже и теперь, по замыслу, должны были перейти в контрнаступление. Однако предварительно требовалось перегруппировать их, восполнить «потери» в людях и технике, а также создать запасы материальных средств, потребных для развития операции. Причем последнюю задачу предстояло выполнять в условиях «разрушений» на путях подвоза.

Первым излагал свои соображения по созданию группировки войск для перехода в наступление генерал В. И. Агеев. Внимательно выслушав его, В. И. Чуйков заметил, что темпы выдвижения войск из глубины явно недостаточны. Агеев попытался оправдать их сложностью движения колонн по разбитым дорогам, а также повышенной активностью авиации «противника». Но руководитель учения остановил его:

— Резервы должны выйти на рубеж ввода в бой значительно раньше! Иначе «противник» упредит в концентрации сил и сможет возобновить наступление.

Это значило, что войска со всеми их запасами должны следовать на передовую форсированным маршем, безостановочно. Однако достаточного количества транспорта для этого у них не оказалось.

Сделав предварительные расчеты, я пришел к мысли, что выручить в данной ситуации может только центр. И просьбу к нему о помощи надо сразу положить в основу доклада о наших возможностях. Я уже решился выйти с этим мнением к карте, но В. И. Чуйков неожиданно поднял с места начальника артвооружения вопросом: а к какому времени и как именно тот предполагает создать потребный запас боеприпасов для проведения артподготовки?

Полковник А. В. Павленко обстоятельно доложил о потребностях в боеприпасах по этапам боя. Но, видимо, полной ясности, как практически доставить их на огневые позиции, у него не было. И Чуйков — непревзойденный мастер «вылавливать» непроработанные детали — сразу это почувствовал. Последовал ряд уточняющих вопросов, неудовлетворительных, на его взгляд, ответов артвооруженца, и маршал вновь обратился к оператору:

— Как же вы готовили расчеты о начале наступления, не зная, когда подвезут снаряды?

— Я полагал, — ответил тот, — что артиллеристы сами обо всем договорятся со штабом тыла и успеют изготовиться к намеченному сроку.

— А что, у штаба тыла снаряды уже в кармане? Вынут и положат прямо на огневые позиции? — с иронией спросил руководитель КШУ.

Ответа не последовало. А Чуйков, метнув взгляд в нашу сторону, приказал изыскать возможности для доставки необходимого количества боеприпасов в предельно сжатые сроки. С учетом этого времени скорректировать и начало перехода в наступление.

После короткого перерыва командующий попросил доложить об обеспеченности войск горючим полковника И. Д. Храмова. Из слов того явствовало, что войска первого эшелона, хотя и с неполными запасами, порядком израсходованными в оборонительных боях, все же смогут начать наступление в установленный срок. В подтверждение он привел ряд цифр. Видимо, такого же мнения был и руководитель учения. Последовал взгляд в нашу сторону и приказ:

— Предусмотреть пополнение горючего в ходе наступления! Расчеты заслушаю позже. А теперь, — обратился он к генералу А. Н. Косенко (по учению — начальнику тыла группировки войск), — доложите вы свои предложения по материальному обеспечению частей в период выполнения ближайшей задачи.

У Косенко была завидная способность: он всегда знал последние данные о состоянии тыла и умел быстро ориентироваться в изменившейся обстановке. Он и теперь ответил с исчерпывающей полнотой: где, что имеется из запасов и в каких размерах они будут восполняться в ходе боевых действий. Маршал сверял эти данные со справками, подготовленными штабом руководства учением. Все как будто сходилось. Однако на главный вопрос — каким образом восполнять запасы с началом боя при нехватке автотранспорта? — и Косенко доложить не смог.

— Итак, начинать наступление мы пока не можем? — спросил напрямик маршал, почуяв его заминку.

— Своим транспортом я к этому сроку задачу не решу, — уклончиво ответил начальник тыла группировки войск.

— А почему генералу Косенко до сих пор неизвестен порядок подвоза оперативных запасов? — вновь обратился к нам с А. Я. Шереметом В. И. Чуйков.

Я опять хотел подняться и доложить о своих выводах из обстановки, но меня опередил Александр Яковлевич.

— Мы еще не полностью спланировали организацию подвоза по последней вводной, — поспешно произнес он. — Разрешите еще раз проверить наши предложения по видам обеспечения и транспортным средствам?

Разрешение было получено, и мы удалились в соседнюю комнату. Пригласили туда и представителей всех родов

войск для уточнения их заявок. И стал ясен «дипломатический маневр» генерала Шеремета: он лучше знал маршала и безошибочно понял, что тот сейчас ни на какие просьбы в центр о помощи не пойдет, пока до конца не исчерпает всех своих возможностей. Вот о них и следовало думать в первую очередь. И главное — каким образом создать в течение ночи необходимые запасы снарядов.

После напряженных размышлений (пока руководитель заслушивал других участников учения) мы пришли к выводу: единственный выход из положения — загрузить дополнительно боеприпасами артиллерийские тягачи при их выдвижении на огневые позиции. Но разрешит ли сделать это маршал? Нужны очень веские обоснования. А что делать с горючим? Использовать вновь тягачи нельзя: с началом наступления они потребуются для перемещения орудий на новые огневые позиции. Что ж, остается, пожалуй, одно — максимально загрузить все автомашины запасными бочками и канистрами с топливом. Тогда его запасы восполним, даже если часть автотранспорта одновременно выделим для подброски подходящих резервов.

Эти предложения Чуйков принял лишь после самой тщательной проверки. Он считал вслух сам, заставлял думать и всех специалистов тыла, с тем чтобы найти наиболее разумный выход из создавшегося положения. Вызвал и меня, заслушав расчеты, обосновывающие нашу идею. И только тогда разрешил использовать тягачи в качестве средства подвоза боеприпасов. Идея о транспортировке запасных бочек с топливом и выделении части автомашин для ускоренной переброски войск также получила его одобрение.

Столь же творчески отрабатывались и другие вопросы по материальному обеспечению контрнаступления. И постепенно вскрывались новые резервы и возможности, не учтенные нами ранее. Словом, в тот раз мы, офицеры тыла, сдали серьезный экзамен, потребовавший не только мобилизации прошлого опыта и максимума инициативы, но и сосредоточения воли на решении сложных задач в неблагоприятной обстановке.

Такие учения в Киевском военном округе проводились довольно часто. И каждое было не менее поучительным. Особенно запомнилось учение, проведенное в 1959 году Министром обороны Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским. Многими чертами замысла и развития оно напоминало известные операции минувшей войны, проведенные советскими войсками при освобождении Украины.

В. И. Чуйков в тот раз действовал в роли командующего

войсками одной из сторон. За «противника» выступал столь же опытный военачальник Маршал Советского Союза А. И. Еременко. Для нас, представителей более молодого поколения людей военных, было истинным наслаждением следить за действиями трех маршалов, восхищаясь единоборством их незаурядных умов. Мы словно снова перенеслись во времена войны, получив возможность присутствовать при зарождении и оформлении замыслов действий, в чем-то сравнимых с операциями прошлого, у истоков которых стояли эти прославленные военачальники. Правда, решения сторон теперь уже соизмерялись с требованиями современности, когда возможности войск и руководящего состава во многом стали выше.

Особенно захватила нас очень своеобразная обстановка, сложившаяся после того, как обе стороны понесли «серьезные потери» в ходе встречных ударов. Для возобновления активных действий надлежало восполнить материальные средства путем максимального использования местных ресурсов. Других источников их пополнения, согласно вводной, пока не существовало. Однако склады и хранилища, находившиеся в зоне боевых действий, частью были разрушены, а предприятия прекратили работу из-за отсутствия энергии и сырья.

В создавшихся условиях особая роль возлагалась на органы тыла. Надлежало прежде всего разобраться, какие запасы требуются войскам. Затем изучить возможности их пополнения из местных источников, в том числе после восстановления предприятий или их эвакуации и развертывания в новых районах.

Поверьте, производить расчеты подобного рода даже в чисто теоретическом плане — дело чрезвычайно трудное. Но ведь этим придется заниматься и на практике, если маньякам-империалистам удастся развязать ракетно-ядерную войну. Невольно вспомнилась война минувшая... Героическим, тяжким трудом партия, советские люди смогли во второй половине 1941 года перебазировать, как я уже говорил, на восток многие сотни крупных предприятий военного значения вместе с рабочими и их семьями. И через короткий промежуток времени эти предприятия, за тысячи километров от фронта, вновь заработали на оборону, обеспечивая советские войска первоклассным оружием, грозной боевой техникой, необходимым снаряжением. История войн никогда еще не знала ничего подобного. Кстати, ни одно капиталистическое государство в Европе, воевавшее в составе антигитлеровской коалиции, даже и не задавалось такой

целью, считая ее явно нереальной. И гитлеровские войска полностью захватили основные их экономические районы, лишив материальной основы для дальнейшей борьбы.

Надо сказать, что в царской России в годы первой мировой войны также делалась попытка эвакуировать часть промышленных предприятий с рабочей силой из Прибалтики в центр в связи с приближением немецкой армии. Но практически осуществить такую задачу даже в ограниченных размерах не удалось. Кардинально решить ее, причем в масштабах гигантских и в самые короткие сроки, оказалось под силу лишь нашему социалистическому государству.

Между прочим, военные специалисты германского генерального штаба подробно изучали в свое время этот вопрос еще по опыту стран — участниц первой мировой войны. В обход условий Версальского мирного договора при имперском министерстве внутренних дел Германии была даже создана специальная ученая комиссия для этого. Однако она, как явствует из печатного труда некоего Р. Клауса¹, не нашла ничего положительного в опыте военного прошлого и не смогла высказать никаких определенных рекомендаций в этой области на будущее. Да и сам Клаус в одном разделе своей книги («Эвакуация предприятий из районов, угрожаемых неприятельским вторжением») сконцентрировал основное внимание на отрицательных сторонах подобных мер, видимо с той целью, чтобы обосновать затем вывод о их бесперспективности.

Несомненно, подобные выводы легли потом в основу агрессивных планов гитлеровских стратегов при обосновании всех преимуществ вероломного нападения на СССР. Из аналогичных рассуждений, видимо, исходили и скрытые недруги наши в стане англо-американских союзников в своих надеждах на полное и скорое истощение экономической мощи Советского Союза в единоборстве с фашистской Германией. Однако успешное перебазирование многих крупных промышленных объектов в СССР с запада на восток и быстрый последующий рост советской военной экономики вдребезги разбили такие расчеты.

Вся мировая печать заговорила тогда о «советском чуде» поистине сказочного возрождения военной промышленности СССР в далеких районах Урала, Сибири, Казахстана. Фашистская газета «Дас шварце Копф» именно чудом объясняла тот факт, что из необъятных советских степей движутся все новые массы людей и техники. Как будто какой-то

¹ См.: Клаус Р. Война и народное хозяйство России. М.—Л., 1926, с. 10, 55.

волшебник, писала она, лепит их из уральской глины в любом количестве.

Да, им действительно казалось волшебством то, что было лишь следствием гениальной прозорливости КПСС в предвоенные пятилетки и титанической ее деятельности в годы войны, результатом высокой организованности советского общественного и экономического строя.

...В тот раз на учении нашими соображениями по эвакуации и восстановлению некоторых предприятий местной промышленности руководитель учения остался в целом доволен. Однако напомнил о необходимости использования опыта минувшей войны с учетом современности: противник обладает ныне ракетно-ядерным оружием и способен наносить удары в тыловой зоне практически на любую глубину.

Когда по обстановке наши войска вышли к водной преграде, Р. Я. Малиновский снова усложнил ситуацию. В тот момент рассматривалось решение о форсировании бронетанковыми частями реки на том ее участке, где оно реально было осуществлено в ходе минувшей войны. Теперь же, как явствовало из вводной, этому мог воспрепятствовать «противник», сосредоточивший здесь крупные силы. Требовалось совершить рокировку в район севернее с последующим форсированием водного рубежа на другом, менее укрепленном участке.

На органы тыла такой маневр возлагал дополнительно ряд сложных задач. Основные наши склады находились далеко от реки. Их запасы быстро на север не перебросишь: не хватит ни дорог, ни транспорта. Стало быть, основную задачу и тут должно было взять на себя войсковое звено подвоза. Пришлось детальнее спланировать все виды снабжения каждой из боевых частей. В этой работе участвовали и начальники служб: материального и технического, транспортного и медицинского обеспечения, а также артвооружения, инженерной, химической, связи. Для более предметной отработки задач Министр обороны поднял по тревоге танковое соединение, приказав совершить марши протяженностью около 150 км и форсировать водный рубеж с ходу.

Передовой танковый батальон преодолел реку по дну. Остальные боевые машины под прикрытием авиации переправились по наплавному мосту, наведенному понтонерами. Так был расширен плацдарм, с которого предстояло развить наступление в глубину обороны «противника». Чтобы полностью обеспечить подходившие туда войска, мы, офицеры тыла, работали двумя группами. Одни, находясь непосредственно в танковом соединении, на месте контролировали

поступление материальных средств. Другие убыли на тыловые склады для принятия мер по частичной их передислокации в новые районы. Попутно им пришлось потом организовать перегрузку запасов и восстановление «разрушенных» участков дорог.

Я, как начальник штаба тыла по учению, готовил все основные расчеты и оформлял предложения специалистов тыла, для чего имел тесную связь с оперативными группами. Надо сказать, что такой метод командно-штабных учений, с привлечением некоторой части войск и действиями обучаемых в реальном времени и в конкретной обстановке, с выездом в части и на тыловые объекты, является наиболее плодотворной формой подготовки офицеров тыла.

Это подтвердилось и на сей раз. Когда Министр обороны вызвал на доклад генерала Шеремета, тот уже располагал всеми необходимыми данными по материальному обеспечению наступления. Суть его предложений сводилась к тому, чтобы в течение ночи перераспределить запасы в войсках первого эшелона и пополнить боеприпасами и горючим части, уже дравшиеся на плацдарме. Одновременно надлежало изъять из войск второго эшелона максимальное количество автомобилей, загрузить их военным имуществом и двинуть в сопровождении дорожного отряда к реке, с тем чтобы к утру развернуть вблизи от плацдарма отделения складов с необходимыми запасами. Принимались также энергичные меры по восстановлению «разрушенных» коммуникаций, в том числе железнодорожного моста через реку, и развертыванию некоторых полевых ремонтных предприятий.

Р. Я. Малиновский внимательно выслушал эти предложения и в целом одобрил их. Но еще раз подчеркнул необходимость полного использования всех материальных ресурсов, имеющихся в районах боевых действий. При более сложной обстановке, каковой она, безусловно, станет в случае возникновения новой войны, рассчитывать на быструю подачу запасов в крупных размерах из тыловых районов страны не всегда удастся.

Вызвали неудовольствие у руководителя учения и темпы восстановления моста через реку. Вспоминая годы войны, он укоризненно сказал мостовикам:

— Тогда мы почти без всякой механизации восстанавливали мосты через самые крупные реки в сроки, считавшиеся немыслимыми в практике инженерного дела. Теперь же должны строить такие сооружения в несколько раз быстрее! Ищите для этого возможности. И не только в пормативах, но и в новой вашей технике, в людях!

Последующие расчеты показали, что он был абсолютно прав. Резервы нашлись. Ускорили подачу готовых мостовых конструкций. Уплотнили график работы. Усилили мостостроительные подразделения механизмами. В результате постройка наплавного железнодорожного моста была спланирована в сроки вдвое меньшие, чем предусматривалось первым вариантом расчетов.

Это уже создавало иную, куда более благоприятную обстановку и для подвоза материальных средств на плацдарм, и для подтягивания ближе к линии фронта основных складов снабжения. Пришлось лишь поработать еще над расчетами по их выдвигению и прикрытию этой коммуникации и тыла в целом от воздействия воздушного «противника».

Так в упорном труде штабы и офицеры всех служб совершенствовали свою оперативную и специальную подготовку, настойчиво искали наиболее рациональные способы решения боевых задач в современных условиях.

...Через некоторое время меня назначили заместителем начальника тыла в том же Киевском округе. Новая работа во многом отличалась от штабной. Перед каждым учением, к примеру, на меня возлагалась ответственность за организацию доставки войск в указанные районы и их обратной отправки в места расквартирования, за подготовку необходимых указаний и организацию размещения личного состава в полевых условиях, обеспечение войск горючим и продовольствием непосредственно в районах учений и т. д. Все это надо было согласовать с различными отделами штаба и службами, а главное — осуществить на деле. Кроме того, на заместителя начальника тыла обычно возлагалось и непосредственное руководство деятельностью одной-двух служб, а также оперативными группами тыла.

Пришлось больше заниматься вопросами реального обеспечения войск, находиться длительное время в учебных центрах, возглавлять различные проверочные комиссии. Трудился с чувством ответственности и интересом, но все же иногда влекло обратно к штабной работе. Поскольку новый начальник штаба тыла не освоил еще полностью своих обязанностей, генерал А. Я. Шерemet создавал такую обстановку при выездах в поле, что мне приходилось вплотную контактировать и со штабом. Все это разнообразило работу по характеру и содержанию, заставляло вносить определенные коррективы и уже как-то по-новому подходить к решению возникающих задач. Сугубо практическая сторона служебной деятельности постоянно переплеталась с творческой, постепенно аккумулируясь в опыте и стиле работы.

ЭНТУЗИАСТЫ ВОЙСКОВОГО ХОЗЯЙСТВА

В начале апреля 1960 года после завершения работы в одном из гарнизонов я был вызван к командующему войсками округа. Прямо с вокзала явился в штаб и тут же был приглашен в кабинет В. И. Чуйкова. Там находились член Военного совета Н. М. Александров, начальник штаба С. П. Иванов и заместитель по тылу А. Я. Шеремет. Когда я доложил о прибытии, маршал встал из-за стола, поздоровался и, загадочно улыбаясь, спросил:

— Ну и как выглядит часть, которую вы проверяли?

— В целом все ваши указания о приведении техники и личного состава в порядок после тактических учений выполнены, — отрапортовал я. — Полк готов выполнить любые новые задачи.

— Это хорошо! Очень хорошо, — повторил маршал и, обменявшись взглядами с присутствующими, вдруг без всякого перехода спросил: — А вы, товарищ Голушко, готовы к тому, чтобы поехать учиться в Военную академию Генерального штаба?

Я не сразу нашелся с ответом на столь неожиданный вопрос. Кто же не мечтает поступить в эту академию! С трудом произнес всего две фразы:

— Как прикажете, товарищ командующий. Спасибо за доверие.

— Что ж, будем считать, что вы уже зачислены туда слушателем, — крепко пожал руку Чуйков. — Желаю успехов!

Не скрою, было очень приятно в эту минуту получить теплые поздравления и от маршала, и от его заместителей. Оказывается, соответствующее представление на меня было направлено в Москву раньше, а сейчас зачисление в академию стало как бы уже фактом...

Хотя все мы, слушатели академии Генштаба, были людьми бывалыми, как говорится «в годах и чинах», однако к учебе относились очень серьезно и ответственно. Пережи-

вали за любой промах, неполноценный ответ или некачественно отработанный документ и радовались, как мальчишки, высокой оценке и честно заработанной похвале.

Приходилось стараться не ударить лицом в грязь и дома. Вечерами младшая дочь Иринка, ученица второго класса, требовала у меня дневник и показывала свой, с пятерками. На мои слова, что у нас дневников нет, она отвечала: «Так не бывает. Видно, вы учитесь не в настоящей школе». Пришлось и мне завести табель. И каждый день старшая дочь семиклассница Татьяна «выставляла» в него с моих слов оценки. Шутка шуткой, но в кругу семьи шло настоящее соревнование по успеваемости.

На лекциях и семинарах, групповых занятиях мы узнавали очень много нового. С особым интересом вникали в вопросы планирования и проведения важнейших кампаний и операций в годы Великой Отечественной войны, в «секреты» полководческого искусства крупных военачальников. Столь же глубоко осваивали основные «доктринальные» положения различных военно-политических концепций и философских законов. Все это позволяло объемно, с учетом перспектив рассматривать насущные задачи и важнейшие военно-политические аспекты развития Вооруженных Сил.

Изучая вопросы военного искусства, мы, представители служб тыла, старались глубже уяснить их зависимость от уровня экономики воюющих государств, руководствуясь при этом гениальной формулой Ф. Энгельса: «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»¹.

В. И. Ленин, развивая эту мысль, указывал позже: «Для ведения войны *по-настоящему* необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены»².

В мудрости этих положений основоположников учения о войне и армии нас, офицеров тыла, убеждали десятки примеров, в том числе из истории российской армии. Ведь почти в каждой войне, которую вела царская Россия, материальное снабжение ее войск осуществлялось из рук вон плохо. Так обстояло дело в Крымскую войну 1854—1856 гг.,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 171.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 408.

в русско-турецкую войну 1877—1878 гг.; точно так было и в русско-японскую войну 1904—1905 гг. Войска постоянно испытывали нехватку оружия и боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Резкие спады промышленного производства и частые неурожаи, неспособность властей мобилизовать частнокапиталистическую экономику на нужды фронта и быстрое истощение скудных военных запасов — все это превращало задачу обеспечения действующей армии в неразрешимую проблему.

Блестящую картину военно-экономической несостоятельности царизма дал в статье «Падение Порт-Артура» В. И. Ленин. «Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным, — писал он, анализируя причины ее поражения в войне с Японией. — Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела...»¹.

Эту слабость самодержавия остро обнажила и первая мировая война. Царское правительство по-настоящему ни страну, ни армию к войне не подготовило, и с первых ее недель войскам опять хронически не хватало самого необходимого для противоборства с неприятелем. Участник той войны Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников вспоминал, что 2-я русская армия под командованием способного генерала А. В. Самсонова потерпела поражение осенью 1914 г. в Восточной Пруссии прежде всего из-за плохой ее материальной обеспеченности².

Анализируя в стенах академии все факторы, обеспечивающие успешное ведение операций в ходе различных войн, мы все более явственно и предметно начинали представлять себе и масштабы, и задачи, и особенности тылового обеспечения армии и флота в современных условиях. Уяснить это помогали не только учебные пособия, но и весьма содержательные, насыщенные фактами и выводами лекции преподавателей — видных военачальников и известных военных ученых.

Особым авторитетом у слушателей, на мой взгляд, пользовались преподаватели кафедр: философии — генерал-майор Н. В. Пуховский, стратегии и оперативного искусства — генерал-полковники Н. А. Ломов и И. С. Глебов, артиллерии — генерал-полковник Н. С. Фомин, инженерного дела — генерал-полковник А. Д. Цирлин, управления вой-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 156.

² См.: Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974, с. 292, 295.

сками — генерал-лейтенант К. П. Урман и генерал-майор И. И. Ануреев, военной экономики — генерал-майор А. Н. Лаговский, тыла — генерал-майор П. Н. Калиновский.

В тот период академию Генштаба возглавляли генералы армии Г. К. Маландин, В. В. Курасов, а затем Маршал Советского Союза М. В. Захаров. Общим уважением у слушателей, как талантливый педагог, пользовался генерал-полковник А. И. Радзиевский, первый заместитель начальника академии. Его популярности способствовал простой, общительный характер генерала. К нему в любое время можно было зайти, чтобы посоветоваться, обратиться за помощью. Да, видимо, он и сам искал таких встреч, не любил сидеть в кабинете, шел к людям.

В те годы в военных кругах и аудиториях шла горячая полемика о роли в современной войне различных видов оружия и родов войск. Одни ратовали за «большую» авиацию и крупные силы надводных кораблей, другие, напротив, полагали, что ракеты не только полностью заменят авиацию и флот, но вытеснят даже артиллерию. Алексей Иванович Радзиевский (в годы войны — начальник штаба и командующий гвардейской танковой армией, а в послевоенный период — командующий войсками военного округа) принимал участие в беседах и на эту тему. Основываясь на своем богатом военном опыте, он помогал нам правильно оценить не только все преимущества новых и старых, так называемых классических видов оружия, но и их особую роль в боевых действиях видов Вооруженных Сил и родов войск, выработать мотивированное отношение к новым тенденциям в развитии средств вооружения и теории военного искусства. Если учесть, что в каждой из наших учебных групп были представители разных родов войск и даже служб, то такие беседы, как и полемика по другим вопросам, позволяли нам делать достаточно верные прогнозы о путях дальнейшего развития материально-технической базы Вооруженных Сил.

Как-то в ходе одной из бесед А. И. Радзиевский вдруг заговорил о моей дипломной работе в области оперативного искусства, посвященной вопросам тыла. Лестно ее оценив, он посоветовал развить эту тему в более крупном плане, применительно к военно-экономическим проблемам ведения современных операций. Так мне вновь повезло с наставником в научном поиске. Если в прошлом, в академии тыла, над моей исследовательской разработкой шефствовал опытный и вдумчивый педагог генерал-лейтенант Ф. М. Малихин, то теперь я попал в поле зрения видного военачальни-

ка и искусного методиста генерал-полковника А. И. Радзиевского.

Алексей Иванович прежде всего помог мне более глубоко осмыслить намеченную для разработки проблему. В частности, указал на ряд важных моментов, определяющих и дополняющих ее трактовку в современных условиях, поделился интересными мыслями на этот счет. Он же назначил мне в руководители доктора военных наук, профессора А. Н. Лаговского. Последний также во многом помог мне при разработке и написании кандидатской диссертации. Работа над нею увлекла чрезвычайно, хотя временами физическая и умственная нагрузка казалась просто непосильной. Однако цель была уже близкой, почти зримой, и это добавляло упорства. Защита прошла успешно, к великой моей радости и явному удовлетворению научного руководителя. Кстати, через несколько лет тот же самый Андрей Николаевич Лаговский руководил моей работой над докторской диссертацией.

Пример разработки и защиты кандидатской диссертации рядовым слушателем академии Генштаба оказался весьма заразительным. Некоторые товарищи, последовав ему, также успели до окончания учебы сдать кандидатский минимум и в последующем посвятили себя науке (адмирал В. П. Кичев, генерал-майоры В. В. Соловьев, И. Ф. Мищенко, В. И. Бутурлин и другие).

Очень многое дала учеба в академии всем ее питомцам. Она обогатила нас обширными знаниями в области советской военной науки, вооружила передовой методологией решения крупных и сложных организационных задач, приучила к планомерной и активной мыслительной деятельности, развила и закрепила качества, необходимые командиру, воспитателю, коммунисту, необычайно расширила наш военный и политический кругозор. Многие факторы и элементы, определяющие боевую мощь Вооруженных Сил, виделись теперь куда более масштабно, конкретно и зримо. Прояснились не только горизонты. Мы лучше стали видеть и пути, по которым предстояло совершенствовать все слагаемые высокой боеспособности армии и флота. И мы нетерпеливо стремились приложить свои знания к делу.

Осенью 1962 года, при выпуске из академии Генштаба, меня назначили заместителем командующего — начальником тыла Южной группы войск в Венгрии. Перед отъездом наведалься в штаб и центральные управления Тыла Вооруженных Сил, ознакомился с их планами по вопросам снабжения и бытового устройства войск ЮГВ. Естественно,

представился и начальнику Тыла маршалу И. Х. Баграмяну, и начальнику штаба Тыла генерал-полковнику Ф. М. Малахину, получив от них добрые напутствия в службе.

...В Будапеште на перроне меня встретил мой предшественник генерал-майор В. С. Гусев, убывавший по замене в один из военных округов Союза. И чуть ли не в машине по дороге с вокзала начал вводить в курс дела. Оказалось, что несколько месяцев, вплоть до моего приезда, Василий Семенович проболел. И теперь очень переживал, что вместе с должностью передает мне и некоторые нерешенные проблемы в расквартировании войск, причем в преддверии скорых холодов. Основные недоработки выявлялись в ремонте казарменного и жилого фонда. Правда, работы уже начались, но производились беспланово и медленно. К тому же некоторые войсковые части только-только заняли отведенные им городки и еще не успели приступить к их благоустройству. Не хватало рабочих рук, механизмов и стройматериалов, а должностные лица, обязанные организовать работу, не проявляли достаточной инициативы.

Ситуация на этом участке вскрывалась тревожная. Однако заострять внимание на всех недостатках в моем положении было бы неэтичным. Поэтому в беседах с офицерами управления тыла Группы я вел речь под другим ракурсом — в плане наших общих теперь задач по улучшению устройства войск. И такая постановка дела была правильно воспринята подчиненными. Я это сразу почувствовал, когда вместе со штабом и службами тыла приступил к разработке плана первоочередных работ.

Несмотря на то что суть дела казалась знакомой во всех деталях, сразу пришлось обратиться за консультациями: боевая учеба и жизнь советских войск, временно находящихся на территории Венгерской Народной Республики, имеют свои специфические отличия и особенности. Пришлось глубже изучить, к примеру, некоторые экономические категории и юридические положения, регламентирующие цены, порядок заготовок, организацию торговли и снабжения, взаиморасчеты и другие операции, основанные на соответствующих договорах и соглашениях сторон. Многие из таких контактов и операций приходилось согласовывать через посольство и торгпредство СССР, а также непосредственно в правительственных органах ВНР. Все это было внове и постигалось не сразу.

Однажды, будучи в нашем посольстве, я неожиданно признал в одном из советников бывшего секретаря парт-

кома Ленинградского металлического завода П. В. Гусева. Мы часто встречались с ним в дни блокады Ленинграда, налаживая ремонт на их заводе тяжелой военной техники. И вот судьба через много лет свела нас вновь за рубежами Отчизны. Вот уж поистине тесна планета! А сколько перемен произошло с тех пор в жизни родной страны и в наших судьбах... И сколько волнующих воспоминаний нахлынуло на обоих, отодвинув на минуту все другие заботы. Когда же, отдав дань памяти, приступили к делу, то в лице Петра Васильевича я нашел консультанта высочайшей квалификации. Он-то во многом и просветил меня относительно порядка осуществления наиболее сложных операций по материальному обеспечению войск в местных условиях.

Следует сказать, что в таких вопросах самым благожелательным образом шли навстречу и венгерские товарищи, оперативно решая все вопросы снабжения. Очень теплые, дружественные отношения сложились и между командованиями двух братских армий. Практиковались взаимные посещения учений и деловые встречи на разном, как говорится, уровне. Обменивались опытом и мы, специалисты тыла, охотно делясь с братьями по оружию всеми достижениями в организации войскового хозяйства и быта войск. В частности, всегда очень полезными были встречи и беседы с начальником Тыла венгерской Народной армии генералом Михаем Рокка, начальником штаба тыла полковником Иштваном Деканем, офицерами различных служб тыла ВНА.

Особенно плодотворными бывали такие встречи при посещениях Группы войск Министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским, его заместителем главным инспектором Министерства обороны Маршалом Советского Союза К. К. Рокоссовским, другими советскими военачальниками. С венгерской стороны на них присутствовали Ференц Мюнних, министр обороны Лайош Цинеге, начальник Генерального штаба Карой Чеми и другие товарищи.

Мне запомнилось, как К. К. Рокоссовский и Ф. Мюнних познакомились с войсковым хозяйством в одной из наших воинских частей: побывали в казарме, столовой, затем посетили школу и детский садик в гарнизоне, живо интересовались, как учатся наши воины, как они питаются и отдыхают, проводят свой досуг, как живут семьи военнослужащих и растут их дети. И воины и гости остались очень довольны этой памятной встречей.

В яркие демонстрации интернационального единства двух народов выливались всякий раз встречи наших воинов с венгерскими трудящимися и молодежью при посещении местных предприятий и сельскохозяйственных кооперативов, во время военно-спортивных праздников и шефских концертов художественной самодеятельности. Всякий раз мы зримо убеждались в том, как близки стремления рабочих и крестьянских парней двух братских стран, как одинаково дороги им идеалы свободного труда и простого человеческого счастья, провозглашенные и гарантированные социализмом, и как тверда их взаимная решимость защитить эти идеалы в борьбе с общим врагом. И эта сплоченность и дружба крепили день ото дня...

Войсками Группы командовал тогда дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов. Его легендарное прошлое (участник первой мировой и гражданской войн, герой боев в Испании), выдающиеся заслуги в минувшей войне, а также исключительные человеческие качества вызывали у каждого, кто с ним встречался, глубочайшее уважение к этому редкому человеку и известному военачальнику. Такое же чувство испытал и я в момент представления командиру. На вопрос П. И. Батова, с чего намерен начинать в новой должности, я доложил, что уже обдумываю план первоочередных работ по улучшению устройства войск.

— Правильно, — кивнул Павел Иванович. — Задача важнейшая, а начинать надо именно с плана. Кстати, рассмотрим и утвердим его на Военном совете. Только составлять планы надо не по одним сводкам, просьбам с мест и заключениям комиссий. Я бы посоветовал предварительно самому побывать во всех гарнизонах Группы. Глянуть на все хозяйским глазом. И побеседовать с людьми. Причем не только с офицерами, но и с солдатами. Они вам больше скажут о недостатках в организации их жизни и быта. Солдатушек любите? — неожиданно спросил он и, быстро глянув мне в глаза, опять кивнул головой: — Правильно, нашего солдата не любить нельзя. Такого нет и не было в целом мире! А что значит любить его для нас с вами? Это значит беречь солдата, думать о нем, постоянно заботиться. Не так ли?

Признаюсь, этот краткий, так сказать, монолог командующего произвел на меня исключительное впечатление. Мало того, что он мудро подсказал, как с большей пользой совершить первые самостоятельные шаги, но попутно, вскользь, еще и напомнил, во имя чего, вернее, кого все

это делается. Ведь, что греха таить, иногда некоторые из нас, людей ответственных за быт воинов, перестают видеть за огромными массами материальных средств и масштабными стройками различного назначения конкретного и живого «рядового Иванова», с его человеческими пуждами и запросами. Его как бы заслоняют колонки цифр и бесстрастных показателей в тонно-километрах, рейсо-часах, комплектах, сутодачах и прочих снабженческих единицах. А видеть солдата наяву надо всегда, в любую минуту. Тогда, безусловно, в нашей работе будет больше инициативы и значительно меньше всякого рода просчетов...

Мысли об этом не покидали меня и во время поездки по частям. П. И. Батов был тысячу раз прав. Одно дело — составить представление о какой-то проблеме по документам, даже самым исчерпывающим, и совсем другое — увидеть все самому. Встречи с командирами соединений и частей, откровенные беседы в кругу офицеров и младших специалистов тыла действительно помогли глубже и шире уяснить те задачи, над решением которых предстояло работать. Однако многие существенные детали в них рельефно вырисовывались только после встреч с солдатами прямо в парках и на полигонах, в казармах и столовых, нередко даже в курилках. От пометок после разговоров пухла записная книжка, а от дум — голова.

Стало ясно, что многое в содержании жилого и казарменного фонда, что казалось до того вполне терпимым, тоже требовало принятия радикальных мер. Так, например, в ряде воинских частей нельзя было далее откладывать ремонт парковых объектов, медицинских пунктов, переоборудование бытовых помещений и кухонь-столовых. Указывая на эти подзапущенные участки, солдаты одновременно высказывали дельные предложения о том, как их быстрее привести в надлежащий вид. Попутно заходила речь и о необходимости более активно вести борьбу за экономию хлеба и электроэнергии, заботливее сберегать военную технику и обмундирование, рачительнее развивать прикухонные хозяйства.

В ходе бесед часть воинов изъявляла желание потрудиться на благоустройстве различных объектов в своих гарнизонах. А на общем комсомольском собрании в одной из частей Группы все солдаты и сержанты, которым предстояло через несколько месяцев уволиться в запас, решили своими руками построить хранилище для военной техники. Естественно, в свободное от занятий и нарядов время. Остальные сослуживцы горячо поддержали инициативу ста-

рослужащих, попросив командование лишь о помощи материалами и транспортом. Мы, разумеется, одобрили этот почин и широко оповестили о нем в Группе войск.

И вот в будни по вечерам, а в воскресные дни с утра войны-комсомольцы начали трудиться на своей «ударной» стройке. Помимо трудовых навыков и физической закалки каждый из них приобретал и нечто более ценное. Дружная и бескорыстная работа во имя такой важной и ясной каждому цели, как повышение боеготовности родного танкового полка, еще более сплотила и породнила их боевую семью. Не случайно многие из увольняемых в запас именно в те дни решили поехать трудиться на большие стройки страны полным составом своих рабочих бригад.

Строительство вместительного универсального хранилища было завершено в срок. А через несколько дней состоялись торжественные проводы увольнявшихся воинов. На митинге один из них — рядовой В. Сунцов от имени товарищей сказал: «Для нас родной полк и наш военный городок стали вторым домом. Здесь мы настойчиво учились военному делу, прошли настоящую жизненную школу, окрепли физически и духовно. И как хороший хозяин постоянно поддерживает свой дом в надлежащем порядке, так и мы делали все, чтобы наш городок становился еще краше и уютнее, а личный состав имел все необходимое для плодотворной боевой учебы. Верим, что молодые однополчане не уронят и эту эстафету».

Забегая вперед, скажу, что действительно хорошая эта инициатива нашла здесь прописку на долгие годы. Войны-комсомольцы танкового полка разбили перед казармой цветники, соорудили спортивные площадки, оборудовали в парке гусеничных машин душевую, возвели прекрасное овощехранилище. Когда же начали строить солдатское кафе, им оказали шефскую помощь венгерские комсомольцы. Так вместе и завершили стройку.

Не остались, разумеется, в стороне от доброго почина и войны других гарнизонов. Ожидания генерала П. И. Батова на этот счет, его вера в благородные качества советского солдата и тут всецело оправдались. В ту осень личный состав многих частей выступил, образно говоря, в поход за благоустройство своих военных городков. При подготовке к зиме казарм и хранилищ, ремонте технических и хозяйственных объектов проявлялось много солдатской сметки и хозяйской рачительности. В итоге был выполнен такой фронт работы, который даже нам, ее организаторам, казался вначале завышенным. Приходилось лишь сожалеть, что рань-

ше трудовой энтузиазм воинов использовался на данном участке явно недостаточно.

Сыграло, безусловно, свою роль и четкое планирование всех работ (по их перечню, объему, срокам, финансированию, обеспечению материалами и пр.). Как уже говорилось, в ходе поездки по гарнизонам выявилась масса вопросов, связанных с подготовкой всей материальной базы к зиме. Я попытался сгруппировать и оценить их с точки зрения наших реальных возможностей (по денежным ассигнованиям, фондируемым материалам и способностям войск хотя бы часть задач выполнить своими силами). Получился сводный, как бы погарнизонный план, согласованный с каждым из командиров частей. Его дополнили предложения и расчеты, представленные начальником квартирно-эксплуатационной службы и начальниками некоторых родов войск. И наконец, по совету члена Военного совета — начальника политуправления Группы генерал-лейтенанта Н. М. Александра я тщательно учел в документе и рекомендации Всеармейского совещания по улучшению быта войск, которое состоялось в Москве в июне 1962 года.

Подготовка к тому совещанию началась еще тогда, когда я учился в академии. В военных округах и на флотах проводились сборы офицеров, посвященные наиболее актуальным проблемам быта воинов, на совещаниях обменивались опытом младшие специалисты тыла. Журнал «Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил» опубликовал тогда много материалов под рубрикой «Навстречу Всеармейскому совещанию по улучшению быта войск». Печатались содержательные статьи видных военачальников, своеобразные отчеты организаторов тыла различного звена, предложения и советы воинов — специалистов разных служб. Помнится, в те дни мы, слушатели академии Генштаба, внимательно читали содержательные статьи командующего войсками Московского военного округа генерала армии Н. Крылова, представителей тыла генералов Н. Анисимова, К. Абрамова, И. Шияна, З. Кондратьева, А. Голубева, П. Кочеткова, вице-адмирала М. Захарова, контр-адмирала Д. Кутая и других. Все они высказывали много дельных мыслей и рекомендаций, направленных на всемерное улучшение условий жизни войск.

На совещание в Москву съехалось свыше тысячи представителей всех видов Вооруженных Сил и родов войск из военных округов, групп войск и флотов. Уже одно это свидетельствовало о том большом внимании, которое уделяют Советским Вооруженным Силам наша партия и правитель-

ство, их постоянной заботе о нуждах личного состава армии и флота. В обсуждении доклада начальника Тыла маршала И. Х. Баграмяна приняло участие около 150 человек. Наряду с положительными фактами они приводили примеры и плохого хозяйствования. В частности, говорили о недостатках в организации питания и технологии приготовления пищи, в эксплуатации и хранении вещевого имущества, в содержании военных городков, медицинском обслуживании воинов.

Участники совещания осмотрели выставки образцов различной техники тыла, казарменного инвентаря и мебели, военного обмундирования, побывали в образцовых хозяйствах Московского военного округа. Естественно, все самое ценное из передового опыта широко популяризировалось в военной печати. Просматривая теперь газеты и журналы того периода, я нашел немало рекомендаций, заслуживающих внедрения в войсках нашей Группы, и использовал их при подготовке доклада.

Как раз в эти дни произошла смена командующих. В Группу прибыл генерал-полковник К. И. Провалов. Приняв войска, он вскоре провел заседание военного совета, на котором были рассмотрены итоги летнего периода обучения и задачи по подготовке материальной базы к зиме. Второму вопросу как раз и был посвящен мой доклад. При его обсуждении, в ходе откровенного и живого обмена мнениями, выступили многие командиры частей, их заместители по политической части и по тылу. Докладывая о первоочередных задачах по благоустройству войск, они высказывали и конкретные соображения, направленные на преодоление трудностей. Вот тут-то и стало ясно, что наши очень напряженные плановые наметки на местах были восприняты как кровные их задачи: потому и изыскивались все резервы, чтобы справиться с работой в срок. Не последнюю роль в этих резервах играла, как уже говорилось, трудовая инициатива солдат и сержантов, особенно старослужащих воинов. Военный совет рекомендовал шире распространить их обязательства в войсках Группы и более оперативно информировать личный состав о трудовых успехах передовиков. Далее в решении четко излагалась вся программа работ, порядок материального их обеспечения, система проверки.

На заседании военного совета выступил новый командующий. Все ожидали, что он больше будет говорить о недостатках, поскольку уже побывал в некоторых гарнизонах и видел отдельные упущения. Однако К. И. Провалов не стал

на них останавливаться, как не стал входить и в детали обсуждаемого плана. Сам же и пояснил почему.

— Свои недоделки, «узкие» места вы знаете лучше меня, — сказал он представителям частей и служб тыла. — И все достоинства представленного здесь плана можете оценить более объективно. Я же оставляю за собой основную функцию — контроль и помощь. Причем подготовку к новому учебному году и зиме будем проверять буквально с завтрашнего дня: времени на раскачку не остается. Соответственно и ваши заявки на стройматериалы, механизмы и прочее постараемся удовлетворить в самые ближайшие дни. За остальное спросим с вас. Побольше оперативности, инициативы, личной ответственности, и тогда план, который мы сегодня утвердим, будет безусловно реализован практически.

Видимо, в таком вот четком разграничении функций как раз и заключалось своеобразие стиля руководства нового командующего. Он умел мобилизовать множество людей на выполнение срочной задачи без «распекания» за прошлые недоработки и без «накачки» на будущее. И люди ценили такую «деликатность», старались никогда впредь не давать повода для критических слов в свой адрес.

К. И. Провалов был удостоен звания Героя Советского Союза еще за подвиги в боях на озере Хасан. К концу Великой Отечественной войны командовал стрелковым корпусом. Естественно, он хорошо знал все вопросы жизни и боевой деятельности войск, их обучения и воспитания, обладал богатым опытом организаторской деятельности. При этом генерал не любил засиживаться в штабе; его чаще можно было увидеть на стрельбищах и танкодромах, на полях тактических и специальных учений, в технических парках и на хозяйственных объектах. Константин Иванович прекрасно знал, в чем заключается суть передового опыта в различных областях военного дела, и часто сам проводил показательные занятия и тактические учения, добиваясь их максимальной поучительности.

— Раз это учение, — обычно говорил он, — то надо и готовить его так, чтобы оно стало настоящей школой боевого мастерства.

Командующему энергично и вдумчиво помогал член Военного совета — начальник политуправления Группы войск Н. М. Александров. Он был из тех политработников, о которых говорят: генеральские погоны и высокое положение не мешают им оставаться людьми простыми и добрыми, доступными каждому, кто нуждается в помощи и поддержке.

И с нашими солдатами, и с местными жителями, и с венгерскими офицерами и генералами Николай Михайлович умел быстро находить общий язык. Всегда говорил с людьми просто, откровенно, уважительно, и потому от общения с ним на душе у всякого становилось как-то легче. Однако при необходимости генерал-лейтенант умел взывать и к совести людей, да так, что любой, за кем водились грехи, спешил от них поскорее избавиться.

Совсем не случайно, разумеется, член Военного совета получал очень много писем от разных адресатов и всегда находил время ответить на каждое. Порой и сам брался за такие хлопотные дела, которые требовали много сил и не сулили быстрых результатов. Однако и их доводил до конца.

Как-то беседуя с солдатами-первогодками, Николай Михайлович обратил внимание на замкнутость, даже нелюдимость рядового Александра Волкова. Стоило большого труда заставить его быть чуточку разговорчивее, но политработник не пожалел на это времени. И тут выяснилось, что юноша вырос без родителей. Когда же ушел в армию, оборвалась переписка с единственно близким человеком — знакомой девушкой. И сейчас здесь, вдали от Родины, солдат чувствует себя столь одиноким, что все буквально валится из рук.

— Родители что, умерли? — участливо спросил генерал.

— Должно быть, еще живы. Это я в войну потерялся, — ответил солдат. — Куда только ни писал — все безрезультатно...

— А ну-ка расскажите обо всем подробнее, — достал записную книжку генерал.

История оказалась донельзя запутанной. Малышом в 1941 году Саша вместе с матерью и маленькой сестричкой был эвакуирован с Украины на Кубань. В 1942 году их снова погрузили в эшелон, идущий куда-то на восток. И вот в дороге при бомбежке ранило мать, потерялась сестренка, а его самого подобрали чужие люди и отдали в детдом...

Незадолго до этих событий их отец, воевавший на фронте, был тяжело ранен. В части, со слов очевидцев, посчитали его убитым, и мать Саши, перед тем как вновь собраться с детьми в неизведанную дальнюю дорогу, получила похоронную на мужа. И вот теперь война разметала их в разные стороны...

В 1943 году отец Саши, возвращаясь после долгого лечения в родные края, решил завернуть на Кубань, прослышав, что семью его видели там. На одной станции ему даже показалось, что он увидел из окна вагона сынишку,

стоявшего на перроне и совсем окоченевшего от холода. С отцом сделалось плохо, и его прямо с поезда отвезли снова в госпиталь. Все последующие поиски мальчика, так похожего на его сына, ни к чему не привели.

Шли годы. Сестренке Саши, подросшей в другом детском доме, удалось-таки найти мать, проживающую после войны в Запорожье. Вместе они начали разыскивать Сашу, но безуспешно. Как потом выяснилось, в детском приемнике где-то под Котельниково мальчику изменили фамилию с Вилкова на Волкова, что и затруднило его поиски.

Мать Саши после войны вторично вышла замуж. Родился и подрос сын. Однажды, внимательно рассматривая фотографию, висевшую над кроватью матери, он вдруг сказал:

— А я знаю этого дядю.

— Откуда? — удивилась мать.

— Он работает в больнице, в которой ты недавно лечилась.

— Ты ошибаешься, Вася, это не он.

— Нет, нет! Давай завтра поедem в район, и я тебе его покажу. Он очень хороший, только хромым и в черных очках. Он мне еще свистульку подарил.

— Хорошо, поедem, — ответила мать, чтобы закончить этот тягостный разговор. Однако сама не находила себе места.

Через несколько дней она поехала в район. Осторожно расспросила больничных сестер об интересовавшем ее человеке. Те рассказали все, что знали.

— Да вот он и сам идет, — глянул кто-то в окно.

По улице, опираясь на палку, медленно двигался пожилой мужчина в темных очках. Женщина присмотрелась внимательнее и без сил опустилась на стул. Это был ее первый муж Гавриил!

После такой поистине невероятной их встречи отец и мать возобновили поиски Саши. Обратились на местное радио. В эфир пошел запрос о розыске родителями Вилковыми их сына Александра. Его услышала девушка, с которой еще до призыва познакомился наш солдат. Она тотчас написала ему ликующее письмо, однако в спешке указала на конверте подлинную его фамилию — Вилков. И письмо не дошло до адресата. На этом оборвалась и переписка молодых людей, и та тоненькая нить, которая уже протянулась было от Запорожья до одного из гарнизонов советских войск в Венгрии.

Естественно, генерал Н. М. Александров ничего этого

еще не знал, когда писал и рассылал запросы в различные города и организации Союза. Однако надежды на счастливый исход не терял. Не позволял унывать и солдату, держал в курсе всех запросов, ободрял. И вот в ответ на очередное письмо с Центрального радио была получена обнадеживающая весть — юношу по имени Александр с похожей фамилией разыскивает семья, проживающая в Запорожье.

Немедленно туда был направлен письменный запрос. Не довольствуясь этим, генерал Н. М. Александров поручает одному из офицеров, убывающему в отпуск, заехать в Запорожье и выяснить все на месте. И, к огромной радости Сашки, эта история завершилась самым счастливым образом. Вскоре он получил первые письма от матери, отца и сестренки. А затем поехал на побывку домой. Вернулся в полк, и его не узнали: таким счастьем, доверием к людям светилось лицо юноши. Счастлив, рад был и Николай Михайлович — за солдата и всех его близких...

Между прочим, все коллизии этой истории приобрели широкую известность среди солдат Группы войск, способствуя особой популярности генерала Н. М. Александрова. Большое впечатление произвела она и на нас, начальствующий состав, еще раз убедив на примере члена Военного совета — начальника политуправления Группы в важности кропотливого индивидуального подхода к людям, душевного внимания к их нуждам и настроениям и подлинной заботы о них.

Николай Михайлович оказывал конкретную помощь и нам, организаторам тыла, в выполнении задач, о которых я рассказывал выше. Он заинтересованно следил за ходом работы по подготовке к зимнему периоду обучения, был в курсе всех трудностей и оперативно помогал их устранять, мобилизуя богатый опыт кадрового политработника и весь жар своего сердца. Увы, увидеть и оценить результаты наших усилий ему не довелось. Он умер прямо на работе. И весть о безвременной кончине верного бойца нашей партии потрясла всех, кто знал и любил его...

На этот высокий пост вскоре был назначен опытный, хотя и молодой еще по годам политработник генерал-майор Г. В. Средин. Ум, душевный такт, чуткое отношение к людям позволили ему быстро завоевать заслуженный авторитет среди личного состава Группы и венгерских товарищей. Геннадий Васильевич живо вникал и в широкий круг насущных наших забот, часто бывал на учениях, в том числе тыловых, проявлял много заботы об улучшении быта войск. Чувствуя постоянную его поддержку, более уверенно стави-

ли и решали первоочередные вопросы и мы, организаторы тыла.

Не отказывал никогда в содействии «тыловикам» и первый заместитель командующего Герой Советского Союза генерал-лейтенант С. А. Андрищенко. С первой встречи он мог показаться несколько суховатым по характеру. В действительности же обладал добрым сердцем и всегда готов был оказать содействие всем, кто в этом нуждался. Правда, человек дела, он никогда не торопился с обещаниями, если требовалось уточнить суть вопроса или не имелось явных оснований для удовлетворения каких-либо просьб. Не рубил сплеча и при разборе всякого рода провинностей по службе, а внимательно взвешивал реальную вину человека. Все это закрепило за Сергеем Александровичем репутацию начальника требовательного, но справедливого.

С. А. Андрищенко многое делал для укрепления дружбы с офицерами и генералами ВНА. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что на исходе войны он в должности начальника штаба стрелкового корпуса участвовал в освобождении Будапешта и хорошо знал еще с той поры многих венгерских товарищей.

Доброго слова заслуживают и другие генералы и офицеры из Южной группы войск, с которыми мне пришлось служить и работать. Разных по характеру и служебному положению, их объединяла общая черта — высокое сознание служебного долга, большое трудолюбие и хорошая подготовка. Не случайно многие из них были назначены впоследствии на высшие должности в центральном аппарате и военных округах.

И в те годы вопросы организации солдатского быта ставились, как я уже упомянул, очень серьезно. Наряду с тем что каждый военнослужащий должен быть всегда сыт, обут, одет и обеспечен другими видами довольствия, требовалось создать и все условия для его культурного отдыха и плодотворного досуга. И мы строили добротные казармы и клубы, оборудовали комнаты бытового обслуживания и торговые объекты, открывали новые спортивные залы и музыкальные уголки. Причем все это строилось, оборудовалось как в стационарных условиях военных городков, так и в поле, в учебных центрах.

Организацией воинского быта в частях и гарнизонах занимаются в разной мере многие службы: квартирно-эксплуатационная, вещевая, медицинская, продовольственная, военной торговли. Нельзя представить себе понятие «хороший быт» и без сети культурно-просветительных учреждений:

клубов и библиотек, ленинских комнат и читален, спортивных городков и площадок, находящихся в ведении политорганов и на попечении комсомольского актива. Однако главным лицом, ответственным за создание уставного быта, является командир, а основным организатором — его заместитель по тылу и подчиненные ему службы. Впрочем, ниже я еще коснусь вопроса о быте войск, а пока — о другом.

Чтобы внести свежую струю в работу по обустройству войск, в 60-е годы в органы тыла начали вновь выдвигать строевых офицеров и политработников. Что же показала такая практика? Скажу откровенно: несмотря на хорошую военную подготовку и безусловное старание этих работников, они в ряде случаев не смогли заслужить громкой славы на новом поприще: не хватало знаний по вопросам организации войскового хозяйства и, более того, — призвания к нашей работе. Принимались, разумеется, все меры для переквалификации офицеров: учреждались курсы и школы, проводились сборы и занятия. А в конечном счете все завершилось выводом: поднатаскать новичка в специальных вопросах, конечно, можно, а вот привить ему любовь к «тыловой» профессии и желание ревностно трудиться на новом месте — значительно сложнее.

Словом, как и в каждой военной специальности, работа в области материального и технического обеспечения дает максимум успеха и удовлетворения лишь тем, кто по-настоящему увлечен ею и трудится по велению души, а не только по служебному назначению. В подтверждение хочу сослаться на настоящих энтузиастов тыла, с которыми пришлось работать в ЮГВ.

Одним из первых в этом ряду следует назвать Сергея Александровича Ерошкевича. Имея хорошую общевойсковую подготовку, он после окончания Военной академии тыла и транспорта возглавил тыл соединения. Основное сильное его качество заключалось в умении убедить личный состав служб тыла в важности и реальности задач, которые перед ними вставали, объединить усилия всех специалистов, используя при этом способности каждого именно там, где тот мог сделать максимум полезного. Это умение Ерошкевича наглядно проявилось и при организации ремонта жилых, хозяйственных, учебных, культурно-бытовых объектов. За сдачу в срок каждого из них отвечал конкретный офицер, хорошо знающий, что, как и когда надлежит сделать, где взять материалы, откуда привлечь рабочие руки.

Кстати, на каждом таком участке выявлялись и свои мастера-кудесники, умеющие буквально все — печь перело-

жить и паркет настелить, стены в солдатской чайной расписать и электроарматуру починить. Они-то и выполняли самую тонкую работу, а на черновой трудились в свободное от занятий время все воины соединения. Подчиненные Ерошкевичу службы первыми доложили о том, что все приведено в порядок, готово к зимней учебе. Столь же оперативно решали они и другие задачи тылового обеспечения.

Доброе слово следует сказать и о заместителе командира другого соединения по тылу Петре Ивановиче Зуеве. Иногда работников тыла представляют себе эдакими скрягами, у которых зимой снега не выпросишь. Они, мол, привыкли иметь дело лишь с материальными ценностями и видят в окружающих только просителей, от которых прячутся за частокол параграфов, норм и смет.

Такое мнение, возникни оно у кого-либо, моментально исчезло бы при первом знакомстве с Зуевым. Человек кристальной честности, Петр Иванович не ведал покоя ни днем, ни ночью. К нему шли с любыми вопросами: знали, если сам не поможет, так что-то посоветует; приказать не сможет, так по-доброму рассудит в споре или размолвке (обращались и с такими делами). И Петр Иванович помогал, советовал, мирил. Но все это — пока не ущемлялись интересы службы и государства, при условии, если у посетителей были чисты помыслы и законны претензии. В противном случае Зуев был непреклонен — в обход законов и сам никогда не шел, и делать попытки к этому никому не позволял. Впрочем, насколько мне известно, мало кто и пытался обвести вокруг пальца Зуева, настолько хорошо он знал службу, все уставные и иные положения и столь принципиален был в вопросах чести. Кроме того, он отлично владел собою в любых конфликтных ситуациях, что также помогало убеждать людей в целесообразности принятых решений или, напротив, в опрометчивости какого-то шага.

Некоторые молодые командиры отдельных подразделений, не знающие всех тонкостей порядка и норм довольствия, иногда просили Петра Ивановича выдать досрочно новые комплекты обмундирования для солдат или отпустить дополнительно горючее для транспортных автомашин. Зуев, естественно, отказывал. Однако при этом не только терпеливо объяснял существующие положения о сроках носки обмундирования и нормах лимита в расходе автобензина, но и ненавязчиво давал советы — как лучше сохранять вещевое имущество и экономить горючее, приводил цифры — во что все это обходится государству, народу. И смотришь, оба офицера — строевой командир и специалист

тыла — расстаются довольные друг другом. Молодой командир за эти полчаса серьезно «просветился» в вопросах снабжения и получил некоторые практические рекомендации по содержанию войскового хозяйства. А начальника тыла радовала его горячая забота о внешнем виде подчиненных и транспортных возможностях машин, выделенных на время хозяйственных работ. В итоге всегда выигрывало дело.

Несмотря на кажущуюся мягкость, демократичность характера, П. И. Зуев прочно держал бразды правления большим хозяйством в своих руках. Поэтому, ставя перед ним любую задачу, я мог быть спокоен за конечные результаты и за то, что все будет сделано без малейших нарушений закона и установленного свыше порядка.

О заместителе командира мотострелкового полка по тылу Михаиле Дмитриевиче Ефремове все, знавшие его, отзывались как о человеке большой пробивной силы. Он был просто незаменим, когда приходилось строить какие-то объекты хозяйственным способом. О, этот хозспособ! Сам Ефремов говорил о нем так:

— Хозяйственный способ — это когда денег дают рубль, а сделать надо на десять, причем не имея никаких фондируемых материалов и иной рабочей силы, кроме солдат, которых лишней раз не оторвешь от боевой учебы. Вот тут и попробуй зам по тылу справиться с большой стройкой хозспособом! Зато спрашивают за нее все: и старшие командиры, и прямые начальники, и политорганы. А сам объект постоянно контролируют комиссии, чтоб не забил лишней гвоздь в незаконно добытую доску!

В этой полушутливой тираде есть, разумеется, и изрядная доля истины. Действительно, в этом случае организатору новостройки приходилось проявлять особую настойчивость и изобретательность, чтобы довести дело до конца. Впрочем, сам Ефремов никогда не жаловался. Не первый год служил он в армии и давно уже был в тонкостях знаком со спецификой работы подобным способом. Дела у него всегда шли хорошо и тут. Михаил Дмитриевич умел так обосновать важность каждого строящегося объекта перед командованием и общественностью, что заручался полной их поддержкой, а затем уже уверенно «стучался» в нужные строительные, квартирно-эксплуатационные, снабженческие и другие организации. Требуя поставки различных материалов, он детально обосновывал каждую заявку не только резолюциями, но и точными расчетами. Когда же материалы завозились на строительные участки, в дело вступал

чисто психологический фактор: многие солдаты, трудяги и патриоты своих частей, не могли спокойно пройти мимо штабелей досок, пирамид шифера и кирпича без мысли: «А кто все это пустит в дело, ежели не мы? Можно ведь потрудиться и в свободное время?» Так выявлялись источники дополнительной рабочей силы, значительно сокращая сроки работ.

Кое-чего, конечно, иной раз не доставало и при такой системе снабжения: то гвоздей, то стекла, то металлических конструкций. Но Ефремов хорошо знал ассортимент продукции местной венгерской промышленности. Умел наладить (главным образом через комсомольские организации) деловые контакты с ней, разживаясь и дефицитом. При жесткой экономии материалов, достаточно высокой производительности труда и умелой мобилизации всех других резервов он на вполне законных основаниях успешно завершал строительство самых сложных объектов.

Под стать вышеназванным были и другие организаторы тыла в войсках. При самом непосредственном их участии там делалось очень многое для улучшения условий жизни, быта и продуктивной учебы личного состава частей и соединений.

Лично для меня служба складывалась таким образом, что по мере «вращения» в новую должность усложнялись и решаемые задачи. На втором году службы в Группе с разрешения командующего я с группой офицеров подготовил и провел не совсем обычное оперативно-тыловое учение. Цель его заключалась в том, чтобы на фоне конкретной оперативно-тактической обстановки отработать как можно больше практических задач по тыловому обеспечению войск. Главные усилия сосредоточивались на реальном подвозе материальных средств.

Дело в том, что войскам повседневно подаются десятки тонн горючего и продовольствия для текущего их довольствия, а также для освежения хранимых запасов. Для тех же целей части и соединения периодически получают много инженерного, вещевого, противопожарного, медицинского и другого имущества, запасных частей к боевой технике. Однако все эти грузы поступают в пункты назначения одновременно и по отдельным видам снабжения, причем подвозятся каким-то одним видом транспорта и не всегда с полной его загрузкой. Это не дает возможности использовать такого рода перевозки для комплексного обучения специалистов тыла наиболее рациональному использованию транспорта. Вот мы и решили связать все текущие перевозки в

Группе по срокам и месту назначения в один узел, с тем чтобы они образовали цикл работ, выполняемых обычно при подготовке наступательной операции.

Это позволяло, прежде всего, добиться большой экономии в моторесурсах и горючем. Ведь части подвоза, привлекаемые на такое учение, учились действовать в условиях, характерных для современного боя, операции, и одновременно выполняли обычные свои задачи по снабжению войск. В любом другом случае многим из них пришлось бы выезжать на маршруты дважды: сначала «обозначать» тыл на обычном общевойсковом учении, а потом уже практически осуществлять плановые перевозки грузов в места расквартирования частей.

Сыграло свою роль и такое обстоятельство. В автомобильных подразделениях Группы как раз заканчивалась подготовка молодых водителей. Им предстояло теперь совершить 500-километровый зачетный марш на груженых машинах. Вот мы и включили его в план учения, чтобы использовать пробег машин для подачи войскам реальных грузов. И вообще на этом учении исключались любые холостые пробеги даже одиночных автомашин. Обратные рейсы, когда машины возвращались порожняком, мы планировали использовать для эвакуации списанной техники и вывоза имущества, требующего ремонта.

Масштабность замысла нашего учения позволяла, далее, привести в действие почти весь механизм тыла Группы — от полевых хлебозаводов до ремонтных мастерских, чего на обычных учениях достичь не удастся. Причем практическая их деятельность определялась конкретной оперативно-тыловой обстановкой, согласовывалась по задачам и срокам, что повышало напряжение в работе и ответственность каждого коллектива за решение общей задачи, наконец, замысел, а затем и ход действий вынуждали и командиров частей, привлекаемых на учение, принимать решения на боевые действия с учетом реальных возможностей тыла.

В нашу «затею» охотно включилась служба артвооружения, возглавляемая очень инициативным офицером Е. А. Белащенко. Тогда как раз наступили сроки освежения многих видов хранимых в войсках боеприпасов и вооружения. Вскоре мы получили от нее весьма объемную заявку на перевозки.

Спланировать и организовать все как следует оказалось не просто. Пришлось не раз собирать офицеров штаба, начальников служб и объяснять суть и цели учения, все тон-

кости его подготовки. Признаться, сам поначалу сомневался в полном успехе дела.

— Сможем ли предусмотреть в плане все учебные вопросы с комплексной их отработкой? — спросил я напрямик штабных офицеров. — Не забудем подключить какие-либо важные отделы или объекты?

— Сможем. Не забудем, — ответил за всех начальник штаба тыла Иван Афанасьевич Медведев. — Серьезность задачи понимаем. Как раз вот работаем над тем, чтобы задействовать все службы снабжения с перевозкой их имущества и развертыванием складов.

И в штабе, и в службах тыла развернулась напряженная работа. Прежде всего тщательно изучили все заявки на перевозки по видам снабжения, срокам и пунктам доставки, направлениям грузопотоков. Для общего, «генерального» плана перевозок, при тесной его увязке с оперативно-тыловым фоном и действиями привлекаемых войск, тщательно прикинули возможности всех видов транспорта и потребности частей в различных материальных средствах.

Известно, что на обычных учениях основное внимание уделяется войскам, а работа тыла остается как бы на втором плане, в тени. На нашем учении, на которое привлекалась лишь ограниченная часть войск (для создания обстановки и динамики действий), главными были вопросы организации тылового обеспечения. Поэтому и подготовку основных документов вел наш штаб. Для разработки оперативной обстановки и организации действий боевых частей привлекалась лишь небольшая группа операторов. Общими усилиями тесно увязали все учебно-практические вопросы.

...В ходе учения постоянно усложняли обстановку, особенно на коммуникациях подвоза, объявляли вводные о «потерях» и «разрушениях». «Повреждения» на автомобильных и железнодорожных маршрутах вынуждали командиров принимать конкретные меры по ремонту дорожных участков и поиску объездов у «разрушенных» мостов. Это позволило дать больше практики воинам-дорожникам и водителям машин. Вводные об «уничтоженных» запасах материальных средств и «выходе из строя» транспорта вынуждали разумнее использовать резервы, маневрировать средствами тыла.

Напряженность создавалась в районах размещения всех тыловых объектов и для любых категорий обучаемых. Каждый солдат, сержант, офицер отрабатывал учебные вопросы в рамках своих функциональных обязанностей, но с более

высокой нагрузкой, поскольку действовал в необычной обстановке постоянного воздействия со стороны «противника».

Плодотворно учились специалисты тыла и позже, когда наступательные действия перенеслись в оперативную глубину. На одном из этапов потребовалось организовать массовую дозаправку военной техники на марше. Однако осуществить ее в срок силами нескольких имевшихся в нашем распоряжении топливозаправщиков не удалось. Урок, извлеченный из этой ситуации, послужил толчком для продолжения работы по созданию специальных полевых заправочных пунктов.

Младшие специалисты и рядовой состав тыла получили в тот раз богатую практику в вопросах технического обслуживания и ремонта, медицинского обеспечения, организации питания в полевой обстановке, причем все это — в ходе быстрых перемещений войск и тыловых объектов в различных условиях погоды и времени суток.

В целом оперативно-тыловое учение прошло успешно. Оно наглядно убедило многих начальников в том, что можно очень предметно отрабатывать задачи тылового обеспечения войск, экономя при этом моторесурсы, горючее и практически обеспечивая материальные нужды частей. Итоги учения подтвердили явную целесообразность подобного метода специальной подготовки личного состава.

Аналогичной формы учения мы начали проводить с тех пор регулярно. Особое внимание обращали на повышение работоспособности тыла (теми же средствами доставить больше грузов, выполнить больший объем работ за единицу времени). Для этого совершенствовали три основных элемента: техническую оснащенность служб тыла, специальную выучку личного состава и организацию всех работ.

Постоянную заботу проявляли и о повышении живучести тыла. С этой целью настойчиво учили специалистов надежнее укрывать свои объекты, технику, материальные средства от наблюдения и воздействия «противника», быстро восстанавливать управление и восполнять потери, действовать на «зараженной» местности и в районах «разрушений».

Эти и другие столь же важные для нас вопросы всесторонне обсуждались на служебных совещаниях, партийных собраниях, научных конференциях, поднимались на страницах военной печати. Словом, одновременно с совершенствованием форм и способов подготовки личного состава шло развитие и теории тылового обеспечения.

Много внимания, времени, сил по-прежнему отнимала организация войскового хозяйства не только в частях, соединениях, но и в масштабе Группы в целом. Казалось, что сложного хотя бы в таком деле, как накопление и размещение запасов материальных средств. А сложность в том, что нужно не только своевременно истребовать их от центральных органов и различных отраслей народного хозяйства страны, причем по всему перечню многочисленных видов и номенклатур, но и доставить на специальные склады и хранилища, размещенные в самых различных по соображениям боеготовности районах, обновить и восполнить имеющиеся запасы и наладить бесперебойное обеспечение войск. При этом следует учитывать, что каждой номенклатуре боеприпасов, например, соответствуют свои калибры (а стало быть, специальный транспорт подвоза, своя тара и место для хранения, соответствующие сроки контроля за состоянием и заменой боеприпасов, особый порядок их боевого снаряжения перед использованием и т. д.).

А сколько наименований скоропортящихся продуктов питания, различных медикаментов, сложных и тонких устройств и изделий также требуют особых условий для хранения и эксплуатации! К тому же непрерывно идет процесс морального и физического старения огромного количества различного военного имущества. Естественно, такое «хозяйство» требует не только четко налаженной системы учета, но и больших затрат кропотливого и квалифицированного труда для его нормального функционирования. Причем циклы этой работы образуют в совокупности замкнутый круг, в силу чего она как бы не имеет ни начала, ни конца и бесконечна во времени.

Создать запасы материальных средств, сохранить их и выдать по норме в войска — это, однако, лишь одна сторона дела. На работников тыла возлагается функция организовать и потребление этих средств с максимально возможным эффектом. Делают это обычно младшие специалисты тыла, люди большого трудолюбия, высокой квалификации и чувства долга.

Взять продслужбу, которая отвечает за питание личного состава. Солдат повседневно и независимо от того, где он находится и чем занимается, должен получить горячие завтрак, обед и ужин. Значит, необходимо не только доставить в часть свежие высококалорийные продукты широкого ассортимента, но и своевременно приготовить из них разнообразную и вкусную пищу, а затем подать ее к столу, накрытому в столовой, или раздать в поле в котелки.

И тут возникают всякого рода сложности. Известно, что из одних и тех же продуктов можно приготовить совершенно разные блюда и кушанья, которые отличаются не только по рецептам приготовления и своим названиям, но и по вкусовым и питательным качествам. Опытный повар может обойтись даже меньшим расходом и перечнем продуктов и приправ, нежели его бесталанный коллега, но что ни блюдо у него, то поистине фирменное! Значит, надо позаботиться о том, чтобы везде в войсках повара (и хлебопеки) были мастерами своего дела и относились к нему с душой, чтобы всякий раз радовали солдат хорошим обедом, вкусным ужином, редким блюдом.

В общем — каждый армейский повар должен быть в своем роде артистом кулинарного искусства. А где взять таких «артистов»? Готовить самим, учить? Так мы и делаем, учим их в специальных школах под руководством искусных инструкторов-поваров. Однако выясняется, что, как и всякое искусство, кулинарное дело тоже требует определенных способностей от человека, а главное — влечения к нему. Вот и отыщи достойных кандидатов, если в массе своей все юноши, приходящие в армию, жадно тянутся к сложной военной технике, но отнюдь не к бабкиному черпаку. Я знал прекрасных ребят, проявивших уже в школе настоящий талант в кулинарной области, но не желавших сообщать домой, по какой именно специальности они проходят подготовку в армии. Один даже позировал друзьям-фотолюбителям только... в каске на голове и с автоматом в руке, чтобы потом присочинить к снимку соответствующую легенду и рассказывать приятелям на гражданке «о боях и походах». Мальчишество, скажете вы. Пусть так, но и с такими настроениями приходится считаться при комплектовании школ и курсов армейских поваров и хлебопечков.

Однажды, помнится, выявив в беседе с молодыми курсантами подобные настроения, я отложил до другого раза лекцию, которую вызвался прочитать им (по вопросам организации продовольственной службы в полку), и целый час говорил о другом: насколько важна и уважаема в армии их будущая специальность. И какой это благодарный труд — постоянно восстанавливать физические силы и поднимать моральный дух бойцов! Сослался, естественно, на военные годы и даже привел пример героизма, проявленного на фронте одним из поваров.

...В тот августовский день 1941 года танковый полк, в котором служил солдат Иван Павлович Середа, вел оборо-

нительный бой с противником в районе г. Двинск (Даугавпилс). Повара расположили свои походные кухни в небольшом овраге, в тылу боевых порядков подразделений. Когда обед был готов, Середа оставил у котлов помощника, а сам побежал доложить командиру, что можно раздавать обед. Чтобы заодно нарубить по дороге дровишек, прихватил топор.

Неожиданно на опушке леса показался фашистский танк. Ведя огонь с ходу, он двигался прямо к командному пункту полка. Середа камнем упал навзничь и притворился мертвым. Страх страхом, но и его подавила мысль: что предпринять, чтобы остановить вражескую машину, спасти от разгрома КП. И решение пришло мгновенно. Едва танк поравнялся с местом, где он лежал, повар быстро вскочил на брону, изо всех сил ударил обухом топора по стволу пулемета и погнул его. Затем начал колотить по стволу пушки. Ошеломленные столь дерзким нападением, фашисты растерялись. Танк остановился, приоткрылся люк. А тут как раз подоспела подмога, с помощью которой отважный повар захватил в плен экипаж вражеской машины. За этот подвиг И. П. Середе было присвоено звание Героя Советского Союза.

— С тех пор солдаты полка стали уважать своего повара еще больше, — закончил я рассказ. — Еще бы — герой! Но все-таки в первую очередь они ценили в нем своего заботливого «кормильца», искусного кашевара. Ведь на фронте котелок с кашей — это не только пища. Это и отдых после боя. И краткая встреча с другом-земляком у полевой кухни. И мысли, вместе с паром от котелка улетающие к родному дому. Вкусный обед не только прибавляет сил, но и, как говаривали на фронте, «греет душу»...

Курсанты выслушали меня с большим вниманием. И честное слово, их лица и глаза в ходе нашего и серьезного, и шутливого разговора прояснились. Расстались мы друзьями, с надеждой скоро увидеться в войсках, хотя я им и не обещал легкой жизни после окончания этой школы. Ведь, в самом деле, что получается? Солдаты боевых специальностей еще крепко спят, а повара спозаранку уже хлопочут на кухне. Роты, позавтракав, ушли на занятия, а повара опять суетятся у плиты. Войны, отужинав, уже отдыхают, а повара все еще крутятся на кухне. Когда же, спрашивается, они учатся, ходят в увольнение, отдыхают? Посменно или когда представится для этого удобное время. К сожалению, представляется оно не всегда: ведь в частях учение идет за учением, а с подразделениями в поле выезжает и повар. И получается, что в течение своей службы он порой недосыпает,

почти не имеет личного времени и ходит в кино через раз. Зато каждый день видит сотни глаз друзей-однополчан, которые с душевной признательностью машут ему рукой, если борщ наварист, каша рассыпчата, а чай заварен, как дома...

Следует, правда, сказать, что все эти трудности, которые ожидали их в частях, не особенно омрачали будущих поваров. Они же знали, на что шли, и все же сделали выбор. Зато, когда я сказал им под конец, что в интересах полной взаимозаменяемости в расчетах и экипажах и в порядке овладения смежными специальностями им также предстоит освоить в частях обязанности наводчика или орудийного номера, пулеметчика или гранатометчика, это сообщение было встречено с радостью.

— Вот это дело! — оживленно заговорили курсанты. — В армии и поваром быть не зазорно. Обидно другое: закончить службу, не побывав в танке, не постреляв из оружия, короче, не имея боевой специальности!

И я полностью разделял их мнение.

Как видим, организаторам тыла необходимо думать и о том, как повышать престижность тыловых специальностей. Взять хотя бы ремонтника. Сколько надо иметь уважения к своей профессии, чтобы изо дня в день видеть, как твои сослуживцы водят танки и автомобили, работают на сложных инженерных машинах, тренируются на боевой технике, а ты в это время знай раскручивай гайки, меняй узлы, клепай и сваривай поломанные детали. Не уложился в светлое время, прихватывай ночь, потому что с утра эти машины должны выйти в рейс или на занятия. При этом еще умей спокойно выслушать советы и наказания тех, кто водит эти машины и ломает их: ведь каждый считает, что раз он хозяин, то знает ее «норов» лучше, чем кто-либо другой. Правда, можно делом доказать, что ты, ремонтник, знаешь и умеешь зачастую побольше водителей...

Свои трудности в службе есть у многих других младших специалистов тыла: заправщиков, механиков, санитаров, лаборантов, кладовщиков, слесарей... Всех необходимо не только учить мастерству, но и постоянно воспитывать в духе уважительного отношения к военной профессии. С этой целью приходится использовать самые разнообразные формы воспитательной работы.

Однажды на полевом хлебозаводе я с большим интересом наблюдал за процессом выпечки хлеба. Продукция этого полностью механизированного подвижного комплекса славилась отменным качеством, хотя, надо сказать, наш армейский хлеб, особенно выпеченный в поле, всегда необы-

чайно вкусен. Многое тут, безусловно, зависит от квалификации и старания хлебопеков, строгого соблюдения технологических норм и требований.

В тот раз начальник ПМХ (сам очень опытный специалист) капитан И. Сидорчук познакомил меня с лучшими мастерами, работавшими в смене.

— С душой относятся к делу, уважают хлеб, — похвалил он солдат.

— В том, что вы хорошо обучили их, не сомневаюсь. А вот как еще и душу своего врожденного хлебопека вложили в каждого — вот что непостижимо! — пошутил я.

— Научить уважать хлеб надо обязательно всех, а хлебопеков в первую очередь, — серьезно ответил офицер.

— Каким образом? — поинтересовался я.

— А любым. Был бы результат.

Он подвел меня к стенду с показателями работы хлебозавода. В центре его, среди лозунгов и цифр, я увидел стихи. Они воспевали... хлеб, тот самый, что в буханках. Стихи так и начинались:

Дань отдавая пушкам, танкам
(они в бою гроза и смерч!),
Мы знаем цену и буханкам,
Что приходилось в поле печь.

Хлеб на войне — продукт особый:
Он даже в виде сухарей
Бывал вкуснее всякой сдобы
При котелке горячих щей...

Далее в стихотворении рассказывалось о том, какое это великое дело — выпекать хлеб в полевых условиях, когда войска безостановочно наступают и надо успевать снабжать их свежим хлебом, но при этом и не отставать от своих частей. Уже в ту пору фронтовые хлебопеки мечтали о «пекарнях на колесах», способных выпекать хлеб «прямо на ходу». И вот такие времена настали. Появились в войсках походные хлебозаводы, способные «зимой и летом, в зной и стужу на трудных трассах полевых давать продукцию не хуже хлебозаводов городских». Заканчивались стихи призывом к армейским хлебопекам — гордиться своей профессией, помогающей воинам всегда быть сильными и бодрыми, способными преодолевать любые нагрузки.

— Не берусь судить о поэтических достоинствах стихов, но главная мысль в них абсолютно верная. За это вполне ручаюсь, — сказал я тогда Сидорчуку. — И правильно делаете, что пропагандируете свою профессию, воспитываете уважение к солдатскому хлебу и армейским хлебопекам.

Надо сказать, что в разной форме подобную работу постоянно вели в своих коллективах и начальники других служб тыла. Часто бывая в медицинских подразделениях ЮГВ, подчиненных офицеру И. А. Юрову, я обращал внимание на то, как активно и разносторонне пропагандируют в них мужество и высокую профессиональную подготовку, дисциплинированность и верность долгу медиков-фронтовиков, в чем была заслуга и самого Ивана Александровича. О героях говорилось в моем присутствии на политинформациях, в специальных беседах с личным составом, на юбилейных вечерах. О традициях фронтовиков рассказывали листовки, альбомы, плакаты, помещенные на видных местах в ленинских комнатах. Естественно, все это помогало воспитывать качества, необходимые военным медикам. Вот лишь несколько боевых эпизодов из этого цикла.

...14 января 1945 года при прорыве сильно укрепленной обороны гитлеровцев на левом берегу Вислы вышел из строя командир одного из взводов 246-го гвардейского стрелкового полка. Продвижение стрелков замедлилось. Тогда санинструктор старшина Фомин, приободлив бойцов, повел их на штурм вражеской обороны. Ворвавшись в сильно укрепленный пункт противника в селе Липске-Буды, воины разгромили немецкий штаб и взяли в плен 12 солдат и офицеров противника. В период боев за Познань Фомин оказал под вражеским огнем первую медицинскую помощь 48 советским воинам и вынес их с поля боя. Будучи сам дважды ранен, не покинул боевой строй. Более того, через несколько дней отважный санинструктор помог бойцам блокировать вражеский дзот, и тот прекратил сопротивление. Гвардии старшине медицинской службы Владимиру Васильевичу Фомину было присвоено звание Героя Советского Союза.

В ходе войны наши военные медики показывали образцы подлинного героизма не только на передовой. Они самоотверженно выполняли свой профессиональный долг повсюду, где их помощь могла спасти жизнь и облегчить страдания защитникам Родины, — на горящих кораблях и партизанских базах, в осажденных городах и каменоломнях, действуя в составе воздушных и морских десантов и даже находясь в адских условиях вражеского плена.

Сильное впечатление на медицинских сестер и санитарок в Н-ском медсанбате произвел, помню, рассказ агитатора о подвиге санитарки М. Н. Цукановой, проявившей нестигаемую силу духа в последний час своей короткой и яркой жизни...

Когда началась война с Японией, 355-й батальон мор-

ской пехоты, в котором служила санинструктором Мария Цуканова, получил задание высадиться на причалы вражеского порта, пробиться в город и закрепиться там до подхода главных сил. Воины в черных бушлатах и тельняшках сражались с превосходящим по численности противником с беззаветной храбростью. Не страшилась опасности и комсомолка Цуканова. Она бинтовала раненых, выносила из-под огня в укрытия и снова спешила в самое пекло боя. Многим десантникам спасла жизнь санинструктор за двое суток боя. Ее бесстрашие и самоотверженность вдохновляли даже выдавших виды морских пехотинцев.

14 августа 1945 года в боях на улицах города Сейсин (Корея) Мария Цуканова была тяжело ранена. Однако, преодолевая боль, продолжала оказывать помощь боевым друзьям, пока не потеряла сознание. Бесчувственную от потери крови, ее захватили в плен. Чтобы получить сведения о составе и задачах советского десанта, враги зверски пытали Марию, но ничего от нее не добились. Тогда отважную патриотку убили. Так погибла, до конца выполнив свой воинский долг, матрос Мария Никитична Цуканова, посмертно удостоенная звания Героя Советского Союза. Приказом Министра обороны СССР она навечно зачислена в списки школы санитарных инструкторов. Во Владивостоке ей сооружен памятник...

Широко известно специалистам медслужбы в войсках и имя Ирины Николаевны Левченко, начинавшей свой боевой путь в годы минувшей войны с медицинской сумкой на плече. В период боев на Смоленщине она оказала медицинскую помощь 168 раненым бойцам и командирам и помогла вывести их из окружения. В боях за Крым в 1942 году санинструктор Левченко спасла жизнь 28 раненым танкистам. Тогда же отважная девушка сама получила тяжелое ранение и после лечения в госпитале была признана не годной к дальнейшей военной службе. Но не смирилась с этим, сумела восстановить функции парализованной руки и добилась направления в танковое училище. По окончании учебы была вновь направлена на фронт, где и встретила День Победы.

После войны Ирина Николаевна окончила академию бронетанковых и механизированных войск и Военную академию им. М. В. Фрунзе, работала военпредом на заводе. Уволившись в запас, она написала «Повесть о военных годах», в которой рассказала о своей боевой молодости. Член Советского комитета ветеранов войны и Комитета советских женщин подполковник-инженер запаса И. Н. Левченко

в канун 20-летия Дня Победы была удостоена высшего боевого отличия — звания Героя Советского Союза.

...Десятки раненых советских солдат и офицеров обязаны своими жизнями и полному кавалеру ордена Славы Матрене Семеновне Нечепорчуковой (Ноздрачевой). Санинструктор роты гвардейского стрелкового полка, она особо отличилась в боях при форсировании рек Днепр, Висла, Одер, Шпре, была ранена при штурме Берлина, но осталась в строю. Храброй санитарке не раз приходилось брать в руки оружие, чтобы защитить тяжелораненых бойцов при внезапных атаках гитлеровцев. Орден Славы второй степени за отличия в боях на территории Польши ей вручил лично командующий 8-й гвардейской армией генерал В. И. Чуйков. А первый свой солдатский орден — Славу третьей степени — она получила за то, что с первым десантом высадилась под шквальным огнем врага на противоположный берег Вислы и там в течение двух суток оказала медицинскую помощь двадцати шести раненым или контуженым храбрецам.

И таких героинь на фронтах Великой Отечественной было множество. Бесстрастная статистика свидетельствует, что в годы минувшей войны в армии и на флоте беззаветно несли свою нелегкую службу свыше 200 тысяч врачей, 500 с лишним тысяч фельдшеров, медицинских сестер, санинструкторов и санитарок. Их усилиями и заботами была спасена жизнь 10 миллионам защитников Родины. Это ли не величайший подвиг ради жизни, во имя Победы!..

— Итак, какими же качествами должен обладать военный медик, чтобы успешно выполнять свои обязанности в боевой обстановке? — обращался обычно к своим питомцам офицер И. А. Юров в конце беседы о героях-фронтовиках. — Ну, кто скажет? Мужество? Правильно! Оно крайне необходимо в бою и санитару, и фельдшеру, и военврачу. Выносливость? Безусловно! Нагрузки в боевой обстановке возрастают многократно. Знание своей профессии? Прежде всего! Ведь от нашего умения зависят жизни людей, и мы должны настойчиво овладевать медицинской подготовкой и в теории, и на практике. Дисциплина, верность долгу? Абсолютно так! Мы не просто медики, а медики — военные.

Надо сказать, что Юров на всех занятиях и учениях создавал очень сложную и поучительную обстановку для отработки поставленных задач. И с какими бы трудностями это ни сопрягалось, старался учить подчиненных специфике их работы в условиях современной войны, при воздей-

ствии на личный состав новых видов оружия. На таких занятиях никто из обучаемых не ждал послаблений и поблажек. Все понимали: если твой долг — облегчать страдания людей, то сил на это жалеть не приходится.

Беседы, книги, выставки и фильмы о делах и задачах специалистов тыла в дни войны и мира, о долге и призвании военного человека обычно носят в войсках целенаправленный воспитательный характер. Однако с помощью одних лишь этих средств воздействия патриотом «тыловой» профессии сделаешь не каждого молодого воина. Нужно еще постоянно заботиться о том, чтобы он получил возможность трудиться на своем рабочем месте с интересом и увлечением, имел дело с современной техникой, рос по службе. Вот тогда солдаты тыла овладевают своей специальностью всерьез и отдают ей симпатии надолго, а то и навсегда.

Разумеется, как и повсеместно в Вооруженных Силах, есть у нас люди, считающие свою военную профессию лучше любой другой. Мне как-то показали письмо одного из офицеров тыла. Уходя в запас, он решил обратиться к однополчанам со своеобразным стихотворным наказом: беречь и приумножать славу солдат тыла. Вот начало этого письма:

Я славлю тыл! С суворовских времен
Он в неустанной черновой работе.
Я славлю тыл, что так обременен
Заботами об армии и флоте.

Признательность свою я приношу
Ему в конце пути с поклоном низким
И вот — стихи «хозспособом» пишу
О людях и делах, столь сердцу близких.

Не будем опять же строгими к автору этих строк, по форме, вероятно, далеких от совершенства. Но искренность чувств, любовь ветерана к своему «роду войск» — тылу, даже грустная нотка юмора — все это не может не волновать...

Организирующим звеном во всей учебной, хозяйственно-бытовой, материальной, технической, медицинской и другой многогранной деятельности тыла являются его штабы и службы. И здесь пора сказать доброе слово об офицерах штабов, которые прежде и больше всего помогали мне в период службы в ЮГВ в решении многих сложных задач.

Про офицера Д. А. Аверина — боевого командира в годы войны и начальника штаба тыла ЮГВ в те дни — можно было сказать коротко: человек, обладающий всей суммой знаний в области материального обеспечения войск, а рав-

но и деятельности всех звеньев тыла. Однако знать в нашем деле все — это еще полдела. Нужно к тому же уметь энергично и гибко реагировать на любые, в том числе и непредвиденные изменения в обстановке и направлять деятельность служб так, чтобы они работали как часовой механизм. Для этого требуется все предусмотреть, все рассчитать, все организовать и проконтролировать. И Дмитрий Александрович умел это, как никто другой. Ну а как мог он все это охватить со своими несколькими подчиненными, можно только догадываться.

Для сложной и многоплановой работы, при сравнительно малом числе офицеров в штабах тыла, приходится подбирать их так, чтобы любой мог, образно говоря, выступать в различных ролях и лицах. Потому-то далеко не каждый способен продуктивно трудиться в таких условиях. А работа их чрезвычайно важна и требует от человека многих способностей и качеств.

...Во время войны, при подготовке одной из операций на Ленинградском фронте, я, тогда еще войсковой офицер, прибыл в штаб подвижной танковой группы. И мне показалось, что многие офицеры там занимаются не тем, чем бы следовало. Обстановка на фронте была сложной. Однако, вместо того чтобы находиться в войсках и непосредственно участвовать в организации боевых действий, они писали какие-то бумаги, составляли таблицы и графики, рисовали что-то на картах или звонили по телефону, вопрошая: «Где именно выявлены огневые точки?», «Каковы грузоподъемность моста в пункте Н. и глубина ручья?», «Повторите сводку погоды на ближайшие два дня» и т. д. Эти и другие сведения, думалось мне, интересовали больше войска, находившиеся на переднем крае, чем штабистов.

Разумеется, я сильно ошибался тогда. В тот момент опытные штабисты уже практически «разыгрывали» и перегруппировку танковых и механизированных соединений, составлявших подвижную группу фронта, и вероятные ее действия на новом операционном направлении. На картах, в графиках, таблицах и других документах было зафиксировано все, что требовалось для решений и прогнозов за противника и за свои войска, с обозначением сил и средств сторон, их материальных запасов, направлений контратак и маршрутов подвоза. Все эти сведения собирались по крупницам и тщательно обрабатывались штабными специалистами: операторами, разведчиками, офицерами инженерных,

технических, тыловых и других служб. И всякая неточность в их работе, любое упущение могли при подготовке предстоящего боя в конечном счете привести к тяжким последствиям. В этой связи всегда полезно помнить слова Ф. Энгельса о том, что некомпетентность офицеров нигде не приносит столько вреда, как на штабной службе.

Настоящий офицер штаба в годы войны никогда и ничего не делал наобум. Чего не имел под рукой из сведений — доставал, используя все способы и источники, чего не знал — выяснял у начальников и сослуживцев, если в чем сомневался — перепроверял свои данные и только потом докладывал их наверх.

Старший начальник всесторонне оценивал эти сведения, сопоставлял с другими и на этой основе принимал или отвергал представленные ему предложения или же требовал их доработки. Этот момент в штабной работе был наиболее ответственным, поскольку утверждаемые предложения являлись основой решения на бой, операцию.

Деятельность в штабе не замирала и после принятия решения. Чтобы провести его в жизнь, офицеры штаба и различных служб тыла спешили на узел связи или ехали в войска — на передовую и на маршруты движения транспортов с грузами, доводили приказ командира до исполнителей, проверяли готовность вооружения и техники, доставку и распределение материальных запасов. Другие помогали личному составу глубже уяснить задачу и изготавиться к бою, участвовали в рекогносцировке местности, детальнее увязывали взаимодействие, подтягивали отставшие тылы.

В минувшую войну большинство штабных офицеров, независимо от их специальности и решаемых в войсках задач, обычно интересовались на местах и бытом воинов: питанием, экипировкой, размещением, медицинским обеспечением. Все это — слагаемые успеха в бою, важнейшее условие поддержания высокого боевого и морального духа личного состава. И потому забота о материальном снабжении солдат на переднем крае была постоянной и всеобщей.

На фронте, например, периодически проводились массовые проверки организации и качества питания воинов на передовой и в госпиталях. Их одновременно осуществляли в разных местах десятки специальных комиссий, куда входили политработники, командиры, специалисты продслужб и офицеры штаба тыла. Они тщательно проверяли, как налажено питание в частях и медучреждениях, соответствие пищи установленным нормам выдачи и качеству, опраши-

вали сотни бойцов, выявляя все нарекания и жалобы. Результаты проверок обобщались на специальных совещаниях, посвященных вопросам питания воинов, или на заседаниях военного совета.

На фронте нагрузка на штабных офицеров выпадала немалая. В период подготовки боев, операций им редко удавалось выкроить на отдых даже несколько часов. Наступило мирное время. Может, работа в штабах стала проще и легче? Нет. Она, пожалуй, даже усложнилась, а стало быть, и нагрузка возросла. Это в полной мере относится и к офицерам тыловых штабов.

Поступающие в войска в массовом количестве сложные виды нового оружия и техники требуют и новых способов их обеспечения, в том числе в боевой обстановке. Стало быть, сейчас на всех учениях и полевых занятиях специалисты тыла должны отрабатывать свои задачи в условиях, близких к боевым, с большой физической и психологической нагрузкой. Для этого офицерам штабов и служб тыла надлежит проводить эти учения на сложном оперативном или тактическом фоне, который сам задает темп и определяет перечень работ по тыловому обеспечению войск. Разумеется, необходимо тщательно спланировать и сами работы по видам, объему, срокам материального обеспечения и т. д.

Даже к командно-штабному тыловому учению, проводимому на местности, требуется разработать множество самых различных документов: определить замысел и составить задание, подготовить карты и планы, расчеты и графики. При этом штабным офицерам следует основательно врать в обстановку, проиграть мысленно все этапы учения, последовательно ставя себя на место обучаемых. Затем полностью оформить «сценарий» действий, расписав все роли в нем, начиная от «режиссера» — руководителя учения и до «артистов», читающих текст от автора, то есть до посредников, и т. д. Затем организовать все практически, увязав с действиями специально выделенных «подыгрывающих» войск.

Однако грамотно подготовить документацию — это еще не самое трудное. Сложнее отрабатывать вопросы обеспечения в ходе самого учения. Потребуется, скажем, срочно организовать подвоз боеприпасов в одну из мотострелковых частей. Сделаны расчеты, отданы указания, тронулся с места транспорт. И вдруг — резко изменяется обстановка. Часть, до того оборонявшаяся, начала вынужденный отход, удаляясь от большака, наезженного автомашинами, в забо-

лоченную труднодоступную низину. И задачу ее боеснабжения приходится решать совсем иначе. Намечается другой маршрут, с настилкой гатей и ремонтом моста через ручей. Выделяется более мощный транспорт для подвоза. Пополняется перечень боеприпасов, затребованных ранее частью. Сделать все это безошибочно и быстро сможет лишь офицер тыла, хорошо знающий не только боевую обстановку на своем участке и функциональные обязанности, но и все тактико-технические характеристики средств тыла и их возможности в различных условиях погоды и местности. Более того. Особенности современного боя, операции требуют от офицеров штабов и служб тыла наряду с глубокими и разносторонними знаниями еще и чисто командирских качеств: воли, инициативы, решительности, способности взять на себя всю ответственность за принятое решение.

В этом направлении мы старались совершенствовать в войсках ЮГВ и формы их подготовки, и стиль практической деятельности. Главное внимание уделяли умению работника эффективно применять свои знания и навыки в различных условиях обстановки. Ведь нередко человек, вроде бы неплохо подготовленный в теории, не может наладить дело потому, что пришлось работать в усложненных условиях (мало рабочей силы, подводит транспорт, предельно коротки сроки и т. п.). Чаще всего это происходит с недавними выпускниками военно-учебных заведений. Таких мы чаще практиковали в ситуациях, требующих нетиповых решений по организации работ.

Бывает, правда, и так, что новичок имеет задатки хорошего организатора, но не знает специфики штабной службы, не умеет разрабатывать и обосновывать документы в свете требований соответствующих приказов. Такого товарища мы основательнее знакомили со всеми директивными положениями, на основе которых функционирует данная служба, а проще сказать — со всем «бумажным хозяйством». Усвоив эту сторону дела, офицер, смотришь, значительно быстрее вырастает в грамотного и расторопного организатора тыла.

Заботясь о повышении квалификации всех работников штаба, мы вместе с тем старались не нивелировать подготовку людей. Очень полезно развивать и сильные субъективные свойства каждого офицера, положительные черты его ума и характера. Один, к примеру, способен быстро уяснить сложную, постоянно меняющуюся обстановку и сделать обоснованные выводы из нее. Это качество неопенимо на учениях, при подготовке разборов и обобщении опыта.

Другой работник настойчив в осуществлении решений, принятых старшим начальником. На него вполне можно положиться на таком участке, где все решает воля и упорство. Третий — инициативен, не теряется в сложных перепрягах, связанных с работой в отрыве от штаба. Ему по плечу задачи, возникающие в практике впервые, и т. д.

Среди штабных офицеров есть, разумеется, и такие, кто не проявляет особой активности в работе. Что ему поручат, то и сделает, не более. Я считаю одной из причин такой инертности прежде всего то, что человеку опасаются давать самостоятельные задания. Вот он и крутится всегда на чисто исполнительских ролях, не имея случая и возможности приобрести новые навыки, проявить характер. А ведь ответственность — это как раз тот оселок, на котором прежде всего оттачивается стремление показать себя, оправдать доверие. Бояться, что данный офицер может загубить важное дело, не следует. Грубо оступить ему не дадут две надежные «подставки» — помощь и контроль. Кроме того, рядом ведь всегда более опытные сослуживцы: они подстрахуют и предостерегут.

Несколько слов об инициативе штабных офицеров. Это качество особенно ценится в работе, поэтому склонность к творчеству мы стремились всемерно развивать. Кстати замечу, что некоторые офицеры инициативны лишь до поры, пока новая задача «варится в мозговом котле». Когда же настает время для практической ее реализации, они охотно уступают место другим людям, менее активным и сведущим. Происходит это потому, что воплощение в жизнь хорошей идеи зачастую связано с большими трудностями, чем ее обоснование за письменным столом. Потому-то и целесообразно возлагать решение инициативных задач на их творцов и авторов, лучше знающих суть и детали сложного дела.

Помнится, в одном штабе тыла продолжительное время критиковалась устаревшая методика занятий по тыловому обеспечению войск. При этом все единодушно подчеркивали необходимость современной учебной базы. Но как ее создать в штабе? Больших учебных полей и специальных классов, как это делается в частях тыла, здесь не построишь: не хватит ни сил, ни места, ни оборудования. А без них все учебные задачи отрабатываются чересчур умозрительно.

Выход нашли офицеры Г. Ельчищев и И. Савчук. Вместо полей, площадок, классов они предложили оборудовать компактные стенды и рабочие столы специальной конструк-

ции, позволяющие производить все операции по планированию и организации тылового обеспечения войск очень наглядно, в полном объеме и с необходимой детализацией. Подключение стендов к ЭВМ вычислительного центра штаба давало возможность отрабатывать учебные задачи в соответствии с требованиями новых уставов.

У работников штаба это предложение вызвало живой интерес. Однако нашлись и скептики, не поверившие в возможность создать столь сложное оборудование своими силами. И тут не дал заглухнуть ценной инициативе старший начальник. Поддержав Савчука и Ельчищева, он именно на них возложил наиболее сложную часть работы. Включились в нее и остальные. В итоге был создан компактный учебный комплекс, позволивший улучшить профессиональную подготовку офицеров. На базе его в дальнейшем были созданы еще более совершенные учебные объекты в других штабах тыла.

...Работа по организации войскового хозяйства и бесперебойному его функционированию осуществляется не путем кратковременных порывов или периодических кампаний. Она требует от руководителей разного уровня непрерывных, настойчивых и целеустремленных усилий. На главных ее направлениях, по наиболее важным и сложным задачам, эта работа постоянно и четко направляется сверху. Вместе с тем есть множество ее участков, где результаты во многом зависят от умения, распорядительности и инициативы офицеров служб тыла и штабов среднего и низового звена. Ведь абсолютно всего наверху не предусмотреть, все до мелочей не спланируешь и не проверишь. Да этого и не требуется, если на местах трудятся хорошо подготовленные и старательные специалисты, способные без подсказки и напоминаний делать трудное дело, вкладывая в него всю энергию и душу.

Именно такими энтузиастами своего дела, обладающими трудолюбием и высокой профессиональной подготовкой, являлись большинство офицеров, с которыми довелось мне трудиться в ЮГВ и на других участках нашей нелегкой службы. Среди них следует прежде всего назвать товарищей И. А. Медведева, умеющего быстро оценить обстановку и «схватить» суть любой решаемой проблемы, Л. А. Радишевского — автора многих дельных предложений и начинаний, В. А. Полосухина, способного вскрыть самые потаенные причины недостатков в войсковом хозяйстве. Под

стать им И. Н. Ковылин, умеющий энергично наладить продовольственное дело в самых сложных условиях, Р. К. Быстрицкий — редкий знаток вещевого службы, Г. Д. Биба — признанный специалист в области военной ветеринарии, В. Н. Сочиллов — серьезный экономист и организатор военной торговли и многие, многие другие труженики тыла. Распоряжаясь материальными ценностями на миллионы рублей и отвечая за обеспечение большого числа войсковых потребителей, они всегда руководствуются в работе высшими интересами Вооруженных Сил, показывая пример образцового выполнения своего воинского и партийного долга. Их важную роль в повседневном руководстве войсковым хозяйством я и хотел чуть шире показать в этой главе.

В мае 1965 года мне вновь пришлось продолжить службу в штабе Тыла Вооруженных Сил. Ознакомление с обстановкой на различных участках этой работы, поездки в войска и деловые беседы с сослуживцами убедили в том, что за последние годы в развитии многих служб тыла произошли значительные перемены. Правда, ряд важных вопросов по-прежнему ждал кардинальных решений, не потеряв за это время ни актуальности, ни сложности. И в том, что их черед наступал только теперь, винить никого не приходилось: для мероприятий подобного рода должны «вызреть» и соответствующие предпосылки материального характера...

Работа в новой должности увлекала возможностью часто бывать в войсках, расположенных на окраинах страны. Поскольку раньше мне довелось служить лишь в западных ее районах, то особенно полезными и интересными теперь оказывались поездки в гарнизоны на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Выездную группу обычно возглавлял заместитель Министра обороны — начальник Тыла Вооруженных Сил Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян. Естественно, на первых порах пришлось постигать особенности стиля его работы, менять некоторые навыки, кое в чем приспособливаться к руководителю. Впрочем, редкая деликатность маршала в обращении с людьми, доверие, которое он оказывал подчиненным независимо от их возраста и чина, быстро растопили мою скованность, и я сравнительно скоро «нашел себя» в работе.

Все выезды планировались и проводились обычно следующим образом. Составлялся обстоятельный план, намечались объекты проверки и ревизии, определялись состав комиссии, время выезда и сроки работы. С прибытием в воинскую часть, соединение план соответственно корректировался. О положении дел в войсковом хозяйстве, обо всех намерениях и затруднениях сначала докладывали командир и его заместитель по тылу. Затем приводили резонные обоснования для ссылок на недоделки и всех своих просьб на-

чальники служб тыла. Они же давали уточнения и справки на возникающие у нас вопросы. После этого наша группа делилась на части — для ознакомления с состоянием дел непосредственно в подразделениях и службах, на складах и других объектах.

В результате дотошной проверки складывалось достаточно верное представление о том, как командование и специалисты тыла решают свои задачи на местах в пределах установленных норм и лимитов денежных и материальных средств. Присутствие начальствующего состава из центрального аппарата Тыла позволяло оперативно оказывать необходимую помощь в организации всестороннего обеспечения войск при более рациональном использовании наличных материальных ресурсов.

Случалось, правда, что некоторые командиры и хозяйственники старались по первости показать состояние дел у себя с наилучшей стороны, видимо полагая, что докладывать об отдельных недостатках высокому начальству ни к чему: они, мол, лишь искажают общую картину. Однако И. Х. Баграмян и из их докладов умел быстро выявить отстающие или запущенные участки. И последующая проверка вскрывала действительное положение вещей — к явному конфузу любителей лакировки. В таких случаях маршал очень вежливо спрашивал их:

— Почему не точны в докладах? От кого скрываете недоделки? Мы же приехали за тысячи километров, чтобы помочь вам советом и делом. А как помочь, если не увидим всех узких мест, включая и те, что возникли по вашей вине? Согласитесь, что так поступать нельзя!

Что тут оставалось делать виновным? В душе они, безусловно, и сами казнили себя в сто раз строже за эту уловку. Хватало и одного такого урока от уважаемого всеми военачальника, чтобы эти товарищи всегда впредь рисовали обстановку такой, какой она была в данный момент.

Всякого рода важных проблем, ответственных задач и текущих дел возникало и решалось по каждой из служб множество. На востоке страны значительная их часть так или иначе упиралась обычно в возможности коммуникаций. Единственная Транссибирская железнодорожная магистраль не могла в полном объеме удовлетворить все заявки народного хозяйства нашей страны. Уже в те годы становилось ясно, что эффективное развитие этих краев немыслимо без значительного увеличения сети железных и автомобильных дорог. Разумеется, принимались самые энергичные меры и для повышения пропускной способности суще-

ствующих. Много сил и внимания уделяли, в частности, этому вопросу и крупные специалисты центрального аппарата генералы С. В. Хвощев, А. С. Клемин и другие. Выезжая с маршалом И. Х. Баграмяном в восточные районы, они тщательно изучали состояние путей сообщения и возможности их развития. Их соображения и конкретные предложения на этот счет были в последующем учтены при подготовке решений и отработке необходимой документации по строительству новых и ремонту старых дорог.

Серьезные задачи решали при выездах в войска и представители центральных строительных и квартирно-эксплуатационных органов. Нет нужды объяснять их особую «популярность» в гарнизонах, особенно там, где ведется большое строительство и где еще немало трудностей с жильем и бытом у военнослужащих и их семей. Тут пустыми посулами не обойдешься, надо давать прямой и конкретный ответ на вопросы: почему задерживается ввод в строй какого-то объекта, что предпринимается для благоустройства городка, почему иногда низко качество ремонта качевских квартир и многие другие.

Естественно, офицеры этих служб не только фиксировали все недостатки в строительстве и эксплуатации различных объектов, но и оказывали энергичную и квалифицированную помощь на местах, умело маневрируя наличными силами и материальными средствами. И если что-то обещали людям, то старались сделать, с какими бы трудностями это ни сопрягалось и в каких бы высоких инстанциях ни приходилось утверждать потом проекты и сметы.

Желанными гостями в войсках были и представители торгово-бытовых органов. Они по-настоящему заботились о том, чтобы необходимые товары и продукты в первую очередь доставлялись в отдаленные районы. Легко понять радость жителей дальних гарнизонов, когда, к примеру, первая клубника, ранние фрукты или свежий картофель прежде всего поступали именно к ним. Забота центральных органов торговли, возглавляемых П. В. Кочетковым, об отдаленных городках и людях, которые несут в них нелегкую службу, не оставалась незамеченной. Военнослужащие и члены их семей с признательностью говорили об этом при встречах и беседах, это же отмечали в письмах, которые мы получали в столице.

Вся работа, проделанная на выезде, тщательно обобщалась в докладе-разборе. С ним, как правило, выступал сам маршал И. Х. Баграмян в штабе округа, флота или в одном из гарнизонов. Разбор по результатам проверки всегда пре-

вращался в хороший семинар для руководящего состава, командиров частей и их заместителей по тылу, начальников служб. Ведь на нем рассматривались не только положительные стороны в работе органов тыла, но и глубоко, основательно вскрывались все упущения, указывались пути и средства для устранения недостатков. Это позволяло командованию и политорганам предметнее руководить на местах дальнейшим развитием и укреплением материально-технической базы тыла. Разумеется, нередко возникали и особенно сложные, многоплановые задачи, которыми приходилось заниматься по возвращении в Москву, доводя затем пути и способы их решения до всех войск.

На разборах поднимались и теоретические вопросы тылового обеспечения, делался всесторонний анализ всего наиболее ценного из опыта войск, особенно если в ходе проверки проводились учения с привлечением тыловых подразделений, частей и органов управления тылом.

Надо сказать, что поездки по районам Сибири и Дальнего Востока необычайно обогащали нас и впечатлениями внешнего порядка, и новыми сведениями о том, как велики просторы этого края и его природные богатства и какую исполинскую программу работ по их освоению все смелее ставит от пятилетия к пятилетию наша Коммунистическая партия.

Невольно поражала прозорливость великих сынов России, твердо веривших, подобно М. В. Ломоносову, что «российское могущество прирастать будет Сибирью». Кстати, о том, что столь смелое пророчество уже начинало обретать в те годы свое воплощение в жизнь, нам многое рассказали ученые Сибирского отделения Академии наук, куда нас пригласил однажды академик М. А. Лаврентьев.

Видный советский ученый, энтузиаст развития экономики Сибири и Дальнего Востока, Михаил Алексеевич Лаврентьев был инициатором создания крупного научного центра на востоке страны и, возглавив его, развернул широкую программу работ по исследованию производительных сил этого огромного региона. В тот раз он сам вкратце познакомил нас с наиболее перспективными работами в этом направлении, после чего пригласил в конференц-зал на встречу с учеными. У входа И. Х. Баграмяна окружила группа участников Великой Отечественной войны. Произошла трогательная сцена «нерушимого солдатского братства», как охарактеризовал ее растроганный маршал. Так, тесно окруженные людьми, М. А. Лаврентьев и И. Х. Баграмян и прошли в зал, минуя сцену со столом президиума.

Завязалась беседа. Некоторые ее участники просили маршала поделиться воспоминаниями о самых памятных днях войны. Отшучиваясь, что про войну и так уже много написано и рассказано, а он теперь «всего лишь начальник тыла», Иван Христофорович в свою очередь просил их рассказать о сегодняшних делах и планах ученых, давая понять, что для нас все это имеет отнюдь не праздный интерес. Ведь Тыл Вооруженных Сил базируется на экономике страны, для более эффективного развития которой и они трудятся здесь, в Академгородке под Новосибирском.

Первым откликнулся бывший полковой разведчик и еще относительно молодой ученый П. П. Нестеров. Оказалось, он и теперь ведет разведку, только геологическую, возглавляя группы поиска одного из редких металлов.

— Сейчас как раз готовим очередную партию в дальнюю экспедицию, — сообщил Нестеров. — Занимаемся подбором и экипировкой людей, подготовкой транспорта, комплектацией и доставкой грузов на маршруты поиска.

— Выходит, прежде чем заняться боевой разведкой, и вы должны организовать тылы? — пошутил маршал.

— Выходит, так, — ответил геолог под веселый смех окружающих. — Работа со стороны невидная, а очень кропотливая и важная. И между прочим, тоже требует научного расчета. На тят-ляп ее не сделаешь!

— Это правильно, — с пониманием подхватил И. Х. Баграмян. — Вообще в любом большом деле, прежде чем приступить к нему, важно уметь, именно по-научному, подготовить соответствующую материальную базу. На вас, геологов, возложена исключительно трудная задача — разыскать и открыть кладовые природы, подарить советским людям все сокровища недр: руду и металлы, новые месторождения нефти, угля и газа, редких минералов. Кстати сказать, коллекция камней у вас, которую показал нам уважаемый Михаил Алексеевич, просто уникальна!

Естественно, чтобы взять все эти природные богатства и поставить их на службу народу, нужны дороги и линии электропередачи, мощное оборудование. Смотрите, — указал маршал на одну из таблиц напротив, — по вашим прогнозам на востоке страны находится до 75 процентов всех наших запасов нефти и до 90 процентов угля и газа. Без создания экономически развитых районов, или, говоря нашим языком, без всесторонне развитого тыла со всеми его коммуникациями, освоить эти несметные богатства невозможно. Стало быть, ныне и товарищам экономистам из вашего научного центра есть над чем потрудиться. Михаил

Алексеевич рассказал, что многие из вас как раз и работают над комплексной программой освоения этих земель. Значит, все мы в своем роде специалисты тыла! И от того, как поработаем, во многом будет зависеть могущество страны — и индустриальное, и оборонное...

Чувствовалось, что слова и мысли известного советского полководца, возглавившего теперь по воле партии и военного командования очень сложный и ответственный участок в Вооруженных Силах страны, нашли самый живой отклик у присутствовавших. Холодок скованности окончательно растаял, и с интересными отчетами о своей работе выступили еще несколько человек. Речь шла о научных трудах в области геологии и географии, экономики и организации промышленного производства, то есть работах исключительно мирного характера. Причем информация носила самый общий характер. Тем не менее мы, солдаты тыла, просматривали и при таком «научно-популярном» изложении проблем и проектов их чисто военный аспект. Это и естественно. Ведь еще М. В. Фрунзе совершенно справедливо указывал в свое время, что при каждом новом начинании в народном хозяйстве очень важно учитывать, насколько оно соответствует оборонным нуждам государства. Здесь же, на краю земли советской, такие начинания должны были в корне преобразить весь этот несметно богатый регион. И учитывать его потенциальные возможности следовало и нам, организаторам военного тыла.

А беседа в конференц-зале уже вступила в новое русло. Речь зашла об ограниченности энергоресурсов на планете (прежде всего — нефти), о надвигающемся призраке энергетического голода и путях развития энергетики будущего, о скором истощении запасов некоторых металлов (в первую очередь — олова, цинка, свинца) и возможностях их замены другими материалами, наконец, о перспективах добычи нефти, ценного сырья и металлов... со дна морей и океанов.

Все эти мысли, соображения, сведения были чрезвычайно интересны и полезны, за что мы были очень признательны нашим хозяевам. Об этом от нашего имени сказал маршал И. Х. Баграмян в конце встречи. Поблагодарив академика М. А. Лаврентьева и других участников за этот своеобразный обзор природно-сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока, а также перспектив их вовлечения в народнохозяйственные планы страны, он с присущим ему юмором под веселое оживление в зале заключил:

— Мы благодарны вам и за очень аргументированное — в цифрах и сроках — напоминание о том, что природные

ресурсы, увы, не беспредельны. И потому нужно очень бережно расходовать горючее, металл, энергию, любое ценное сырье и нам, работникам армейского и флотского тыла. Докладываю, — уже вполне серьезно сказал он, — что во всех Вооруженных Силах СССР, и у нас, в тыле, их экономия осуществляется постоянно и жестко и контролируется очень строго. Ни одна народная копейка не теряется понапрасну. С ее учета мы начинаем, кстати, и каждую проверку при выездах в войска.

Маршалу тепло аплодировали. А мы, его сотрудники, думали в эту минуту о том, что он сказал истинную правду. Действительно, рассматривая любой вопрос по дальнейшему развитию служб тыла, мы всегда настойчиво и скрупулезно искали и ищем такие решения, которые позволяют добиваться требуемых результатов при минимальной затрате сил и средств. Естественно, найти их, эти оптимальные решения, нелегко. Приходится рассматривать, просчитывать, сопоставлять многие варианты, чтобы отдать предпочтение самому экономичному, в наибольшей степени отвечающему нуждам войск и характеру боевых действий в новых условиях.

Современные боевые действия — это и огромный грузопоток материальных средств, предназначенных войскам, ведущим наступление или оборону, осуществляющим маневр или находящимся в резерве. Поэтому тыл по своему оснащению и организации должен всецело соответствовать уровню боевых возможностей частей и соединений. Высококомбинный, легкоуправляемый, он должен располагать достаточными запасами материальных средств, быть способным быстро развертывать и свертывать объекты, непрерывно пополнять потребности войск в боеприпасах и горючем, эвакуировать с поля боя раненых и оказывать им необходимую медицинскую помощь, восстанавливать поврежденную технику и вооружение, обеспечивать личный состав питанием, вещевым имуществом и т. п. И все это — очень оперативно, в считанные часы и минуты. Ведь при высокой динамичности боевых действий войска располагают лишь короткими паузами для пополнения сил и средств, причем зачастую должны делать это на марше, в движении.

В нынешних условиях резко возрос расход материальных средств, причем не только по объему, но и по наименованиям, номенклатурам. Изменилась и структура потребностей, среди которых первое место стало занимать горю-

чее. Обеспечить весь фронт снабжения солдаты тыла смогут лишь при самом широком использовании современной техники и механизации всех работ.

Успешному решению задач в высшем, так сказать, эшелоне тыла во многом способствует высокая личная подготовка начальников и специалистов центральных служб тыла, огромный их опыт в своей области и поистине неуемная энергия. Все эти качества в полной мере присущи, например, бессменному начальнику Центрального управления службы горючего генералу В. В. Никитину и ближайшим его сотрудникам. В итоге многолетней и целеустремленной работы, где смелый поиск основывается на точном учете всех особенностей современной войны, а размах сочетается с хозяйской рачительностью, им удалось в корне реорганизовать процесс обеспечения войск горючим. Разительные перемены произошли в техническом обеспечении службы. Ныне она оснащена всеми необходимыми средствами транспортирования, заправки, перекачки и хранения горючего, контроля за его качеством. Все основные технологические процессы автоматизированы и механизированы.

В арсенал службы горючего входят теперь полевые магистральные трубопроводы с мощными трубомонтажными машинами и насосными установками, а также автотопливо- и водомаслозаправщики. Есть подвижные ремонтные мастерские, полевые лаборатории для быстрого и точного определения кондиционности топлив и масел, оборудование для беспричальной заправки кораблей жидким топливом и другая техника.

На полевых складах и в хранилищах все большее распространение получают резинотканевые резервуары для хранения запасов горючего и масел. Их удобно транспортировать, быстро разворачивать и свертывать, причем один автомобиль перевозит несколько таких резервуаров довольно значительной емкости.

Созданы более совершенные средства для заправки самолетов, вертолетов. Применяются высокопроизводительные системы централизованной заправки, состоящие из расходных резервуаров, насосных станций, сети трубопроводов и специальных устройств. Специалисты этой службы в войсках совместно с водителями и экипажами боевых и транспортных машин постоянно ведут работу, направленную на сокращение сроков заправки техники. Определенную сложность представляет организация дозаправки топливом на марше и в ходе боя. Здесь требуется особо высокая согласованность в действиях между водителями топливоза-

правщиков и экипажами боевых машин. Эффективно выполнять такие задачи позволяют комплексы полевых заправочных пунктов, рассчитанные для одновременной заправки 10, 20 и более боевых машин. Специалисты службы снабжения горючим настойчиво работают над усовершенствованием других средств заправки, транспортировки и хранения нефтепродуктов.

В 60—70-е годы очень многое делалось по совершенствованию вещевого снабжения. Начальник управления (ныне Центральное вещевое управление) генерал Н. Г. Симоненков, а затем сменивший его Ф. П. Петров упорно и изобретательно трудились над тем, чтобы постоянно улучшать форму одежды военнослужащих армии и флота за счет улучшения ее покроя, качества материала и изготовления. При этом преследовалась цель — сделать форму не только красивой, достойной облика воина Страны Советской, но и прочной, ноской в любых климатических условиях.

Обмундирование войск, как известно, является немаловажным фактором, определяющим их боеспособность. В. И. Ленин, выступая 2 октября 1920 года на съезде рабочих и служащих кожевенного производства и оценивая положение, сложившееся в ходе гражданской войны, особо подчеркнул, что «главная трудность на всех фронтах — недостаток снабжения, недостаток теплой одежды и обуви. Шинели и сапоги — вот самое главное, чего недостает нашим солдатам, вот из-за чего так часто срывались наступления, вполне победоносные»¹.

Как свидетельствует история, недостатки в вещевом обеспечении войск значительно увеличивают потери личного состава. В период русско-японской войны 1905 года белые гимнастерки, одетые на русских солдат, не только демаскировали расположение их войск, но и были хорошей мишенью для противника. Во время первой мировой войны войска 8-й русской армии, воевавшей в Карпатах, оказались в крайне тяжелом положении лишь потому, что не имели теплой одежды. Армия фашистской Германии зимой 1941/42 года кроме боевых потерь понесла на Восточном фронте большой урон в живой силе из-за плохой обеспеченности теплыми вещами. И таких фактов можно привести сколько угодно.

Служба вещевого снабжения, как важный участок тылового обеспечения Советских Вооруженных Сил, накопила богатый опыт в процессе своего развития. Имея прочные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 331.

связи со многими отраслями народного хозяйства страны, она решает свои задачи в соответствии с рекомендациями науки и с учетом специфики деятельности военнослужащих в мирное время и в условиях современной войны.

Использование новых средств вооруженной борьбы сопряжено, в частности, с дополнительными источниками воздействия на человека (вибрация, электромагнитные и другие излучения). Это потребовало создания одежды с качественно новыми свойствами, повышающими безопасность в работе с новой техникой и различными веществами. Только за последние двадцать лет работники вещевой службы совместно с другими специалистами разработали десятки видов такой спецодежды.

При разработке образцов военного обмундирования и при подборе материалов, идущих на его изготовление, встречаются немалые трудности. Взять, к примеру, полевое обмундирование. Оно должно соответствовать целому ряду требований, а именно: в процессе всех видов боевой подготовки иметь высокую изнosoустойчивость, быть удобным в носке, обладать хорошими гигиеническими свойствами, быть технологичным. Сочетать все это в одном комплекте одежды весьма трудно. Потому и трудятся над решением подобных задач не только специалисты вещевой службы, но и технологи, гигиенисты, врачи, химики, антропологи и многие другие.

Физиологи-гигиенисты, например, считают одной из наиболее важных функций одежды ее способность поддерживать равновесие между величиной теплообразования в организме человека и теплоотдачи во внешнюю среду. Скажем, служит воин в холодной климатической зоне. Он будет здоров и бодр, если в любую стужу под его одеждой будет поддерживаться постоянная температура 32° С. Причем создание такого внутреннего микроклимата происходит не только под влиянием свойств одежды, температуры и влажности окружающего воздуха, но и энергозатрат самого человека. А они, между прочим, весьма различны не только у представителей гражданских профессий, но и у военнослужащих (у кузнеца, скажем, 155—165 килокалорий в час, у каменщика — 210, у косарей — 300, тогда как у солдат при интенсивных действиях — до 600 и более, что равнозначно самой тяжелой физической работе). Важно сказать и о такой детали. В условиях жаркого климата и при высокой напряженности действий у солдата может выделяться до десяти литров пота в сутки. Стало быть, такое количество влаги должна впитать в себя и его одежда, чтобы

отдать затем во внешнюю среду (задержка влагоотдачи приводит к тепловому удару).

Я привел здесь лишь несколько примеров, свидетельствующих о том, насколько сложно удовлетворить все требования, предъявляемые к военной одежде. Тем не менее качество военного обмундирования, а также обуви и спецодежды постоянно улучшается за счет изготовления из новых, улучшенных тканей, искусственных кож и других материалов.

Идеальной военной формой в условиях климатического разнообразия в нашей стране явилась бы, безусловно, такая, которую можно носить и жарким летом, и в зимнюю стужу. Однако такой одежды пока нет. Поэтому всем военнослужащим приходится иметь и летнюю и зимнюю форму одежды. Большая ее комплектность и номенклатурность, стоимость и сложность изготовления, доставки и хранения продолжают существенно усложнять работу всех специалистов вещевой службы.

Скажем и о техническом оснащении этой службы. Сейчас повсеместно в крупных гарнизонах имеются хорошо оборудованные ателье для пошива обмундирования офицеров и прапорщикам. При нахождении личного состава в поле получили признание высокопроизводительные подвижные мастерские для ремонта обмундирования, обуви и химчистки имущества. Одна такая мастерская, к примеру, за десять часов работы может отремонтировать 120 комплектов кителей и брюк или 40 шинелей, 170 пар армейской обуви. Хорошо зарекомендовали себя и полевые прачечные новейших типов. Производительность малогабаритной механизированной прачечной составляет 700 кг сухого белья за десять часов работы. Разумеется, техническая база службы продолжает развиваться.

Ее специалисты вплотную занимаются также вопросами ротного хозяйства — ключевого звена в вещевом обеспечении личного состава. Сюда входит оборудование кладовых, комнат бытового обслуживания, сушилок, других объектов. Через ротное хозяйство осуществляется контроль за своевременностью ремонта, стирки, смены белья и обмундирования. Там, где этому вопросу уделяется должное внимание и ротное хозяйство организовано хорошо, отсутствуют жалобы на неполадки в снабжении вещевым имуществом и нет его потерь. Все это положительно отражается на соблюдении уставного порядка и дисциплины в подразделениях.

Очень важный участок работы в органах тыла возглавлял в 60—70-е годы опытный специалист своего дела начальник Центрального продовольственного управления ге-

нерал Ф. С. Саушин. Фронтовик, прошедший всю войну в должности партийного, а затем хозяйственного работника, инженер по образованию, кандидат военных наук, Саушин знал буквально все, что имело отношение к нормам и видам довольствия, технологии приготовления пищи и т. п. Его хорошим помощником, сменившим затем его и в должности, был И. Д. Исаенко. Оба они с большим размахом и на научной основе развивали продовольственное дело в войсках.

После войны успехи восстановления народного хозяйства в стране позволили уже в 1949 году ввести новые, повышенные нормы довольствия для личного состава. В последующие годы и нормы, и структура основных продовольственных пайков неоднократно улучшались, свидетельствуя о постоянной заботе партии и правительства о вооруженных защитниках Родины. В 60-е годы калорийность основного солдатского пайка, например, составляла свыше 4 тыс. калорий. На сегодняшний день она еще выше, особенно в выходные и праздничные дни. Солдаты ежедневно получают белый хлеб из муки первого сорта, сливочное масло, третье блюдо в обед; увеличена выдача сахара, в выходные дни даются яйца. Улучшено питание и других категорий военнослужащих, введены новые пайки для летчиков, подводников и т. д.

В настоящее время значительно увеличилась доля специальных продуктов в рационе военнослужащих. Различные пайки скомплектованы в особой расфасовке и таре. Они включают большой ассортимент мясных, рыбных, мясо-растительных и молочных консервов; крупы и пюре, не требующие варки; пищевые концентраты; консервированные овощи; мясные, рыбные и молочные продукты сублимационной сушки; готовые замороженные блюда и др.

Не всем читателям, видимо, известно, что солидную добавку различных продуктов поставляют на солдатский стол военные совхозы, подсобные и прикухонные хозяйства. Чтобы внести ясность, скажу о принципах организации таких хозяйств в армии подробнее.

Военные совхозы создавались начиная с 20-х годов и продолжают создаваться в наши дни преимущественно в удаленных районах страны. Для них, как правило, отводятся бросовые земли, малопригодные для обычного землепользования. Возьмем Забайкалье. Там раскинулись благодатные степи, по которым много километров проедешь — и кустика не увидишь. Но есть и куда менее привлекательные места: горы и сопки, покрытые кедром, в низинах — марши и болота. На таких вот землях и начинали трудиться в

ряде военных округов более полувека назад энтузиасты первых армейских сельскохозяйственных коллективов.

В период Великой Отечественной войны в Советской Армии имелось свыше 5 тыс. подсобных хозяйств. На плановое обеспечение войск от них поступило в те годы свыше 1,5 млн. т картофеля и овощей, около 8 тыс. т мяса, большое количество другого продовольствия.

В послевоенное время, особенно с 1955 года, началось широкое развитие сельскохозяйственных предприятий Министерства обороны. Сегодня продовольственная служба тыла имеет десятки и сотни совхозов, подсобных хозяйств, молочных ферм, а при каждой воинской части — прикухонные хозяйства. Для этих целей задействованы сотни тысяч гектаров земли, содержатся многие десятки тысяч голов крупного рогатого скота, овец и свиней. Все это позволяет воинским частям вносить существенный вклад в решение продовольственной проблемы, снабжая себя полностью или в течение продолжительного времени мясом, молоком, овощами и другими сельскохозяйственными продуктами собственного производства. Можно представить себе, как это важно, особенно в условиях отдаленных гарнизонов, куда не всегда легко подвезти продовольствие из-за дорожных и климатических условий.

Подсобные хозяйства создаются при организациях и учреждениях Министерства обороны на общих основаниях, как и в гражданских условиях, а прикухонные хозяйства могут быть организованы в каждой воинской части. В зависимости от специфики и условий их размещения, эти хозяйства различны по характеру и величине. Для них обычно выделяются небольшие участки земли по согласованию с местными советскими органами.

За последние годы во многих частях созданы комплексные прикухонные хозяйства. За счет пищевых отходов от солдатского стола в них не только откармливают свиней, но и содержат коров, птицу, кроликов. Повсеместно оборудуются теплицы и парники, возделываются огороды, а кое-где имеются даже пасеки. Эти хозяйства весьма рентабельны и создаются нарастающими темпами.

В Вооруженных Силах вся эта работа особенно активизировалась после майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором была принята Продовольственная программа страны. В соответствии с требованиями Пленума в Министерстве обороны СССР был разработан план экономического и социального развития сельскохозяйственных предприятий, подсобных хозяйств воинских частей и хозрасчетных

предприятий, в котором четко определены пути дальнейшего увеличения производства сельхозпродукции и сдачи ее на плановое обеспечение войск. Основной прирост сельхозпродукции намечается осуществить за счет укрепления и совершенствования материально-технической базы хозяйств, внедрения комплексной механизации в производственные процессы, наиболее эффективного использования земель, закрепленных за Министерством обороны, и проведения мелиоративных работ, передовой технологии возделывания сельхозкультур и развития мясного и молочного животноводства.

Только за последние годы создано 6 новых военных совхозов и значительное число подсобных хозяйств. Постоянно растет техническая оснащенность совхозов. В них работают ныне 3500 тракторов, 4000 автомобилей, 900 зерноуборочных комбайнов. Внедряются в производство новейшие дождевальные установки, зерносушильная техника, оборудование для животноводческих комплексов и промышленного птицеводства. Увеличиваются поставки средств малой механизации подсобным хозяйствам воинских частей, что позволяет существенно повысить энерговооруженность, а стало быть, и производительность труда. Одновременно многое делается для улучшения социально-бытовых условий жизни рабочих и служащих. Строятся новые дома усадебного типа и различные объекты социально-культурного назначения, ведется благоустройство поселков, расширяется сеть дорог с твердым покрытием и т. п.

Сельскохозяйственные предприятия Министерства обороны тесно связаны с агропромышленным комплексом страны и широко используют его опыт и достижения. На этой основе совершенствуется организация труда, внедряются внутрихозяйственный расчет, коллективный подряд, научно обоснованные севообороты, зональные системы земледелия. Серьезное внимание уделяется интенсификации животноводства, повышению продуктивности скота и птицы.

Большинство военных сельхозпредприятий стали крупными хозяйствами, с высоким уровнем механизации и производства продукции. Особенно весомый вклад в выполнение заданий вносят коллективы совхозов Киевского и Северо-Кавказского военных округов. Например, военный совхоз «Степной» (КВО), имея 3 тыс. га пашни, ежегодно производит более 700 т мяса, 2 тыс. т молока, много другой продукции и получает в среднем свыше 1,5 млн. рублей прибыли. Высокие результаты работы имеет и совхоз «Прохладное» (СКВО).

В сельскохозяйственных предприятиях Министерства обороны осуществляется дальнейшая специализация хозяйств. В военных совхозах Дальнего Востока и Забайкалья увеличивается производство картофеля и овощей, молока и яиц с тем, чтобы удовлетворить потребности войск в этих продуктах без завоза их из центральных областей страны. Военные совхозы Урала и Сибири поставляют главным образом продукцию животноводства и увеличивают сбор фуражного зерна для обеспечения кормами других округов. Высокорентабельные хозяйства Украины и Северного Кавказа в свою очередь не только развивают животноводство, но и поставляют много раннего картофеля и овощей другим округам, перечисляют значительные денежные средства для развития их хозяйств.

Большинство военных совхозов, подсобных хозяйств, специальных молочных ферм расположены, подчеркиваю, отнюдь не в благодатных почвенно-климатических зонах. Однако все плановые задания они, как правило, выполняют успешно. В достатке снабжает молоком подводников Краснознаменного Северного флота совхоз «Североморец». Из года в год высоких показателей добиваются некоторые совхозы Среднеазиатского военного округа. Получают высокие, для своих мест, урожаи многие хозяйства Дальневосточного военного округа. Что же касается хозяйств средней полосы, то некоторые из них являются своеобразными маяками в социалистическом соревновании полеводов и животноводов.

Но вернемся к рассказу о других проблемах, разрешением которых занята продовольственная служба Тыла. Техническое ее оснащение за последние годы претерпело большие изменения. Во время войны для приготовления пищи использовались главным образом однокотельные, на конной тяге, и очажные кухни; автоприцепных кухонь войска почти не имели. Хлеб выпекали в основном в напольных хлебопечкарнях; лишь в конце войны появились полевые хлебопечкарни и хлебозаводы с конвейерными печами.

В настоящее время продслужба в войсках располагает парком полевой техники, насчитывающим свыше 50 наименований агрегатов и машин. За редким исключением, все они обладают высокой проходимостью и производительностью, надежны в эксплуатации и эффективно используются для приготовления пищи и выпечки хлеба, переработки различного сельскохозяйственного сырья, хранения и транспортировки продовольствия и воды.

Основным средством в этом арсенале по-прежнему остаются полевые кухни. Однако это уже совсем не те агрегаты,

которые мы имели раньше. Ныне они могут работать на жидком и твердом топливе и позволяют готовить одновременно первое и второе блюда, кипятить чай. Прицепная кухня КП-130 и полевая автокухня ПАК-200 — основное средство приготовления пищи в танковых и мотострелковых подразделениях.

Походные полевые кухни в большинстве частей и подразделений смонтированы в закрытых автомобилях высокой проходимости. Имеются полевые кухни-столовые, рассчитанные на разное число столующихся. Для приготовления пищи в полевых условиях может использоваться и энергия выхлопных газов от двигателей внутреннего сгорания.

Совершенствовался процесс хлебопечения. В войсках работают механизированные хлебозаводы, способные выпекать хлеб на ходу. Разработаны специальные хлебопекарные блоки для использования в авиации и на флоте. Продслужба имеет также высокопроизводительные полевые мясокомбинаты, передвижные крупорешетки, мельничные и макаронные установки, холодильные средства и авторефрижераторы, специальный транспорт для хранения и подвоза различных продуктов.

Дальнейшее перевооружение продовольственной службы осуществляется по трем основным направлениям: разработка новых технических средств, модернизация существующих, унификация однотипных и повышение их надежности и долговечности в эксплуатации.

Целеустремленно шла работа в те годы и по вопросам развития всех других служб тыла. Включились в нее и мы, относительно молодые еще организаторы и специалисты центрального аппарата: опытные работники, занимавшие высокие посты со времен войны, постепенно увольнялись по возрасту из армейских рядов в запас. Естественно, мы самым добросовестным образом учились у них и при совместной работе, и в ходе встреч и бесед с ветеранами.

Прошлый опыт заимствовался, разумеется, не вслепую. После войны прошло уже много лет, и военное дело не стояло, как известно, на месте. Поэтому, перебирая у ветеранов наиболее эффективные приемы их работы и по-хорошему завидуя их богатейшим знаниям в области тыла тех лет, мы постоянно брали «поправку» на новые условия боевой деятельности войск, которые требовали зачастую уже иных форм и способов работы и еще больших знаний в вопросах организации и управления тылом.

Для более глубокого изучения системы снабжения и военных заказов, а также принципов планирования и управле-

ния народным хозяйством некоторые генералы и офицеры, в том числе и я, поступили на специальные высшие годичные курсы. Полученные знания помогали масштабнее оценивать пути и способы решения многих проблем тыла с учетом реальных экономических возможностей страны. Особую ценность имело знакомство с новыми способами автоматизации управления народным хозяйством и методами экономического анализа в различных его областях. Являясь хорошим подспорьем в практической работе, эти знаниягодились мне и при подготовке к защите докторской диссертации.

Творческого подхода к решению сложных современных задач требовал сам, во многом необычный, их характер. Причем новое не всегда пробивало себе дорогу легко и быстро, и трудности возникали не только объективного порядка. Иногда приходилось ощущать закоренелую инертность отдельных специалистов тыла, продолжавших работать по старинке, не успевавших следить за всеми изменениями в науке, технике, экономике. Утвердить новое, поддержать людей инициативных, ищущих помогали партийная организация штаба тыла, его коллектив.

Возрос многократно и весь объем работ, выполняемых тылом. Это прежде всего потребовало усиления мощностей и совершенствования транспортных служб, стандартизации материальных средств, внедрения унифицированных документов в планирование и повышения уровня управления тылом в целом.

Чтобы понять, насколько сложен процесс организации тылового обеспечения в оперативном масштабе в современных условиях, прибегнем к такому сравнению. Представим себе крупный современный город с миллионным населением. Ежедневно все его жители потребляют огромное количество продовольствия и других материальных средств, пользуются самыми различными услугами (при очень большом общем расходе электроэнергии, топлива, воды и пр.) и средствами транспорта (причем перемещение основных людских масс в пределах города идет определенными потоками и в установленные часы пик). Нужды горожан удовлетворяют ежечасно сотни столовых, кафе и ателье, ремонтных мастерских и магазинов, десятки хлебопекарен, больниц, поликлиник, парикмахерских и прачечных, множество других бытовых учреждений, которыми руководят солидные коммунальные, транспортные, торговые и другие управления. И наконец, все обслуживание осуществляется в точках, по-

стоянных по своим адресам, и по единожды заведенному распорядку.

Теперь представим себе тот же миллион человек, одетых в военную форму и находящихся в полосе боевых действий, на территории, измеряемой сотнями километров в глубину и по фронту. Все они перемещаются с места на место, ведя боевые действия, и помимо обычных человеческих потребностей в еде, питье, одежде и прочем требуют восполнения постоянных потерь в людях, технике, оружии, в расходе боеприпасов, горючего, другого военного имущества.

Все эти многочисленные потребности миллионной армии должен удовлетворять тыл этого фронта, и так, чтобы грузы в сотни тысяч тонн своевременно подвозились из глубины, распределялись по направлениям и районам боевых действий и доставлялись ежедневно, ежечасно, ежеминутно до каждого воина и каждой единицы вооружения в отдельности. Также круглосуточно и столь же масштабно должна оказываться войскам медицинская, техническая и другая помощь, необходимая для успешных действий на поле боя. И все это — в условиях, когда противник в состоянии вывести из строя крупные магистральные узлы, нарушить коммуникации и маршруты подвоза, уничтожить склады или привести в негодность запасы.

Так схематично выглядят функции и деятельность тыла в период войны. Кстати, их моделирование в мирное время представляет собой очень трудную, но исключительно важную работу, без которой нельзя успешно развивать и материально-техническую базу тыла. Ее значительно усложняет и то обстоятельство, что современная война при использовании новых видов оружия будет вестись как бы на два фронта. Пока на переднем крае будут происходить ожесточенные сражения между группировками противоборствующих сторон, в тылу воюющих государств будет вестись не менее напряженная борьба на подавление их экономики, еще более затрудняя задачи тылового обеспечения войск.

Даже из этих умозрительных построений видно, как много новых сложных проблем возникает ныне в работе организаторов тыла высшего звена. И здесь нельзя не сказать о том, что в решение очень многих из них в тот период, о котором идет речь, большой личный вклад внес маршал И. Х. Баграмян. Возглавив Тыл Вооруженных Сил, он уже одним своим авторитетом значительно поднял его роль и помог сдвинуть с места многие важные и актуальные задачи. Будучи умным и дальновидным человеком, на редкость эрудированным военным деятелем, прекрасно знающим все

нужды и потребности войск, Иван Христофорович не чурался черновой работы и многие аспекты проблем разрабатывал сам. Не часто встречаются руководители подобного масштаба с такими рабочими руками.

В творческой постановке ряда важных проблем немало также сделали начальники Военной академии тыла и транспорта генерал-полковник М. П. Миловский, возглавлявший в годы войны штаб Тыла Советской Армии, и генерал-полковник К. Н. Абрамов, командовавший на фронте танковыми частями и руководивший тылом одного из военных округов в послевоенное время. К. Н. Абрамов во многом преобразовал и учебную и научную работу в стенах академии опять-таки под углом «технизации» тыла.

Очень энергично направлял в те годы все службы на качественную разработку новой структуры тыла и его проблем начальник штаба, а затем первый заместитель начальника Тыла Вооруженных Сил генерал-полковник Ф. М. Малыхин. Под его руководством был разработан ряд трудов оперативно-тылового характера, обобщающих взгляды на роль и задачи тыла в послевоенный период. Сменивший Малыхина генерал-лейтенант М. С. Новиков очень умело использовал инициативу и опыт подчиненных для оперативного решения возникающих задач, в том числе совершенно новых по своему характеру. При нем коллектив штаба трудился с большой самоотдачей, как хорошо отлаженный механизм. Среди офицеров высокой квалификацией и рабочей хваткой выделялись С. Н. Перетерский, А. С. Музыченко, В. А. Сковорода, А. А. Ермолаев, И. М. Жерносек, Н. М. Сафронов, Б. М. Алешинский и другие товарищи.

К тому времени набрали полную силу и штабы тыла округов. Благодаря инициативе и напористости их начальников — М. И. Пономарева, А. Д. Ткачева, Н. С. Грачева, А. П. Гащука, А. И. Савченко, Е. Н. Подкопаева, Г. Т. Тарасова, М. К. Коваля и других эти органы начали более планомерно направлять боевую и специальную подготовку тыловых частей, осуществлять контроль и оказывать помощь в решении многих задач по бесперебойному обеспечению войск, устройству их жизни и быта. Штабы тыла оживили и научно-теоретическую деятельность в войсках.

Результаты большой работы, проделанной в 60-е годы по развитию и совершенствованию всех служб Тыла Вооруженных Сил, прошли очень серьезную проверку в ходе крупного учения «Неман», состоявшегося летом 1968 года на

территории западных областей страны. В нем приняли участие войска ряда военных округов с их органами тыла. На том учении отрабатывались многие важные вопросы, включая организацию всестороннего тылового обеспечения войск, ведущих боевые действия в условиях применения противником ракетно-ядерного оружия. Свыше двух недель на огромных пространствах, где развернулись сражения, проходила суровую проверку на целесообразность их использования, живучесть и мобильность части и учреждения тыла, практически испытывались, на что они способны, воины самых различных специальностей и вверенная им техника. По продолжительности и размаху действий, масштабу и важности отрабатываемых задач это было крупнейшее тыловое учение за всю историю Советской Армии. Характерная его особенность заключалась в том, что на него был призван большой контингент резервистов из запаса и привлечено значительное количество автомобильной техники из народного хозяйства страны. Руководил учением вновь назначенный заместитель Министра обороны — начальник Тыла Вооруженных Сил генерал армии С. С. Маряхин.

Не вдаваясь в оперативный замысел и действия сторон, я расскажу на фоне общей картины многодневных боев лишь об эпизодах, наиболее памятных и характерных, а также о выводах, сделанных руководством тыла из опыта этого учения.

...Бои шли в очень сложной и напряженной обстановке. Нанося массированные «ракетно-ядерные» удары по нашим боевым порядкам, аэродромам, узлам коммуникаций и объектам тыла, «противник» стремился задержать продвижение наступающих, причинить максимальный урон, погасить боевую активность. Несмотря на принятые меры по защите войск от оружия массового поражения, тыловые части и учреждения понесли серьезные «потери». Запасы материальных средств в войсках резко сократились. Эвакуировать тысячи «раненых», восстановить сотни единиц «поврежденной» техники в ограниченные сроки — задача весьма трудная. Однако форсированное перемещение вперед подвижных запасов материальных средств, ремонтно-эвакуационных и медицинских частей, их максимально четкая деятельность позволили нашим войскам сорвать замысел «противника», быстро ликвидировать последствия «ядерных» ударов и нанести поражение противостоящей группировке войск. Фронт боевых действий покатился на запад...

По ходу учения мне приходилось бывать на многих его участках, наблюдать за работой практически всех специа-

листов тыла, в том числе и призванных из запаса. Большинство их сразу же уверенно встало в строй и действовало с большим усердием, почти не уступая кадровым воинам в способности стойко переносить все тяготы походной жизни.

Войска все время находились в движении. И органы тыла жили одним стремлением — только бы не оторваться от своих наступающих частей, успеть снабдить их всем необходимым для боя. Ответственные обязанности выполняли в этих условиях воины дорожно-комендантской службы. Их называли «направляющими». Действительно, в своих стальных шлемах и темно-синих комбинезонах, они вырастали на перекрестках и развилках дорог, у железнодорожных переездов и переправ стражами четкого и разумного порядка, установленного свыше во всех районах боевых действий. Их дисциплинированность и бдительность, твердое знание сложной дорожной обстановки помогали командирам и начальникам уверенно перемещать войска и тыловые хозяйства в указанных направлениях.

Работая на одном из участков ВАД, я невольно залюбовался действиями диспетчерского пункта, контролировавшего сложный участок военно-автомобильной дороги. Руководил им старший лейтенант И. Лавлинский, призванный на период учения из запаса. Однако в его жестах, командах, докладах и теперь легко угадывались повадки бывшего кадрового офицера.

— Где теперь трудитесь? Я имею в виду — в народном хозяйстве? — спросил я, когда выпала свободная минутка у меня и образовалась небольшая пауза в действиях диспетчеров.

— Мастером-механиком в передвижной механизированной колонне, — охотно ответил Лавлинский. — Специальность почти та же, что была и в армии, только погоны снял, — улыбнулся он. — Так что армейскую квалификацию не теряем. И техника у нас сейчас новейшая — мощная, производительная. Если призовут опять в кадры — переучиваться недолго. Тракторы, автомобили, бульдозеры, краны — почти однотипные с военными.

— А хотелось бы опять в кадры? — осторожно спросил я.

— Нет, — покачал он головой. — Я и в гражданке на своем месте. Другое дело, если опять начнется... Тогда уж, конечно, я готов — в тот же час. Потому вот и учимся, — кивнул он на двух своих подчиненных — воинов запаса, прислушивавшихся к нашему разговору.

В эту минуту офицера позвали к радию. Поспешил и я

к своей машине, слыша за спиной четкий доклад Лавлинского:

— Так точно! Колонна проследовала в восемнадцать тридцать. Отставших и задержанных машин нет. Голова следующей колонны — в двухстах метрах от пункта Н.

«Да, такой быстро подучится, — с удовлетворением подумал я. — Но лучше, если б необходимости в этом не возникло никогда!..»

Важные обязанности специалисты дорожно-комендантской службы выполняли и на железнодорожных переездах. Регулировщики здесь были особенно бдительны и внимательны. На каждом переезде метрах в двадцати от шлагбаума стоял мощный тягач, за его рычагами — механик-водитель, готовый в любую минуту оказать помощь застрявшей на путях машине. И такие случаи бывали. А вот пробок на переездах не было ни одной.

Воины дорожных частей не только регулировали движение, но ремонтировали и строили мосты, поддерживали в проезжем состоянии или прокладывали заново автомобильные маршруты. Много пришлось потрудиться инженерно-дорожной роте капитана В. Парфенюка. На ее участке рокада, проходившая по низине, после проливных дождей стала совсем непроезжей. Было принято решение: поднять полотно дороги, подсыпая и трамбуя грунт. Особенно старательно потрудились бульдозеристы сержант И. Якин и младший сержант В. Свиридов. Оба не выпускали из онемевших рук рычагов управления до тех пор, пока не завершили весь объем земляных работ. На другом участке тем временем работали мостовики: путь преградила небольшая речушка, вышедшая после дождей из берегов. Пришлось полностью перебрать полузатопленный мост, сменить настил, оборудовать надежные въезды с берегов. И здесь работу завершили ранее установленного срока.

Разумеется, подобные задачи по плечу лишь воинам, вооруженным мощной и многопрофильной техникой. Именно такими машинами и механизмами оснащены наши дорожные части. Бульдозеры, автогрейдеры, экскаваторы, скреперы, погрузчики, другая техника позволяют быстро и надежно производить самые трудоемкие работы, связанные со строительством, восстановлением и содержанием военно-автомобильных дорог в любых условиях погоды и боевой обстановки. Очевидцами этого мы многократно были и на том учении.

Как и всегда, потрудились на совесть воины-автомобилисты. На своих машинах, тяжело груженных различным

военным имуществом, они прошли сотни километров тяжелых фронтовых дорог. Именно фронтовых, иначе их и не назовешь. Марши автотранспортных подразделений зачастую проходили ночью, по незнакомым, разбитым тяжелой техникой проселкам. Однако, как ни трудно было водителям, все задания выполнялись, и перебоев в подвозе имущества не было. Особенно отличились в ходе учения подчиненные офицеров Н. Коршакова, В. Пяткова, И. Харламова. Ни в чем не уступали им и резервисты из подразделения, которым командовал офицер запаса, кандидат технических наук, преподаватель сельскохозяйственного вуза М. Левин.

Представитель самой мирной на земле профессии, он за короткое время сумел сплотить и морально подготовить к трудным испытаниям группу водителей, призванных из запаса. Едва прибыв в часть, Левин сразу «вошел в роль» командира автороты и на высоком методическом уровне провел с подчиненными цикл занятий по автомобильной подготовке. Богатый опыт работ с людьми, разнообразные технические знания оченьгодились ему и в период длительного марша. Командование высоко оценило действия старшего лейтенанта запаса и всех его подчиненных, завершивших самый трудный этап учения с оценкой «отлично».

Кстати, в те дни мы опробовали в опытном порядке некоторые новые способы комплектации грузов и способы их доставки. Позже эти работы небезуспешно были продолжены. Ныне весь процесс погрузочно-разгрузочных работ, например, существенно сокращается и облегчается за счет комплексной их механизации. Пакетизация, контейнеризация и комплектация доставляемого в войска имущества в три-четыре раза повышают производительность всех грузовых операций. Широко применяется и такая форма ускорения доставки грузов, как замена однотипных прицепов.

Однако вернемся на дороги тылового учения. Воины-автомобилисты постоянно проявляли в рейсах подлинное войсковое товарищество и взаимовыручку. Я сам был тому свидетелем не раз. Когда в машине водителя М. Гаврилова произошла на марше серьезная поломка, тотчас ему пришел на помощь старшина-сверхсрочник А. Железняков. Вместе они быстро устранили повреждение и тронулись в путь. На слова благодарности, высказанные Гавриловым, старшина ответил так:

— А как же иначе? У нас это — закон!

А я в ту минуту вспомнил вдруг статью-репортаж с учения, опубликованную накануне в «Красной звезде». В пей

говорилося о том, что в Советской Армии кадровые военнослужащие и находящиеся в запасе образуют вместе как бы тугой узел, который никто не в силах разрубить. И вполне оценил меткость этого сравнения.

Очень сноровисто, перекрывая установленные нормы, действовали на учении воины-трубопроводчики, прокладывая через леса и болота, овраги и ручьи стальную артерию, по которой вскоре пошло в войска топливо. Генерал В. В. Никитин, руководитель специалистов службы горючего, познакомил меня с картой местности, по которой уже был проложен трубопровод. Сложный ее рельеф изобилдовал естественными препятствиями. Карта, как и вычерченная на кальке схема-профиль трубопровода, свидетельствовала о большом объеме и трудности выполненной работы.

— В самые напряженные дни воины отдыхали всего по три-четыре часа в сутки, — доложил командир трубопроводного подразделения капитан Т. Поздняков. — Но никто не роптал. Ну а впереди, как всегда, были коммунисты и комсомольцы.

Самоотверженно действовали специалисты службы ГСМ и на складах горючего: быстро разворачивали свои объекты, тщательно маскировали их, умело оборудовали укрытия для личного состава, резервуаров и технических средств. Пролетая на вертолете над районами размещения складов, мы с трудом, да и то ориентировочно, могли отыскать эти места — дисциплина маскировки соблюдалась неукоснительно и горючее выдавалось войскам только в темное время суток.

Поскольку автотранспорт, занятый подвозом, работал с большой нагрузкой, то в ряде экстренных случаев подачу горючего и снарядов осуществляла авиация. В районе одной танковой части, например, действовавшей в отрыве от главных сил, дизельное топливо в бочках и ящики с боеприпасами были сброшены с транспортных самолетов на специально подготовленные площадки. Надо сказать, что авиаторы подполковника В. Киселева произвели сброс с величайшей точностью, несмотря на сильный ветер. На земле весь груз был собран и быстро доставлен в подразделения. Место сбрасывания и район заправки танков прикрывали с воздуха истребители. Дозаправив топливом баки и пополнив боезапас, танкисты продолжали преследование «противника».

Колеся по району учения, мы часто встречали указатели с изображением красного креста. Обозначая места и направления сбора и эвакуации «раненых», они также свидетельствовали о близком расположении медицинского пункта полка, медико-санитарного батальона или полевого госпита-

ля. Пришлось наблюдать и картину разворачивания последнего, причем прямо с марша. Работой персонала руководил начальник госпиталя подполковник медслужбы А. Залевский. В считанные минуты колонна специальных машин свернула с дороги в лес и остановилась на обширной поляне в установленном порядке. Водители, санитары, медицинские сестры, врачи начали сноровисто выгружать имущество, устанавливали брезентовые палатки и оборудовали их по назначению.

Наблюдая за действиями личного состава, можно было даже издали определить, что одни здесь — люди постарше, уже опытные и держатся уверенно, другие — моложе и поэтому несколько суетливы от волнения. Однако все работало проворно. Мне потом назвали некоторых. Запомнились начальник отделения подполковник медслужбы С. Шумова, медсестры К. Зенина и Л. Дурнева — ветераны госпиталя, участники Великой Отечественной войны. И на этом учении они трудились, как в реальной боевой обстановке. А вот медсестры Надя Адамович — секретарь комсомольской организации госпиталя — и Рая Бараболина — студентка мединститута — пришли в госпиталь недавно, но и они старались не отставать от других. Такое сочетание — бывалых медиков и молодых, кадровых и из запаса, — ничуть не отражалось на качестве и темпах работы, создавало хороший настрой для соревнования. Через полчаса Залевский уже докладывал о готовности основных функциональных подразделений полевого госпиталя к приему «раненых». Первый заместитель начальника Тыла генерал-полковник Ф. М. Малыхин, по чьей вводной действовали медики, осмотрев госпитальные отделения, остался доволен и объявил всему личному составу благодарность.

Сейчас военно-медицинская служба достаточно хорошо оснащена в техническом отношении. Она обеспечена новыми средствами розыска и обнаружения, сбора и эвакуации раненых, имеет специальные гусеничные транспортеры, санитарные автомобили и автобусы, самолеты и вертолеты. В распоряжении медиков современные лаборатории, стерильно-дистилляционные и дезинфекционно-душевые установки, средства для хранения и транспортировки медицинских препаратов, специальные системы для переливания крови в полевых условиях, приборы и аппараты лечебно-диагностического назначения и другая новейшая техника.

Более совершенным стало оснащение и стационарных медицинских пунктов, лазаретов. Они располагают новыми средствами обследования, диагностики, профилактики и ле-

чения, оказания неотложной помощи военнослужащим. Все это сложное оборудование значительно повышает эффективность медицинского обеспечения войск. Достижения в этой области являются результатом большой работы крупных ученых и организаторов военно-медицинской службы А. А. Вишневого, Ф. И. Комарова, И. А. Юрова, И. Г. Иванова и других.

Большую практику получили на этом учении и другие «лекари» — специалисты ремонтных подразделений. Обстановка складывалась таким образом, что устранять все мелкие поломки приходилось буквально на ходу — на малых и больших остановках, привалах. Справлялись за счет хорошей квалификации, старания, ну и, конечно, сна и отдыха.

С группой офицеров мне пришлось побывать на подвижном танкоремонтном предприятии, которым руководил офицер М. Клинаев. Здесь имелось все, в том числе и самое сложное оборудование, для восстановления бронетанковой техники в поле. Мощные краны, станки различного назначения, точнейшие измерительные и другие приборы позволяли быстро изготавливать любые детали вместо изношенных или поломанных. Для развертывания такого завода на колесах потребовалось совсем немного времени. Его коллектив на учении также пополнился воинами запаса — представителями широкого круга профессий. И работа кипела вовсю!

И в этой обстановке, в предельном напряжении полевых будней, командиры и политработники не забывали о моральной закалке личного состава. В подразделениях регулярно проводились политзанятия и информации, беседы и Ленинские чтения, работали местные радиоузлы и клубы, выпускались фотогазеты и боевые листки. В партийно-политической работе активно участвовали и пропагандисты из числа офицеров запаса. С ними заранее провели семинары и инструктажи о роли тыла в современной, в том числе ракетно-ядерной, войне, о формах и методах политико-воспитательной работы в тыловых частях и подразделениях и путях формирования необходимых морально-психологических качеств у воинов, а также познакомили с техническими средствами, используемыми ныне в агитационно-пропагандистской работе в армии. И эти товарищи внесли немалый вклад в такую работу, нацеливая солдат тыла на образцовое выполнение всех приказов командиров и начальников и соблюдение строжайшей воинской дисциплины.

Все специалисты тыла трудились в те дни с полным напряжением сил. Действуя в необычной, подчас очень трудной обстановке, они многому научились и через многое про-

шли впервые в своей военной службе. В этом отношении крупные тактико-тыловые учения являются не только незаменимой школой ратного мастерства, но и своеобразным полигоном, где мужают воля и характер солдат тыла, воспитываются основные морально-боевые качества воинов.

Учение «Неман» во многом обогатило и нас, организаторов тыла. Причем не только новым опытом, но и ценным материалом, позволяющим проанализировать положение дел в различных службах, наметить первоочередные задачи дальнейшей работы. Ведь учение явилось своеобразным смотром реальных возможностей, которыми располагал тыл тех лет. Это хорошо понимали и мы, его руководители, и каждый младший и рядовой специалист. И в целом части, учреждения и службы тыла с возложенными на них функциями справились успешно: значительные группировки войск, в течение полумесяца действовавшие с обеих сторон, своевременно снабжались всем необходимым для нормальной учебно-боевой деятельности.

Таким образом, учение продемонстрировало соответствие организационной структуры, технической оснащенности и выучки личного состава органов тыла новым условиям, присущим операциям современной войны. На нем были изучены и практически решены многие важные вопросы, возникшие в те годы в связи с изменениями в характере и способах ведения военных действий. Словом, тыл выдержал проверку по всем статьям, наглядно продемонстрировав успехи своего роста в послевоенный период.

Важно отметить также, что возможности тылового обеспечения войск на учении «Неман» были серьезно увеличены за счет привлечения в тыловые части и учреждения призывников из запаса и техники из гражданских хозяйств. Причем процесс их вхождения в строй прошел организованно и в короткие сроки, за что мы были искренне благодарны местным партийным, советским и хозяйственным органам, военкоматам. И этот фактор в боеспособности тыла мы могли отныне учитывать с достаточной определенностью...

Вместе с тем в ходе учения органов тыла вскрывались (и это вполне естественно для такого крупного и сложного механизма) отдельные недоработки и отстающие участки. Назову основные из них.

При движении и размещении тыловых частей и объектов их местонахождение фиксировалось в соответствующих штабах по координатам, сообщаемым с мест по средствам связи. Сначала все выглядело вполне достоверно. Сверяясь с графиками движения, операторы помечали установленными

значками, где в данный момент должны находиться ремонтная мастерская или механизированный хлебозавод, склад ГСМ или пункт специальной обработки имущества. Однако скоро эта четкая диспозиция стала нарушаться. Сообщения с мест начали поступать нерегулярно. Потом выяснилось, что некоторые тыловые подразделения почему-то оказались не на своих местах, другие же просто потерялись... Стало ясно, что «хромает» управление. Требовалось быстрее выправить его. Но как? Ведь все подразделения находились в движении. Попробуй отыскать потерявшиеся и уточнить задачи заблудившимся, не имея устойчивой связи с ними.

Подобные затруднения возникали и на фронте. Для восстановления управления с отдельными элементами тылового хозяйства высылались офицеры штаба на подвижных средствах, направлялись связные. Установилась и практика «приписки» мелких подразделений к частям, имеющим свои средства связи. Те давали им «провод» или помогали выйти в эфир. Устанавливались соответствующие режимы связи, порядок и сроки представления донесений.

По такому же принципу пытались организовать управление мелкими тыловыми подразделениями и на этом учении. Не учли лишь двух серьезных обстоятельств, а именно: что руководство специально будет усложнять обстановку с целью проверки устойчивости управления тылом и что сам характер современного высокодинамичного боя исключает возможность для мелких единиц обеспечивать себя связью за счет соседних частей. Тонкая нить, по которой они намеревались получать в ходе боя всю необходимую им информацию, быстро оборвалась...

Вывод напрашивался один: в интересах более гибкого тылового обеспечения войск в ходе боя и тесного взаимодействия при этом различных служб необходимо совершенствовать систему радиосвязи во всех звеньях тыла. Без этого управлять в движении мелкими подразделениями крайне затруднительно.

...После того как часть войск форсировала водный рубеж и развернула сражение на противоположном берегу, вскрылись отдельные изъяны в их снабжении. Оказалось, что некоторые службы пополняли запасы частей по их заявкам с перечнем всех потребных номенклатур материальных средств, то есть так, как это делалось в войну. Но тогда и объемы и номенклатуры запасов были относительно невелики. Теперь же первые возросли, считай, в десять раз, а номенклатуры и того больше — в десятки раз!

В результате некоторые части, находившиеся за рекой,

в течение нескольких суток недополучали имущества по ряду номенклатур, которые особенно трудно заранее учесть при расходе и подвозе. Это говорило о том, что такая система заявок себя уже не оправдывает. Опыт учения подтвердил перспективность организации снабжения не по заявкам, а по планам штабов и служб в соответствии с нормами суточной потребности войск (на одного солдата, подразделение, часть) и одновременно по всем установленным для данной части номенклатурам и видам материальных средств.

Правда, в связи с «потерями», которые несли войска, доставляемые сверху заранее скомплектованные запасы оказывались в ряде случаев завышенными по сравнению с истинными потребностями частей. Но с этим приходилось мириться. Зато подобная система гарантировала бесперебойное и всестороннее обеспечение войск. Значительно ускорялся и сам процесс учета и снабжения. И наконец, появлялась возможность во многом автоматизировать его в штабах и службах тыла, что также весьма ценно.

При перемещении тыловых хозяйств через водный рубеж возникли трудности иного порядка. Передовые танковые подразделения офицера М. Зайцева «перемахнули» через реку вплавь и по дну. От них не отстали и мотострелки. А вот средства войскового тыла застряли в ожидании, пока будет наведен наплавной мост, темпы сборки которого заметно отставали от темпов современного боя. Сократить этот разрыв позволит лишь более полная механизация таких работ и повышение маневренности подвижных переправочных средств.

Было над чем поразмыслить специалистам тыла и при организации переработки огромных запасов материальных средств, чего я вскользь уже касался. Лишь к середине учения наладили комплектацию и перегрузку основной массы военного имущества с помощью различных механизмов, приспособляемых к работе в полевых условиях. Были также опробованы типовые контейнеры и пакеты для транспортировки различных видов материальных средств. Полностью проблемы тогда не решили, но пути к этому обозначились рельефно...

Учение шло круглыми сутками. Постепенно выявилось, что многие младшие специалисты тыла, особенно резервисты, слабо обучены и натренированы для работы в ночных условиях. Плохая видимость (в результате — потеря ориентировки и блуждание на местности), отсутствие привычной локтевой связи (а стало быть, нарушение взаимодействия и выручки) заметно снижали производительность работ. Ста-

ло ясно, что надо больше заниматься с войсками тыловых частей ночной подготовкой: в современном бою перерывов на ночь не будет ни на передовой, ни в тылу.

Вскрывались и некоторые другие слабые места в работе тыла. Естественно, таковым на каждом учении уделяют особое внимание и командиры, и штабные работники, и специалисты тыла. Помнится, на одном из учений генерал армии В. Г. Куликов, командовавший войсками Киевского военного округа, специально посвятил многие часы изучению технических возможностей служб тыла. Он следил за ними на отдельных участках марша, присутствовал при развертывании, вникал в особенности работы в поле, беседовал со многими специалистами тыла.

Следует признать, что такой метод позволяет быстрее выявлять серьезные недостатки в отдельных видах тылового обеспечения. Так было и на этот раз. Специалист службы боепитания младший сержант О. Прохоров заявил в беседе с В. Г. Куликовым, что боеприпасы можно доставлять на огневые позиции еще быстрее, если ускорить операции по их приведению в боевое положение и выкладке на грунт. В свою очередь младший специалист тыла сержант Н. Громов подсказал, как улучшить обслуживание самолетов, базирующихся на временных аэродромах, и содержание грунтовых взлетно-посадочных полос. По всем предложениям специалистов были приняты тогда же действенные меры.

Много внимания уделил службам тыла на учении «Неман» и бывший в ту пору первым заместителем начальника Генерального штаба генерал армии Н. В. Огарков. Изучая материально-технические возможности тыловых частей, учреждений и особенности их работы в условиях современного боя, он настойчиво искал пути к повышению их мобильности и маневренности. Совершенствованию работы органов тыла во многом способствовало умелое руководство войсками на учении «Неман», осуществляемое опытными военачальниками генералами Е. Ф. Ивановским, И. М. Третьяком и другими. Их рекомендации и советы очень помогли нам и в теоретических разработках. Точно так, в тесном контакте с командирами и штабами, всегда решают свои насущные задачи и работники войскового тыла.

...Учение «Неман» не только дало богатейший материал для обобщений, выводов и практических решений, но и явилось действенным стимулом для активизации всей дальнейшей работы. Руководство ею, после безвременной кончины генерала С. С. Маряхина, было возложено на нового начальника Тыла Вооруженных Сил — бывшего главкома ГСВГ и

в ту пору генерала армии С. К. Куркоткина. С его приходом поле нашей деятельности, и без того достаточно обширное, еще более расширилось. В частности, умножились и получили дальнейшее развитие деловые контакты с органами тыла армий стран социалистического содружества.

Осуществлялись они через Штаб Объединенных вооруженных сил стран Варшавского Договора. По роду занятий мне приходилось довольно часто иметь дело с начальниками этого штаба, возглавляемого в разное время генералами армии П. А. Батовым, М. И. Казаковым и С. М. Штеменко. Каждая встреча и беседа с этими известными военачальниками являлась школой высочайшей штабной квалификации, требующей сочетать широту подхода к любой актуальной проблеме с максимальной конкретизацией способов ее решения. Например, приходилось очень тонко учитывать не только различия в военно-экономических возможностях стран Варшавского Договора, но и некоторые традиционные стороны организации жизни, быта и боевой подготовки войск, а также чисто национальные их черты и особенности. И надо сказать, что такой подход, основанный на понимании и учете своеобразия в строительстве каждой армии, воспринимался товарищами по оружию с большой признательностью. Это еще более укрепляло боевой наш союз, спаянный общностью идеологии и единством политических и военных целей.

Прочность этого союза мне многократно приходилось ощущать во время командировок в страны Варшавского Договора. В ходе каждой поездки крепили связи между штабами и службами тыла Объединенных вооруженных сил и множился круг генералов и офицеров, с которыми тебя сближали не просто деловые, а самые дружеские отношения.

Нередко в ходе совместных учений или скрупулезной отработки документов наступал момент, когда мы даже переставали замечать языковые и иные барьеры между личным составом национальных штабов, служб и тыловых подразделений — настолько всех объединяло решение единой задачи, доверие и уважение друг к другу, готовность взять на себя максимум усилий для обеспечения общего успеха. И подобная атмосфера возникала не только в штабах, а повсюду: на переправах, где рука об руку трудились понтонеры; на дорогах, по которым безостановочно двигались транспорты с военными грузами; в районах, где совместными усилиями разворачивались хранилища, ремонтные мастерские и медицинские учреждения.

Вспоминается одно из таких совместных учений.

Заканчивалась погрузка войск и техники в железнодорожный эшелон. Транспортники Войска Польского сделали все, чтобы каждый танк, бронетранспортер, машина с имуществом и различным оборудованием были погружены на платформы в минимальные сроки. Приятно было видеть при этом, что польские жолнежи отлично освоили опыт советских коллег, используя наши прогрессивные приемы и свои уже опробованные методы погрузки техники с помощью новых средств механизации.

И вот уже в палатке посредника, расположенной на берегу реки, звонит телефон. Военный комендант польской железнодорожной станции доложил, что погрузка завершена и воинский эшелон можно отправлять: в районе боевых действий за рекой уже ждут пополнения людьми и вооружением. Однако представитель штаба тыла Войска Польского разрешения на отправку не дал: пока не готов еще мост через реку, разрушенный ночью «противником». Тут же вышел на связь командир чехословацкого мостостроительного подразделения. Он сообщил, что переправа, уже восстановленная к утру, только что вновь «выведена» из строя: «разбиты» два средних пролета железнодорожного моста; восстановить их удастся лишь через два-три часа...

Как быть с готовым эшелоном? Держать на станции? «Противник» может обнаружить его и нанести удар с воздуха. Двинуть к переправе? Но к его прибытию мост еще могут не восстановить. Однако в этом случае все равно будет выигрыш во времени — решил посредник. Именно так пришлось бы поступить в реальной боевой операции. Итак, вперед, выгадывая время и высвобождая станционные пути под следующий состав.

На последнем этапе, перед самым мостом, эшелон задержали. Начальник эшелона, оценив обстановку, решил поискать другие пути для доставки срочных грузов через реку. Высланная разведка обнаружила исправную автомобильную переправу. Возникла идея: выгрузить часть военной техники, сформировать колонну и направить ее своим ходом в район боев. И хотя осуществить ее не успели — чехословацкие железнодорожники восстановили мост раньше срока, — инициативу начальника эшелона с похвалой отметили на разборе. Помощь войскам, развернувшим боевые действия за рекой, подоспела в самый раз.

На другом участке наступление также едва не застопорилось из-за несвоевременного подвоза запасов горючего. В этот момент оперативно и умело действовали болгарские и румынские трубопроводные подразделения. Многим воинам

пришлось работать по грудь в холодной воде, пока подготовили подходы к реке и оборудовали трассу. Однако все труды и тяготы окупились сполна, когда топливо по стальной нитке устремилось на полевые пункты заправки техники. И боевые действия возобновились с новым ожесточением.

Дружно работали на этих учениях и специалисты тыла армий СССР и ГДР, в том числе военные медики. К общему пункту распределения «раненых» одна за другой подходили наши и немецкие санитарные машины. Через несколько минут «раненые» уже направлялись в различные отделения госпиталя, развернутого в полевых палатках. Теперь, когда солдаты остались в нательном белье, вообще стало невозможно распознать «кто из них кто». Впрочем, это не мешало русской медсестре Тане оказывать в одной из палаток первую помощь штабс-ефрейтору Гансу, а немецкой фельдшерице Матильде перевязывать рядом русского солдата Ваню.

После боя нашлось время и для совместного отдыха. Воины братских армий собрались под вечер на обширной лесной поляне. Дружеские приветствия и возгласы, веселые шутки и общий смех. И вот уже зазвенели на разных языках мелодии песен, славящих мирный труд на обновленной земле и нерушимую дружбу наших народов. И невольно тогда подумалось: «Как хорошо, что боевой союз наших армий постоянно укрепляется! Что на могилах советских солдат, отдавших жизни за свободу и счастье других народов, всегда живые цветы! Значит, подвиг воина-интернационалиста не забыт. Он свято хранится в сердцах и памяти миллионов людей, строящих новую жизнь. Отсветом этого подвига озарены и наши сегодняшние, подлинно братские взаимоотношения...»

Накануне и в ходе совместных учений проходили встречи и с руководящим составом тыла армий стран Варшавского Договора. Шли оживленные беседы о достигнутых успехах, очередных задачах и наиболее рациональных путях их решения. Тогда же договорились провести специальное совещание в Москве в интересах улучшения взаимодействия тылов. Вскоре оно состоялось под руководством Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами Маршала Советского Союза И. И. Якубовского. В нем приняли участие начальники тыла дружественных армий и ответственные офицеры их штабов. Был принят ряд важных решений о более тесной увязке вопросов транспортного, технического, медицинского и других видов обеспечения войск, повышения живучести тыла и устойчивости систем управления им.

Этим, кстати, было положено начало последующим совещаниям и симпозиумам по отдельным службам тыла. Проводились они достаточно регулярно, готовились очень тщательно, носили не столько теоретический, сколько практический характер (с показом войскового хозяйства, демонстрацией техники тыла) и во многом способствовали росту эффективности совместной работы специалистов тыла союзных армий.

Выше речь шла в основном об аспектах технического перевооружения и подготовки тыла, а также проблемах организационного порядка. Не следует, однако, думать, что, ограничившись исключительно этими сложными задачами, мы оставили без внимания другие участки тылового обеспечения. Отнюдь нет. В поле зрения руководства тылом постоянно находились все большие и малые вопросы, от которых зависит нормальная жизнедеятельность и высокая боеспособность Вооруженных Сил СССР. Среди них, безусловно, особое место занимают вопросы постоянного улучшения быта войск. На них, видимо, следует остановиться подробнее: в деятельности органов тыла, особенно войсковых, им уделяется добрая половина всего внимания, времени и сил.

Что же такое воинский быт?

Это — повседневная жизнь советских воинов армии и флота, с их потребностями в питании, одежде, жилище, предметах общей и личной гигиены и санитарии и с заботой об их здоровье, отдыхе, досуге, духовных запросах. Воинский быт включает целый ряд факторов, воздействие которых ощущается не только на внешнем облике, но и на морально-психологическом состоянии воинов. Вот почему можно с полной уверенностью сказать, что всестороннее удовлетворение материально-бытовых нужд военнослужащих является важной предпосылкой неуклонного повышения боеготовности частей и кораблей.

Для эффективной организации быта в армии и на флоте имеется хорошо развитая база. В низовом звене она представлена войсковым или корабельным хозяйством, а также различными тыловыми подразделениями и учреждениями. Быт воинов тысячью нитей связан с экономикой страны. Неуклонное ее развитие, великие социально-политические достижения советского народа создают все более благоприятные условия и для улучшения воинского быта. Успехи, достигнутые в этой области, и основные направления дальнейшей работы наглядно выявились на Всеармейском совеща-

нии по улучшению быта войск, состоявшемся в декабре 1985 года в Москве.

Надо сказать, что такие совещания имеют давнюю историю. Первое из них состоялось еще в 1934 году. Руководящий состав Красной Армии рассмотрел тогда наиболее острые проблемы материально-бытового обеспечения войск. В соответствии с его выводами в 1935 году вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «Об укреплении войскового хозяйства Красной Армии» и с этой же целью была воссоздана Военно-хозяйственная академия РККА.

В 1962 году прошло второе Всеармейское совещание по быту войск, о работе которого рассказано в предыдущей главе. На нем обсуждались вопросы дальнейшего улучшения материального обеспечения и культурного досуга воинов. На основе опыта передовых частей и кораблей были разработаны конкретные мероприятия по устранению недостатков, имевшихся в бытовом устройстве личного состава.

В 1977 году состоялось третье Всеармейское совещание. Оно рассмотрело итоги прошедшего смотра-конкурса на лучшее войсковое (корабельное) и финансовое учреждение и торгово-бытовое предприятие. По результатам конкурса на совещании были разработаны и доведены до войск четкие рекомендации по улучшению оборудования всех гарнизонных сооружений и объектов.

Наконец, в 1985 году прошло четвертое Всеармейское совещание по быту. К этому времени страна добилась больших успехов в развитии экономики, науки, культуры. Значительно повысился уровень материальной и духовной жизни советских людей, что стало заметно даже по облику молодежи, приходящей в армию. Конечно, за это же время заметно улучшилось и всестороннее обеспечение личного состава армии и флота. Однако в организации быта военнослужащих (оборудование казарм, столовых, медицинских пунктов, ленинских комнат, клубов и других объектов) все еще сохранялись многие устаревшие нормы и традиции. На совещании как раз и предстояло выработать и узаконить наиболее прогрессивные взгляды на организацию воинского быта в соответствии с новыми требованиями и возросшими материальными и эстетическими возможностями.

Перед совещанием проделали большую подготовительную работу. В округах и на флотах опять провели специальные смотры-конкурсы «Лучший гарнизон по быту». Штаб и центральные управления Тыла позаботились, чтобы

все участники совещания лично увидели, как надо организовывать воинский быт в наши дни и в каком направлении его развивать. В одной из воинских частей Московского гарнизона они посетили еще и выставку основных объектов и технических средств полевого быта.

Всеармейское совещание обсудило широкий круг вопросов. С основным докладом «Быту воинов — дальнейшее качественное улучшение» выступил заместитель Министра обороны — начальник Тыла Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза С. К. Куркоткин. Тезис о том, что быт войск, условия жизни личного состава — сфера забот не только работников тыла, но и дело сугубо партийное, предметно раскрыл в своем выступлении начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. Д. Лизичев. На совещании выступили также многие командующие войсками округов, групп войск и флотов, члены военных советов и начальники тыла.

Работа продолжалась в секциях (ими руководили начальники центральных управлений Тыла). И там шел очень полезный разговор о сложных и насущных проблемах воинского быта. Все это позволило ускорить решение многих задач по дальнейшему улучшению материально-бытового обеспечения и культурного обслуживания войск. Причем сделать это не за счет дополнительных ассигнований, а путем разумного использования отпущенных средств, реализации внутренних резервов, умело поставленного соревнования.

На совещании также выступил Министр обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов. Напомнив собравшимся о том, что Коммунистическая партия постоянно проявляет большую заботу об удовлетворении нужд войск, он на опыте Прикарпатского, Одесского и других военных округов разъяснил, как конкретно надо решать задачи материального и культурного обеспечения в частях и гарнизонах, где бы они ни располагались. Для успеха дела и тут нужны инициатива, продуманная организация и подлинно отеческая забота о воинах со стороны их командиров и начальников, — подчеркнул он.

Рекомендации, выработанные на этом совещании, указания и советы Министра обороны явились для нас, организаторов тыла, руководством к действию на длительный срок. Покидая Москву, должностные лица и энтузиасты из частей и с кораблей горели желанием оборудовать у себя все бытовые объекты по наилучшим образцам с тем, чтобы

обеспечить строгий уставной порядок, полнокровную жизнь и учебу личного состава.

Характерной чертой в организации воинского быта является то, что он создается в основном руками самих же военнослужащих. Многое поэтому в благоустройстве казарм, коммунально-бытовых и других объектов зависит от их личной инициативы и того, какое значение придается в части, на корабле столь важному делу. Устройство быта не терпит душевной черствости, казенного отношения, а, наоборот, требует постоянного беспокойства и поиска, способности зорко присматриваться к явлениям и процессам, происходящим в жизни страны и Вооруженных Силах, и умения идти с ними в ногу.

Мне довелось бывать во многих частях и подразделениях, где быт воинов налажен образцово. По-настоящему восхитили новаторская инициатива и искусное мастерство офицеров и солдат части, которой на протяжении многих лет командует офицер В. Осипов. Здесь все, что имеет отношение к быту воинов, сделано особо добротнo, с заботой о людях.

В спальнях, ленинских комнатах, комнатах бытового обслуживания и других все подчинено соображениям удобства, чистоты, уставного порядка. Через стеклянные двери кладовых для хранения имущества роты и личных вещей военнослужащих можно видеть, в каком идеальном порядке в шкафах, разбитых на отсеки и ячейки, хранится солдатское обмундирование.

За последние годы очень изменился интерьер солдатских столовых. Обеденные залы, как правило, просторные, светлые, оформлены по-современному, радуют глаз чистотой и уютом. Удобные обеденные столы сервируются на шесть мест. Столовые оснащены в достатке разнообразным технологическим и холодильным оборудованием, позволяющим готовить пищу быстро, но с соблюдением всех правил кулинарного искусства.

Очень красиво оборудовали и постоянно подновляют свою столовую и подчиненные офицера В. Осипова. В центре обеденного зала разбит небольшой цветник, стены также украшены цветами и резьбой по дереву. В фойе столовой — большое табло-меню с наименованием блюд и фамилиями поваров, которые их готовили. Кстати, здесь ежедневно подаются к столу и «дары природы» из прикухонного хозяйства.

А еще есть в этой части необыкновенное кафе. Заходишь в него — и будто попадаешь в старую сказку. Посети-

телей встречают у входа вырезанные из дерева скульптуры древнерусских воинов в шлемах и латах, с копьями и щитами. В экспозиции просторного холла, протянувшейся в виде подвесного карниза, — снова персонажи русских былин и сказок. Они выполнены на фоне яркого пейзажа — пронзительная голубизна неба, белоствольные березки рощ, изумрудная зелень холмов и лугов. Завершает художественное оформление большое панно с изображением фрагмента битвы на поле Куликовом.

И в центральном зале все сделано с большим искусством и выдумкой: и столы с резными стульями, и развешанные на стенах кованые щиты с секирами, и другие атрибуты ратной русской старины. Рассказывают, что председатель местного горсовета, которого воины пригласили на открытие этого кафе, увидев всю его красоту, со вздохом сказал: «Такое сооружение я бы поставил в центре нашего города и впускал в него посетителей, как в музей!»

Остается лишь добавить, что кафе полностью оборудовано руками самих воинов. Сумму, затраченную на закупку стройматериалов, они многократно умножили за счет своей выдумки, творчества, энтузиазма. И конечно же кафе не стало музеем. У него солидный финансовый план, который из месяца в месяц перевыполняется. Но и это не главное. Здесь проводится много интересных мероприятий: чествуют именинников, организуют встречи с ветеранами, проводят утренники и тематические вечера. Само оформление кафе учит воинов лучше понимать красоту природы и историю родной страны. И последнее. Хорошо налаженный быт, безусловно, помогает боевой учебе: воины этой части на протяжении ряда лет выходят победителями в социалистическом соревновании среди других частей.

Подобных частей и соединений, где быт организован по истине образцово, в Вооруженных Силах немало. Военский труд тяжел и суров. На занятиях в поле и на дежурствах, на боевых стрельбах и пусках ракет, в полетах и дальних морских походах на долю военнослужащих выпадают большие нагрузки, требующие предельного напряжения сил, ума, воли. Советский воин несет свою службу бессменно, не считаясь с усталостью и не жалуясь на тяготы. И нужно в каждой части, на любом корабле создавать такие условия, чтобы он мог быстро отдохнуть от трудов и походов, полностью восстановить силы и набраться душевной бодрости..

Конечно, было бы неправильно думать, что всю свою физическую и творческую энергию военнослужащие в частях помимо боевой и политической подготовки затрачивают на

благоустройство казарм и военных городков, на улучшение своего быта. Отнюдь нет. Надо иметь также в виду, что многим воинам приходится напряженно трудиться и на разных участках народнохозяйственных работ, принимать участие в борьбе со стихийными бедствиями и в выполнении ряда других задач.

В этой связи хочется сказать о героических буднях строителей Байкало-Амурской магистрали. Мир еще не знал работ такого масштаба, выполняемых в столь тяжелых климатических условиях. Проложить 3200 километров стального полотна, выстояв в поединке с вечной мерзлотой, преодолеть 18 горных хребтов, перебросить сотни мостов над большими и малыми реками — эти задачи по плечу только крепким людям, с сильной волей и коммунистической устремленностью. Именно такими являются воины железнодорожных частей и подразделений, занятых на строительстве Восточного участка БАМа — своеобразного испытательного полигона, где проходят проверку на прочность не только машины, материалы и конструкции, но и человеческие характеры.

Уже сама по себе повседневная работа в этих условиях является трудовым подвигом. А сколько дополнительных, неожиданных, подчас опасных ситуаций возникает при этом! Приведу в подтверждение несколько примеров.

...На многие километры через сопки и пади пролег трубопровод, снабжающий стройку горючим. И случилась однажды беда: близ станции Дипкун трубу прорвало. Требовалось быстро устранить образовавшуюся течь. В сорокаградусный мороз воины комсомольцы А. Синицын, В. Дырда, И. Кока, И. Шалиев приступили к работе. Горючее с силой хлестало из отверстия, не позволяя наложить уплотнитель, окатывало лица и одежду, приклеивало заледеневший инструмент к ладоням. Когда наступили сумерки, работу продолжали при свете автомобильных фар. Лишь к полуночи ценой невероятных усилий удалось заделать течь. И снова ритмично забился пульс стальной артерии, питающей участок БАМа горючим. За проявленный героизм воины-комсомольцы были поощрены командиром.

...От замыкания в системе электрооборудования неожиданно загорелся топливозаправщик, находившийся рядом со складом ГСМ. Перекрыв краны слива горючего, водитель рядовой В. Тимофеев принялся тушить пожар. Но сбить пламя с пылающей машины не удалось. Тогда, не раздумывая, солдат сел за руль и тронулся с места. Ярким факелом промелькнула объятая огнем машина по проселку,

оставляя языки косматого пламени на траве. Отогнав ее подальше, Тимофеев струей из огнетушителя сбил пламя, подбиравшееся к открытой горловине цистерны. Затем стал тушить песком очаги огня на дороге. Тут подоспела помощь. Дружно взялись за лопаты крепкие солдатские руки, и огонь отступил. За мужество и находчивость командир части наградил рядового Владимира Тимофеева ценным подарком.

И еще один эпизод. При проходке скважины, предназначенной для опоры моста, бур уперся в скальный пласт. Решили разрушить его, с силой бросая вниз через специальную обсадную трубу тяжелый заостренный снаряд. Неожиданно трос оборвался и полутонное стальное острие засело на восьмиметровой глубине, прочно закупорив скважину. Работа на мосту остановилась. Как вытащить снаряд? Руководитель работ старший лейтенант Н. Столяров и прибывшие на место инженеры напрасно ломали голову: обычные решения не годились.

— Товарищ старший лейтенант, — услышал вдруг Столяров голос за спиной. — А что, если спуститься по трубе вниз и зацепить снаряд тросом? Я бы мог попробовать...

Перед офицером стоял машинист электростанции ефрейтор Виктор Акимов. Поскольку другого выхода Столяров не видел, он принял предложение.

Обвязавшись страховочной веревкой и прихватив трос с петлей на конце, Акимов скользнул в черный зев трубы. Над головой с каждой минутой сужался голубой кружок неба, но ефрейтор, упираясь руками, ногами и спиной в стенки трубы, опускался все ниже. Наконец он с трудом нащупал ногой шейку снаряда, затем, пригнувшись, накинул на нее петлю троса и крикнул: «Тащи!» Трос натянулся... и петля соскочила с шейки. Онемевшими пальцами Акимов сделал новую петлю. Лишь с третьей попытки удалось-таки «заарканить» снаряд и поднять его наверх. Буровая заработала вновь.

В тот же день командир ефрейтора Акимова написал письмо, которое ушло в Волгоградскую область. В нем были следующие слова: «Спасибо Вам, Варвара Григорьевна, за то, что Вы воспитали такого сына, такого верного товарища и такого мужественного солдата, как Ваш Виктор».

Мужество, самоотверженность в полной мере проявили воины-железнодорожники при спасении моста, построенного ими через р. Бурей. Разлившаяся после ливневых дождей и обильного таяния снега в горах река поглотила высокие ледорезы, предохранявшие опоры, и отрезала мост от

берегов. Огромные коряги и стволы деревьев, плывущие по течению, вскоре образовали у моста прочные заторы. От бешеного напора воды мост содрогался и в любую минуту мог рухнуть. И тогда командир батальона майор Л. Светлов во главе группы воинов-добровольцев вступил в единоборство со стихией.

Сержанты Н. Винилов, Н. Нестеров, рядовые А. Артемьев, Е. Сахбаев, В. Поздеев и другие баграми и ломами взламывали заторы и проталкивали их под пролеты моста. Все действовали расчетливо и смело. Когда у одной из спор образовался новый затор, лейтенант Е. Супрун первым спустился на зыбкое нагромождение скользких бревен. Прикрепив веревки к самым толстым стволам, он забросил их концы на берег. Дружные, согласованные усилия группы солдат, и вот уже завал, распавшийся на части, пронесло бурной водой под пролетами моста. Целые сутки длилась схватка с разбушевавшейся Буреей, пока ее напор не ослабел и угроза не миновала.

Большой трудовой подвиг совершил коллектив бамовцев, работавший на участке дороги в отрогах Дуссе-Алиньского хребта. Пробитый здесь несколько десятилетий назад почти двухкилометровый тоннель был прочно закупорен льдом. На его расчистку по проекту работ отводился целый год. Поначалу лед дробили отбойными молотками и вывозили наружу в вагонетках и самосвалах. Дело подвигалось медленно, и с этим никак не могли смириться воины-железнодорожники. Тогда кто-то из них предложил плавить верхние пласты льда нагретым с помощью теплогенераторов воздухом. Попробовали — и получилось, хотя работа значительно усложнилась: расчищать низ штрека приходилось под струями ледяной воды, стекавшей сверху. Несмотря ни на что, работы велись днем и ночью. Солдаты и сержанты стойко переносили все неудобства, жили общим стремлением — как можно быстрее выполнить задачу. И своего добились: освободили тоннель ото льда в четыре раза быстрее, чем намечалось.

Примеров, подобных этим, в летописи строительства Восточного участка БАМа было множество. Работы велись в сложных природных и инженерно-геологических условиях. Климат в этой местности резко континентальный с суровой, до 60 и более градусов мороза зимой и очень жарким летом. Большие температурные перепады, бездорожье, тяжелые условия для организации быта подвергли строгой проверке как профессиональные, так и морально-психологические качества военнослужащих. Каждый возведенный ки-

лометр таежной магистрали потребовал от них не только ударного труда, высокой его механизации, но и проявления лучших качеств характера.

Воины-железнодорожники с честью выдержали суровый экзамен. На своем участке магистрали они разработали свыше 200 млн. кубометров грунта, возвели 1217 искусственных сооружений, уложили 1250 км железнодорожного пути, выполнили значительный объем других видов работ. Уже в апреле 1984 года, на полтора года раньше срока завершив укладку главного пути, они открыли сквозное движение на всем протяжении Восточного участка БАМа. И Родина по достоинству оценила их самоотверженный труд. Многие офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты, рабочие и служащие Советской Армии были удостоены орденов и медалей, в том числе — специально учрежденной медали «За строительство Байкало-Амурской магистрали». Подполковникам С. Пальчуку и В. Куприянову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Передовые части, которыми командовали полковники Г. Когатько и А. Малахович, награждены Вымпелом Министра обороны СССР за мужество и воинскую доблесть...

Хотелось бы рассказать еще об одном очень важном участке, на котором самоотверженно трудятся многие солдаты тыла. Каждое лето, и это стало уже традицией, многие военные водители участвуют в уборке урожая в различных районах страны, оказывая в этом существенную помощь труженикам сельского хозяйства. К каждой уборочной старательно готовятся и люди, и машины. Быт водителей и безотказную работу техники в период страды обеспечивают подразделения обслуживания. Ведь следует организовать не только питание и отдых личного состава, но и позаботиться, чтобы воины могли всегда помыться в бане и поменять белье, получить срочную медпомощь и отремонтировать обувь, посмотреть новый кинофильм и приобрести необходимое в лавке Военторга.

Тщательно отлаженная организация дела позволяет успешно трудиться в любой, даже самой неблагоприятной обстановке. Особенно сложной, помнится, выдалась погода в 1976 году. Шли частые затяжные дожди, что крайне усложняло и уборку урожая, и вывозку зерна. Но и в этих условиях личный состав автобатарьонов, которыми командовали офицеры С. Ермак, К. Игнатенко, Ф. Сердюков и Н. Кизимов, выполнил ответственное задание с честью. Только подчиненные подполковника Ермака при норме 500 тыс. г пе-

ревели за осень 1 млн. 645 тыс. т различных сельскохозяйственных грузов.

Успех автомобилистов в ту страдную пору был достигнут за счет передовой организации труда, высокой профессиональной выучки и дисциплинированности воинов, чувства особой личной ответственности каждого за успех общего дела. Многие воины ежедневно в 2—3 раза перекрывали нормы вывозки зерна. А ефрейтор М. Алехин и рядовой П. Кузнецов перевезли более 6 тыс. т грузов каждый! Когда же выяснилось, что в одном из хозяйств часть комбайнов простаивает из-за нехватки механизаторов, то пятеро воинов, владеющих этой специальностью, сели в кабины степных кораблей и включились в жатву хлеба. Позже, во время уборки сахарной свеклы, ежедневно ремонтники и другие свободные от рейсов специалисты добровольно выходили на уборку свеклы.

В 1980 году отличился автомобильный батальон офицера А. Крыжко. Его водители перевезли 1 млн. 600 тыс. т сельскохозяйственных продуктов, в том числе 1 млн. т зерна, значительно перевыполнив все плановые задания¹.

С раннего утра до позднего вечера, а иногда и круглосуточно армейские машины перевозили хлеб, овощи, корма. Каждый водитель взял повышенные обязательства в соревновании, многие включились в движение «тысячников», а затем «двухтысячников». Первыми добились звания «двухтысячника» рядовые В. Коростов, И. Булюк и А. Бабин, о чем известили красные звездочки, появившиеся на бортах их автомашин. А к концу страды три четверти всех водителей батальона также перевезли по две и более тысячи тонн зерна.

Достижению столь высоких показателей способствовали многие факторы. Здесь и работа водителей по скользящему графику, позволявшему бесперебойно транспортировать зерно при посменном отдыхе людей. И максимальное использование для рейсов ночного времени, поскольку элеваторы не справлялись днем с потоком зерна и автомобили иногда простаивали под разгрузкой. И постоянная взаимопомощь и выручка в коллективах автомобилистов.

И тут, среди подчиненных офицера А. Крыжко, нашлись люди, работавшие до армии механизаторами на селе. С разрешения командира они отремонтировали несколько вы-

¹ См.: Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил, 1981, № 4, с. 66.

шедших из строя совхозных комбайнов и тракторов и сели за их штурвалы. Комсомольцы С. Левченко, М. Белановский, А. Гроцкий, А. Наливко и на уборке зерновых вышли в передовики.

Постоянно, а тем более в самые горячие дни, в батальоне велась целеустремленная политико-воспитательная работа. Проводились накоротке собрания с постановкой задач и подведением итогов. Ход соревнования оперативно отражался в молниях, листовках, боевых листках. Победителям вручались красные вымпелы и почетные грамоты.

Большое воздействие на солдат, сержантов и офицеров оказывали встречи со знатными хлеборобами и участниками Великой Отечественной войны из местных колхозов и совхозов. Они помогали нагляднее воспринимать славные боевые и трудовые традиции нашего народа и максимально мобилизовать свои силы и все помыслы на труд и на подвиг в жаркой битве за хлеб.

В этой связи не могу не рассказать о героическом поступке коммуниста командира автомобильного подразделения капитана Н. Кузнецова. Войны под его командованием помогали убирать урожай в совхозе «Гигант» Ростовской области. Жара стояла невыносимая. Когда же поднялся и сильный ветер, капитан услышал вдруг крик:

— Хлеб горит!

Выскочив из палатки, где он оформлял документацию, офицер увидел клубы дыма, вздымавшиеся к небу со стороны пшеничного поля. Не мешкая, вместе с двумя подчиненными Кузнецов вскочил на трактор и погнал его к месту пожара. Только подъехав ближе, он осознал всю неотвратимость грозящей беды. Одного военнослужащего капитан отправил за подмогой в лагерь, а вместе с другим стал лопатами окапывать поле с наветренной стороны. На другом конце хлебного массива прокладывали глубокие борозды, преграждая путь огню, тракторы. Когда люди уже начали теснить стихию, неожиданно изменил направление ветер, и в один миг огненный столб накрыл Кузнецова...

Из огня его вынесли подоспевшие солдаты. Спасти жизнь офицера не удалось... Но урожай на пшеничном поле войны отстояли, довершив схватку с огнем, в которую первым бесстрашно вступил их командир. Решением Сальского райисполкома одна из улиц города была тогда переименована в улицу Кузнецова. И поле, на котором он сражался с огнем, также названо «Полею капитана Кузнецова», о чем извещает установленная у его кромки мемориальная доска...

С тех пор на каждой уборочной проводится специальная декада ударного труда в память о подвиге офицера Н. Кузнецова. В эти дни военные водители работают с максимальным напряжением, перекрывая все нормы перевозки грузов, экономя горючее и зорко следя за тем, чтобы на самых протяженных маршрутах не было утеряно ни килограмма зерна из нового урожая. И каждый год имена сотен лучших из них вносятся в летопись очередной битвы за большой хлеб...

Так трудятся солдаты на одном из трудных участков сельского хозяйства страны. Ныне, когда партия провозгласила важнейшей задачей осуществление крупномасштабной Продовольственной программы, воины-автомобилисты внесут еще более весомый вклад в это поистине всенародное дело.

Как видим, солдаты тыла добросовестно трудятся везде, куда их посылают приказ и воля командира. Когда же возникают критические обстоятельства, складывается особо напряженная обстановка, то это побуждает их действовать с тройным напряжением сил, бесстрашно и самоотверженно, поистине — как в бою. Именно в таких экстремальных условиях вступили в схватку с незримым врагом — вырвавшимся на волю атомом — первые отряды советских воинов, прибывших для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В их числе были химики-разведчики и дозиметристы, медицинские работники и саперы, трубопроводчики и водители машин, многие другие специалисты тыла. А случилась беда нежданная как раз в канун светлых Первомайских праздников 1986 года...

Первыми приняли тогда на себя огненный шквал разбушевавшейся стихии пожарные, руководимые майором Л. П. Телятниковым. Их было 28 человек, презревших страх за свою участь ради спасения многих советских людей от возможной чудовищной катастрофы. И тут невольно вспоминаешь о других двадцати восьми — бойцах-панфиловцах, вставших насмерть под Москвой в том давнем сорок первом, чтобы преградить путь коричневой чуме, угрожавшей неисчислимыми бедами родной земле. И видишь в этих двух эпизодах не случайное совпадение событий, отдаленных друг от друга «толщей лет», а ярчайший символ эстафеты массового героизма советских людей!.. Без колебаний и промедления вступили смельчаки пожарные в грозную схватку с огнем. И сделали все, что было в их силах, и да-

же более того, чтобы укротить пожар. За этот подвиг все бойцы отряда офицера Телятникова (увы, многие — по-смертно) были награждены орденами СССР, а Леонид Петрович удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В числе первых включился в многодневную работу в опасной зоне у АЭС и лейтенант медицинской службы М. Музычин. Ему не нужно было объяснять, что и как надлежит делать в этой непредвиденной ситуации. Санитарный врач видел — случилось большое несчастье и людям вокруг очень нужны его знания и заботливые, умелые руки. И Музычин трудился самоотверженно и бесстрашно, столько, сколько требовалось по обстановке и насколько хватало его сил, — впрочем, о себе в эти первые дни он просто забывал. Труд офицера-медика был по достоинству оценен тогда в специальном боевом листке, выпущенном политуправлением Краснознаменного Прикарпатского военного округа.

С высокой самоотдачей, как в боевой обстановке, действовал в районе Чернобыля и военный врач-терапевт А. В. Смирнов. Как старший ординатор госпитального взвода Андрей Владимирович квалифицированно проводил обследование и лечение лиц, получивших облучение, показав себя не только опытным диагностиком, но и человеком доброй души, умеющим хорошо лечить и словом. За самоотверженный труд и высокое профессиональное мастерство лейтенант медслужбы А. Смирнов также поощрен командованием.

Среди лучших военных медицинских работников, вставших на многосуточную вахту в Чернобыле в самое тревожное время (и продолжавших потом нести здесь бессменную службу), можно по праву назвать старших лейтенантов В. Трегуба и А. Терещенко, лейтенанта Н. Поткина, санинструктора В. Берцова и многих, многих других...

Нельзя не сказать доброго слова и о военных водителях, непрерывно подвозивших к четвертому реактору АЭС железобетонные плиты, растворы цемента и бетона для сооружения «саркофага», а также горючее и различное имущество, в котором ощущалась срочная потребность. Водитель бензозаправщика рядовой П. Культиясов в любое время суток быстро производил заправку различной техники, работавшей в зонах радиоактивного «загрязнения» непосредственно на территории атомной станции. Добрую славу заслужил в автоколонне своим непоказным мужеством и выдержкой водитель старшина В. Теличко. Ему поручались самые срочные грузы, которые требовались в данный мо-

мент на участках работ в опасной зоне, и любое задание старшина выполнял на «отлично».

Сотни успешных рейсов совершил на своем бетоновозе по черновыльским дорогам старший сержант Александр Журавлев. В Днепропетровске, где он работал до призыва на одном из промышленных предприятий, его до сих пор помнят как ударника коммунистического труда, человека с надежной рабочей хваткой. И здесь, в армии, Журавлев — партгрупорг роты — всегда показывал высокий личный пример за рулем автомашины. Всегда спокойный, немногословный старший сержант умел поддержать у солдат автороты боевой настрой, снять физическое и моральное напряжение нехитрой шуткой, рассудительной фразой, в любой момент был готов прийти на помощь ослабевшему. И водители этой роты трудились под стать партийному вожаку.

Когда Журавлева спросили, что больше всего запомнилось ему из черновыльской эпопеи, он ответил:

— Особенно памятна самоотверженность солдат, проявленная в трудных ночных рейсах. Все подчинялось одному стремлению: обеспечить к утру материалами весь фронт работ по укрощению аварийного реактора. Счет времени шел на минуты. И ни одна машина не пробыла в загрязненной зоне больше положенного срока: и техника и люди работали надежно, слаженно.

Пример активного и творческого отношения к делу неизменно показывали офицеры. Командир отличной роты капитан П. Заборовский, например, и в этой необычной обстановке проявил высокие организаторские качества, способность быстро ориентироваться в обстоятельствах и находить кратчайшие пути для решения возникающих задач. За годы армейской службы офицер приобрел большой и разносторонний опыт, командовал и трубопроводным и пожарным подразделениями, и это пригодилось сейчас более всего.

В один из дней его срочно вызвал представитель Государственной комиссии.

— Ситуация усложняется, — кратко сообщил он офицеру. — Под аварийным реактором в специальном резервуаре скопилось много воды. Если бетонное основание реактора не выдержит и он осядет — может случиться непоправимое. Необходимо в кратчайшие сроки организовать откачку воды. Кое-какие соображения на этот счет у нас имеются. Но окончательное решение примем после вашего доклада.

Вскоре бронетранспортер доставил офицера и двух сол-

дат-добровольцев к месту, откуда предстояло проникнуть к резервуару. Приборы радиационной разведки показали, что у бетонной стены АЭС можно находиться считанные минуты. Сменяя друг друга, войны приступили к работе. И едва отверстие было пробито, как капитан Зборовский шагнул в него, навстречу неизвестному...

— Считаю предварительное решение Госкомиссии нецелесообразным, — заявил офицер, вернувшись из разведки. — Есть более надежный вариант. И я предлагаю следующее...

Решение капитана Зборовского было утверждено Государственной комиссией. После соответствующей подготовки началась опасная операция по сливу воды из-под основания поврежденного реактора. Утром 8 мая командир роты доложил заместителю Председателя Совета Министров СССР А. Силаеву о том, что порученное ему задание выполнено. За отличную работу всем воинам, которые трудились на этом участке во главе со своим инициативным и смелым командиром, была объявлена благодарность.

Десятки офицеров, сотни солдат и сержантов трудились в зоне Чернобыльской АЭС столь же бесстрашно и самоотверженно. Они знали, что работа их тяжела и небезопасна, но она крайне нужна для того, чтобы отвести черную тень беды от людей, и спешили без раздумий туда, где были в этот момент нужнее всего. В их рядах образцово выполняли свой солдатский долг и воины трубопроводной роты капитана А. Емаева, и личный состав вещевой службы, возглавляемой подполковником В. Завирухой, и специалисты продовольственной службы части майора В. Савенкова, и многие другие представители самых на первый взгляд «негероических» профессий.

В целом солдаты тыла внесли весомый вклад в борьбу с бедой, постигшей жителей районов, прилегающих к Чернобылю. И здесь уместно привести слова Генерального секретаря ЦК КПСС на этот счет. «С полным основанием могу сказать, — заявил 14 мая 1986 г. в своем выступлении по советскому телевидению М. С. Горбачев, — при всей тяжести случившегося ущерб оказался ограниченным в решающей мере благодаря мужеству и мастерству наших людей, их верности своему долгу, слаженности действий всех, кто принимает участие в ликвидации последствий аварии»¹.

Закончить это повествование о славных делах тыла в наши дни я хотел бы рассказом об их участии в интерна-

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987, т. 3, с. 392.

циональной помощи народу Демократической Республики Афганистан. В составе ограниченного контингента советских войск, временно находящихся на территории ДРА, несут свою нелегкую службу воины различных подразделений, учреждений и служб тыла. Как и личный состав боевых подразделений, они честно и добросовестно исполняют свой воинский долг, проявляя мужество и отвагу.

В Афганистане — стране гор — почти нет, как известно, железных дорог. Поэтому вся тяжесть перевозок падает на автомобильный транспорт. Именно он обеспечивает доставку из Советского Союза в ДРА различных грузов, в которых остро нуждаются хозяйство и население молодой республики. По этим же горным дорогам днем и ночью осуществляются поставки военного имущества советским войскам. Естественно, все это сопряжено с немалыми трудностями: душманское отребье прилагает отчаянные усилия к тому, чтобы нарушить эти коммуникации. И здесь опять проходят экзамен на воинскую зрелость наши военные автомобилисты. Примеров тому — более чем достаточно.

Авторота, где заместителем командира старший лейтенант Н. Абдулаев, совершила около 50 рейсов по подвозу горючего в отдаленные пункты. В пути случалось всякое, но каждый раз водители с честью выходили из трудных положений. Наткнувшись на бандитскую засаду, Абдулаев умело организовывал отпор врагу, и колонна продолжала свой путь. Проявив личную храбрость, офицер собственноручно уничтожил при этом три огневые точки душманов. Он награжден орденом Красной Звезды.

Командир автомобильного отделения младший сержант М. Усманов также не раз участвовал в отражении бандитских наскоков. Был ранен в грудь и голову, но продолжал вести ответный огонь и руководить действиями отделения в одной из стычек с душманами. За смелость, проявленную при выполнении боевой задачи, награжден орденом Красной Звезды.

Можно назвать десятки других военных водителей и их командиров, удостоенных правительственных наград за воинское мастерство и мужество, за успешное выполнение важных заданий в опасной для жизни обстановке. Это капитаны А. Харламов и Г. Арапов, старший лейтенант Ю. Слатов, старший прапорщик В. Животнов, прапорщики Н. Максимов и Н. Гармаш, рядовые Н. Расулов, С. Буслаев, С. Внуков...

В постоянном и тесном контакте с автомобилистами действуют в Афганистане воины-дорожники. Они ремонтируют

дороги и мосты, охраняют наиболее опасные участки, обеспечивают бесперебойное движение автотранспорта, боевой техники, организуют сопровождение колонн. Особенно усиленно охраняются от душманов перевальные участки и тоннели.

Рядовой Олег Медведев тоже сопровождал в тот раз колонну советских и афганских автомобилей. Возле одной из сторожевых застав на нее напала крупная банда душманов. Загорелось несколько машин, образовалась пробка на дороге. В дыму и пламени Олег по приказу командира начал регулировать движение, помогая водителям развернуть машины и вывести их из зоны обстрела. Когда почти вся колонна уже переместилась в безопасное место, одна из бандитских гранат попала в бензовоз, и сильный взрыв контузил регулировщика. Но и тогда он не покинул своего поста. И только вторая вражеская граната оборвала жизнь воина. За мужество и героизм рядовой О. Медведев награжден посмертно орденом Красного Знамени.

В другой схватке с душманами отличились младшие сержанты С. Трухан и Г. Сулимов, рядовой О. Поляков. Они вынесли с поля боя раненых командира и двух своих товарищей, после чего прикрыли огнем выход из-под обстрела колонны автомашин. Все трое не покинули своих позиций до тех пор, пока последняя машина не укрылась за скалами. Они награждены медалью «За отвагу».

О ратных заслугах специалистов медицинской службы, находящихся в Афганистане, все говорят только одно хорошее. Особым уважением пользуется в их коллективе доктор медицинских наук хирург Н. Косачев. Он оказал квалифицированную помощь многим раненым афганским и советским солдатам, буквально вырвав некоторых из рук смерти. За свой самоотверженный труд советский врач награжден боевыми наградами СССР и ДРА.

Большой авторитет завоевал у сослуживцев и ведущий хирург медицинского батальона М. Шклярук. Участвуя в отражении нападения бандитских формирований, он оказал помощь 58 раненым, причем нескольких сам вынес из-под огня. Майор медслужбы Шклярук награжден орденом Красной Звезды.

Водитель-санитар С. Фадеев вынес с поля боя двоих раненых, оказал срочную помощь пятерым. За этот подвиг награжден медалью «За боевые заслуги». Позже Фадеев спас жизнь еще пятерым тяжелораненым афганским военнослужащим, за что представлен к медали «За отвагу».

Перечень подвигов отважных военных медиков можно бы-

ло бы продолжить. Они отдают все силы, знания, опыт делу сохранения и укрепления здоровья наших воинов-интернационалистов, а в сложной обстановке, рискуя собственной жизнью, оказывают быструю и квалифицированную помощь раненым военнослужащим и местным жителям.

Есть свои герои, отмеченные боевыми наградами, и в других службах тыла ограниченного контингента советских войск в ДРА. Это — капитан А. Якуш, прапорщики А. Капанов и В. Кадников, майор И. Бугаенко и старший лейтенант Л. Никуличев, майоры Н. Богоутдинов и И. Давыдов, старший лейтенант Н. Циганий, рядовые В. Кох и Г. Махов, старший сержант В. Гончар. Трое последних, кстати сказать, награждены медалью «За боевые заслуги» за предотвращение душманской диверсии: они спасли от взрыва важный трубопровод...

Таковы трудовые и ратные дела солдат тыла в мирные дни. Успешно решая свои задачи, личный состав подразделений, частей, учреждений и служб тыла ни на минуту не забывает о своем предназначении на случай возможной войны и потому настойчиво повышает боевую готовность. Критерии ее едины для войск и тыла.

Как известно, к числу важнейших факторов боевой готовности относится решимость и способность личного состава армии и флота дать немедленный и сокрушительный отпор любому агрессору. Этот фактор приобретает особую значимость в современных условиях, когда новые средства вооруженной борьбы создают определенные возможности для попыток внезапного нападения агрессора на страны социалистического содружества. Это обстоятельство, как и политика реакционных империалистических кругов, рассчитанная на достижение военного превосходства над Советским Союзом, на усиление международной напряженности, обязывает и нас, солдат тыла, неустанно крепить свою готовность к вооруженной защите социалистического Отечества. С этой целью в частях, штабах и учреждениях тыла ведется постоянная работа по формированию у личного состава прочных морально-политических и психологических качеств, необходимых для действий в условиях современной войны. Большое внимание уделяется также сокращению сроков приведения всех механизмов тылового обеспечения в полную готовность, уменьшению его уязвимости от воздействия противника и повышению живучести в боевых условиях.

В практику управления тылом все шире внедряются средства автоматизации, позволяющие комплексно решать вопросы сбора, передачи, обработки и выдачи информации о боевой и тыловой обстановке, состоянии тыла и обеспеченности войск (сил) материально-техническими и другими средствами. Автоматизированная система управления дает возможность резко сокращать время на выработку решений, планирование всех мероприятий и доведение приказов, распоряжений, команд до частей, подразделений и учреждений тыла, значительно повышая их боеготовность, подвижность и производительность.

Готовность к реальным боевым действиям распространяется на все силы и средства тыла, будь то личный состав, материальные запасы или обширный парк специальной техники. Систематическое и четкое выполнение установленных мероприятий — от внезапных проверок частей и подъема по тревоге материальных запасов до выполнения всех регламентов по обслуживанию и ремонту техники — обеспечивает возможность приведения их в действие в кратчайшее время. С этой же целью постоянно совершенствуется система оповещения, сокращаются сроки свертывания и развертывания тыловых объектов.

Высокая боеготовность войск и их тыла преследует, однако, не только эту цель — не дать застать себя врасплох в первые минуты вероломного нападения агрессора. Требуется также создать все предпосылки для полного разгрома противника в ходе последующих боевых действий. Вот почему в общем комплексе мероприятий, обеспечивающих постоянную боеготовность Вооруженных Сил, все большее значение приобретает высокая боевая и специальная выучка личного состава армии и флота, включая и солдат тыла. Этот важный фактор достижения успеха в современном бою также находится в центре внимания командиров, начальников штабов и служб тыла. Личный состав тыловых частей и подразделений настойчиво учится быстро прокладывать и восстанавливать пути сообщения и подвоза, в кратчайшие сроки перерабатывать огромную массу различных материальных средств и доставлять их войскам всеми видами транспорта, качественно и быстро производить ремонт техники тыла и военного имущества, искусно применять сложнейшую полевую аппаратуру для медицинского обеспечения личного состава.

В современном бою особую остроту приобретают и вопросы боевого обеспечения тыла. Если в прошлом достаточно было, как правило, организовать непосредственную охрану

важных тыловых объектов, то ныне возникла необходимость и в надежной их обороне в случае возможного нападения противника. В ходе подготовки специалистов тыла должное внимание уделяется и этим задачам — путем организации необходимых мероприятий, использования выделенных средств и отработки соответствующих действий.

В обеспечении высокой боеготовности войск и тыла в современных условиях все более важную роль играет крепкая воинская дисциплина. Она цементирует боевой строй вооруженных защитников Родины, повышает их стойкость, подчиняет все их помыслы великой цели служения партии и народу. Вот почему неуставная борьба за четкий уставной порядок и организованность, за укрепление дисциплины и повышение исполнительности личного состава — первейшая задача всех должностных лиц в войсках и органах тыла.

* * *

«Партия ни на минуту не ослабляет усилий по дальнейшему повышению обороноспособности страны, отводит военным кадрам особую роль в решении этой жизненно важной задачи, — подчеркнул в своем докладе на январском Пленуме ЦК КПСС (1987 г.) Генеральный секретарь Центрального Комитета партии М. С. Горбачев. — Советские Вооруженные Силы также живут перестройкой. Они надежно обеспечивают мирный труд народа и безопасность страны, с честью выполняют свой интернациональный долг»¹.

КПСС всегда держит в поле зрения и такой важный участок, как Тыл Вооруженных Сил. И это естественно: современная война, при ее масштабах и материально-технических потребностях войск, предполагает особо четкую работу всех эшелонов и элементов тыла. И к решению своих задач они готовы. Крупные преобразования, осуществленные за последние годы в организации и оснащении тыла, позволили привести его в качественно новое состояние: по своей сути и возможностям тыл стал ныне совсем другим. Во много изменился и его личный состав, хорошо овладевший своей мощной, высокопроизводительной техникой, новыми знаниями и навыками. Неизменной осталась лишь беспредельная преданность солдат тыла Коммунистической партии и советскому народу. И решимость — до конца исполнить свой воинский долг на порученном им участке.

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС. 27—28 янв. 1987. М., 1987, с. 62.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Глава первая. Новое назначение	5
Глава вторая. В стенах академии	22
Глава третья. Проверка жизнью	57
Глава четвертая. Инспекция	94
Глава пятая. Проблемы и решения	123
Глава шестая. Энтузиасты войскового хозяйства	179
Глава седьмая. В интересах высокой боеготовности	219

Иван Макарович Голушко

СОЛДАТЫ ТЫЛА

Редактор С. Г. Шалкин

Художник В. В. Васильев

Художественный редактор А. Я. Салтанов

Технический редактор Н. Я. Богданова

Корректор А. А. Халилуллина

ИБ 3287

Сдано в набор 24.03.87. Подписано в печать 24.02.88. Г-12195.

Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая.

Печать высокая. Печ. л. 8¹/₂. Усл. печ. л. 14,28 + 2 вкл., ¹⁷/₃₂ печ. л.;

0,89 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 15,17. Уч.-изд. л. 17,44.

Тираж 50.000 экз. Изд. № 12/3012. Зак. 535. Цена 1 р. 30 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата.

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

1р 30 к





ИСТОРИКО • СОПЪАТЪЛ • ТЪЛЪА